

Аньес Мартен-Люган

Счастливые люди читают книжки и пьют кофе

Гийому и Симону-Адероу, для которых я живу

Нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и обратиться к врачу для ее лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Зигмунд Фрейд Печаль и Меланхолия

Глава первая

— Мам, ну пожалуйста!..

— Нет, Клара, я сказала «нет».

— Да ладно, Диана. Отпусти ее со мной.

— Колен, не морочь голову. Если Клара пойдет с тобой, вы провозитесь невесть сколько, и в ближайшие три дня мы на каникулы не уедем.

— Пошли с нами, проследишь, чтобы мы не тянули!

— Ну уж нет. Видел, сколько мне нужно сделать?!

— Тем более. Я возьму с собой Клару и никто тебе не будет мешать.

— Ма-ам!

— Ладно, так и быть. Бегите! Быстро! С глаз моих долой.

Они помчались, толкаясь, по лестнице.

Потом я узнала, что они продолжали валять дурака в машине, когда в нее врезался грузовик. Я сказала себе, что они умерли смеясь. И еще, что я хотела бы быть там, вместе с ними.

И вот уже год, как я ежедневно твержу себе, что лучше бы я умерла вместе с ними. Но сердце продолжает упорно биться. И поддерживать во мне жизнь. К великому моему несчастью.

Съездившись на диване, я уставилась на завитки дыма над сигаретой, и тут открылась входная дверь. Теперь Феликс не ждал приглашения. Он просто заявлялся без предупреждения, ну или практически без него. Каждый день. И зачем я дала ему запасные ключи?!

Он вошел, я вздрогнула, и пепел просыпался на пижаму. Я быстро сдула его на пол. Чтобы не видеть, как Феликс принимается на каждодневную уборку, я отправилась на кухню подзарядиться кофе.

Когда я вернулась, все оставалось на местах. На низеньком столике по-прежнему громоздились переполненные окурками пепельницы, пустые чашки, коробки из-под доставленной еды и бутылки. Феликс сидел нога на ногу и в упор смотрел на меня. Увидев его таким серьезным, я на секунду растерялась, но больше всего меня поразил Феликсов наряд. Почему он в костюме? Где его вечные дырявые джинсы и обтягивающие майки?

— Куда это ты собрался? На свадьбу или на похороны?

— Который час?

— Это не ответ на мой вопрос. Плевать мне, который час. Ты вырядился, чтобы снять очередного красавца-мажора?

— Предпочел бы. Но уже два часа, так что иди умывайся и одевайся. Не пойдешь же ты туда в таком виде.

— Куда это я должна, по-твоему, пойти?

— Поторопись. Твои родители и родители Колена будут нас ждать. Мы должны быть там через час.

По телу пробежала дрожь, руки затряслись, комок желчи подкатил к горлу.

— И речи быть не может, на кладбище я не пойду. Слышишь?

— Ради них, — мягко попросил он. — Сегодня ты должна пойти, ведь исполняется ровно год, тебя все поддержат.

— Не нужна мне ничья поддержка. Я отказываюсь идти на эту дурацкую церемонию. Вы что, полагали, будто я захочу отпраздновать их смерть?

Мой голос дрогнул, покатались первые за день слезы. Сквозь туман я увидела, как Феликс встал и подошел ко мне. Он обнял меня и крепко прижал к груди.

— Диана, ну пожалуйста, пойдя. Ради них.

Я с силой оттолкнула его.

— Ты что, плохо соображаешь? Я же сказала, что не пойду. Убирайся, — завопила я, заметив, что он намеревается снова шагнуть ко мне.

Я побежала в спальню. Руки дрожали, но я все же ухитрилась повернуть ключ на два оборота. И свалилась на пол, прислонившись спиной к двери, подтянув коленки к груди. Воцарившуюся в квартире тишину нарушил вздох Феликса.

— Зайду вечером.

— Не хочу тебя больше видеть.

— Хотя бы заставь себя помыться, иначе я собственноручно суну тебя под душ.

Его шаги удалились, потом хлопнувшая дверь известила меня о том, что он наконец ушел.

Долго-долго я продолжала лежать, ни о чем не думая, упершись головой в колени, а потом подняла глаза на свою кровать. С трудом доползла до нее на четвереньках, залезла и закуталась в одеяло. И как всякий раз, когда я оказывалась в постели, начала принюхиваться, пытаюсь уловить запах Колена. Он в конце концов улетучился, хоть я и не перестилала с тех пор простыни. Мне нужно было хотя бы еще раз ощутить его, чтобы забыть запах больницы, смерти, пропитавший его кожу, когда я в последний раз уткнулась головой ему в шею.

Я хотела уснуть — возможно, сон поможет мне забыть.

Год назад, когда в сопровождении Феликса я приехала в больницу скорой помощи, мне заявили, что всё, слишком поздно, моя дочка умерла в машине. Врачи подождали, пока у меня закончится приступ рвоты, после чего объявили, что Колену осталось жить несколько минут или в лучшем случае несколько часов. И если я хочу с ним попрощаться, мне не стоит терять время. Мне бы завопить, прокричать им, что они врут, но я была не в состоянии. Я вдруг оказалась в центре полновесного кошмара, и мне захотелось поверить, что я вот-вот проснусь. Но медсестра повела нас к боксу, куда положили Колена. Каждое произнесенное слово, каждый жест с момента, как я вошла в эту комнату, отпечатались в моей памяти. Там на кровати лежал Колен, подключенный к аппаратам, которые громко шумели и мигали огоньками. Он едва шевелился, лицо было в кровоподтеках. Это зрелище парализовало меня на несколько минут. Феликс вошел вслед за мной, и его присутствие помешало мне отключиться. Голова Колена медленно повернулась ко мне, его глаза заглянули в мои. Он даже нашел в себе силы, чтобы выдать намек на улыбку. И эта улыбка позволила мне подойти к нему. Я взяла его за руку, и он сжал мои пальцы.

— Ты должна быть с Кларой, — с трудом произнес он.

— Колен, Клара...

— Она в операционной, — резко перебил меня Феликс.

Я подняла голову. Избегая моего взгляда, он улыбнулся Колену. У меня зашумело в ушах, каждую клетку тела пронизала дрожь, глаза затуманились. Я почувствовала, что рука Колена сжимает мою руку сильнее. Я смотрела на него, а он в это время слушал рассказ Феликса о Кларе: тот объяснял, что Клара выкарабкается. Эта ложь грубо вернула меня к действительности. Рвущимся голосом Колен сказал, что не видел грузовика — он распевал с Кларой песню. Я потеряла дар речи. Наклонившись к нему, я провела рукой по его волосам, по лбу. Его лицо снова обратилось ко мне. Я смотрела на него сквозь слезы, оно расплывалось. Он уже уходил. Я задыхалась. Он поднял руку и положил ладонь мне на щеку.

— Ш-ш-ш, любимая, — сказал он. — Успокойся. Слышала, что говорит Феликс? Ты понадобишься Кларе.

Мне не удалось отвести глаза, в которые он впился взглядом, полным надежды на спасение нашей дочки.

— А как же ты? — с трудом выдавила я.

— Главное — она, — сказал он, стирая с моей щеки слезу.

Мои рыдания удвоились, и я прижалась лицом к его пока еще теплой ладони. Он был еще здесь. Еще. Я цеплялась за это «еще».

— Колен, я не могу тебя потерять, — прошептала я.

— Ты не одна, у тебя есть Клара, и Феликс позаботится о вас обеих.

Я покачала головой, не решаясь взглянуть на него.

— Все будет хорошо, ты будешь храброй, ради нашей девочки...

Его голос неожиданно угас, я запаниковала и подняла голову. Он выглядел невероятно усталым. Последние силы он потратил на меня, как всегда. Я с силой обняла его и поцеловала, и он ответил на поцелуй той каплей жизни, которая еще оставалась в нем. Потом я легла, вытянувшись вдоль его тела, тесно прижалась, помогла ему положить голову мне на плечо. Пока Колен был в моих объятиях, он не мог меня покинуть. Он в последний раз прошептал, что любит меня, я едва успела ему ответить, а потом он мирно уснул. Я провела с ним несколько часов, прижимая его к себе, баюкая, целуя, вдыхая его. Родители попытались увести меня, я заорала. Родителям Колена, которые пришли попрощаться с сыном, я не позволила до него дотронуться. Он был только моим. Лишь терпеливый Феликс заставил меня в конце концов сдаться. Он не пожалел времени, чтобы успокоить меня, и только после этого напомнил, что я должна попрощаться с Кларой. Моя дочка всегда была единственным существом на земле, способным разлучить меня с Коленом. И смерть ничего не изменила. Мои руки разжались и выпустили его тело. Я в последний раз прижала губы к его губам и ушла.

В коридоре, ведущем к Кларе, меня накрыл туман. Я среагировала только перед дверью.

— Нет, — сказала я Феликсу. — Я не могу.

— Диана, ты должна пойти к ней.

Не отводя глаз от двери, я сделала несколько шагов назад, а потом быстро побежала по больничным коридорам. Я отказывалась видеть свою дочку мертвой. Я хотела помнить только ее улыбку, только спутанные золотистые локоны, летающие вокруг лица, только искрящиеся озорством глаза, как это было в тот день утром, когда она ушла с отцом.

Сегодня, как и в каждый день прошедшего года, тишина оставалась полновластной хозяйкой нашей квартиры. В ней больше не было музыки, смеха, бесконечных разговоров.

Ноги автоматически привели меня к Клариной комнате. Все в ней было розовым. В тот момент, когда я узнала, что у нас будет дочка, я приняла решение: весь декор должен быть в этой гамме. Колен прибежал к немислимым уловкам, чтобы заставить меня передумать, но я не сдалась.

С тех пор я ничего здесь не тронула, и все оставалось, как прежде: одеяло, смятое комком, игрушки, разбросанные по всем углам, валяющаяся на полу ночная сорочка, чемоданчик на колесиках, в который она сложила своих кукол перед поездкой. Недоставало лишь двух ее любимых мягких игрушек: той, с которой она ушла, и той, с которой я теперь спала.

Тихо закрыв дверь, я направилась к гардеробу Колена. Вынула новую рубашку.

Едва успев закрыться в ванной, чтобы принять душ, я услышала, что Феликс вернулся. В ванной зеркало было завешено большой простыней, на пустых полочках оставались только флаконы духов Колена. Никаких женских мелочей — ни косметики, ни кремов, ни украшений.

Холодный кафельный пол не вызвал у меня реакции, плевать я на него хотела. Вода стекала по телу, не доставляя удовольствия. Я налила на ладонь немного Кларинового клубничного шампуня. Его сладкий аромат вызвал у меня слезы и одновременно принес мрачное успокоение. Можно было начинать привычный ритуал. Я сбрызнула кожу туалетной водой Колена, и это был первый защитный слой. Потом застегнула пуговицы его сорочки — второй защитный слой. Натянула его толстовку с капюшоном — третий слой. Скрутила узлом мокрые волосы, чтобы сохранить клубничный запах, создав четвертый уровень защиты.

В гостиной объедки и грязная посуда исчезли, окна были открыты, а на кухне, похоже, шла битва. Перед тем как зайти к Феликсу, я снова закрыла окна и задернула шторы. Темнота — моя лучшая подруга.

Феликс сунул нос в морозилку. Я привалилась к притолоке и наблюдала за ним. Он снова был в своей вечной униформе и вертел попой, насвистывая.

— Можно узнать, что привело тебя в такое настроение?

— Последняя ночь. Вот приготовлю ужин и все тебе расскажу.

Он повернулся и уставился на меня. Потом подошел и глубоко вдохнул несколько раз подряд.

— Перестань обнюхивать меня, словно собака, — сказала я.

— Пора это прекратить.

— А что тебя не устраивает? Я вымылась.

— Давно пора было.

Он поцеловал меня в щеку и вернулся к своим занятиям.

— С каких это пор ты умеешь готовить?

— Я не готовлю, я использую микроволновку. Найти бы что-нибудь аппетитное, и можно будет перекусить. Но твой холодильник хуже, чем пустыня Гоби.

— Хочешь есть — закажи пиццу. Ты не способен приготовить еду. У тебя не получится даже замороженное готовое блюдо.

— Поэтому вы с Коленом меня и кормили последние десять лет. Пицца — гениальная идея, так я смогу уделить тебе больше времени.

Я рухнула на диван. Теперь меня ждет полное описание фантастической Феликсовой ночи. Надо быстренько налить бокал красного. Феликс уселся напротив и кинул мне свои сигареты. Я тут же закурила.

— Родители велели тебя поцеловать.

— Очень рада, — ответила я, выдыхая дым ему в лицо. — Но это не обязательно.

— Они беспокоятся о тебе.

— Совершенно напрасно.

— Они хотят повидать тебя.

— А я не хочу. Вообще-то тебе повезло: ты единственный, кого я еще терплю.

— Я незаменим, тебе не обойтись без меня.

— Феликс!

— Ну и ладно, если настаиваешь, я тебе расскажу про вчерашний вечер во всех подробностях.

— Ой нет, что угодно, только не твоя сексуальная жизнь.

— Определись наконец, что ты предпочитаешь. Или мои безумства, или твои родители.

— О'кей, давай выкладывай.

На смачные детали Феликс не поспешил. Для него жизнь представляла собой нескончаемый праздник, расцвеченный сексом без тормозов и употреблением препаратов, которые он тестировал одним из первых. Начав рассказывать свои истории, он даже не ждал от меня реакции, просто говорил и говорил безостановочно. Раздался звонок в дверь, но он все равно не замолчал.

Курьер тоже был осчастливлен рассказом о том, как Феликс завлек в постель двадцатилетнего студента. Еще одного, чье обучение он взял на себя.

— Видела бы ты его, этого милого малыша, сегодня утром! Он разве что не умолял меня снова заняться им. Мне даже жалко его стало, — сказал он, делая вид, что утирает слезу.

— Ты отвратителен.

— Я его предупреждал, но что ты хочешь, стоит разок попробовать Феликса — и все, ты подсел.

Я успела откусить пару кусочков пиццы, а он уже съел столько, что чудом не лопнул. И по-прежнему не собирался уходить. В какой-то момент он неожиданно замолчал, потом собрал остатки ужина и исчез на кухне.

— Диана, ты меня не спросила, как все прошло сегодня.

— Мне не интересно.

— Нет, это уже чересчур! Как можно быть такой равнодушной?

— Заткнись, я вовсе не равнодушная. Запрещаю тебе так говорить, — закричала я, вскочив с дивана.

— Черт возьми, посмотри на себя, ты превратилась в настоящую развалину. Ничем не занимаешься. Не работаешь. Вся твоя жизнь сводится к сигаретам, вину и сну. Из квартиры ты сделала храм. Нет сил видеть, как ты с каждым днем опускаешься все ниже и ниже.

— Никому не понять...

— Наоборот, все понимают, как тебе тяжело. Но это не причина, чтобы уморить себя. Вот уже год, как их нет, пора начинать жить. Борись, борись ради Колена и Клары.

— Я не умею бороться, да и не имею, кстати, ни малейшего желания.

— Разрешите тебе помочь.

Выносить это я больше не могла и потому заткнула уши и закрыла глаза. Феликс обнял меня и снова усадил. Пришлось в очередной раз терпеть его удушающие объятия. Никогда не могла понять, зачем нужно с такой силой обхватывать меня.

— Почему бы нам с тобой не пойти куда-нибудь сегодня вечером? — предложил он.

— Ты так ничего и не понял, — возразила я, все же прижимаясь к нему помимо собственной воли.

— Выйди из дому, пообщайся со знакомыми. Нельзя же все время торчать взаперти. Пойдем завтра в «Счастливых людей».

— Да плевать мне на «Счастливых людей»!

— Тогда давай где-нибудь отдохнем вместе. Я могу на время закрыть кафе. В нашем квартале вполне проживут без него несколько недель.

— Я не нуждаюсь в каникулах.

— А я уверен, что нуждаешься. Посмеемся вдвоем, я буду заниматься тобой двадцать четыре часа в сутки без перерыва. Именно это тебе и нужно, чтобы встать на ноги.

Он не увидел, как широко раскрылись мои глаза при мысли, что он будет круглосуточно меня доставать.

— Хорошо, давай я подумаю, — сказала я, чтобы успокоить его.

— Обещаешь?

— Да. А теперь я хочу спать, уходи.

Он отпечатал на моей щеке звучный поцелуй, а потом вытащил из кармана телефон. Пролистал адресную книгу впечатляющих размеров, а потом позвонил какому-то Стивену, или Фреду, или Алексу. Придя в возбуждение от мыслей об ожидающих его ночных безумствах, он наконец-то оставил меня в покое.

Я встала, закурила и направилась к входной двери. Он прекратил разговор с собеседником, чтобы в последний раз поцеловать меня и шепнуть мне на ухо «до завтра, но не рассчитывай увидеть меня слишком рано — сегодня должно быть жарко». Вместо ответа я закатила глаза. Завтра утром «Счастливые люди» опять не откроются вовремя. Меня это мало волновало. Литературным кафе я занималась в другой жизни.

Феликс доконал меня. Я, конечно, его очень люблю, но выносить его весьма тяжело.

Лежа в постели, я снова и снова прокручивала сказанное им. Похоже на то, что он полон решимости растормошить меня, заставить действовать. Нужно срочно найти способ избежать этого. Когда у Феликса возникают подобные идеи, его ничто не остановит. Он хочет, чтобы мне стало лучше, а я этого не хочу. Что же придумать?

Глава вторая

Скоро неделя, как он запустил проект «Вытащим Диану из депрессии». На меня обрушился мощный поток предложений — одно нелепее другого. Давление достигло пика, когда Феликс выложил на низкий столик буклеты турагентств. У меня не было сомнений насчет его замысла: поездка в солнечные края со всем, что из этого вытекает. То есть с клубом туристов, шезлонгами, пальмами, коктейлями с поддельным ромом, загорелыми блестящими телами, аквааэробикой, где можно пялить глаза на тренера, — словом, мечта Феликса и мой кошмарный сон. Курортники, толпящиеся на крохотном пляже или в вечерних нарядах сражающиеся у стойки за ужином, чтобы не дать соседу, храпящему по ночам за стенкой, завладеть последней сосиской. Тошнота

подкатывает к горлу при мысли обо всех этих «счастливых людях», добровольно подвергающих себя испытанию десятичасовым перелетом в тесном самолетном салоне с орущими детьми.

Вот почему я ворочалась с боку на бок, курила одну сигарету за другой, так что начало саднить горло. Сон перестал быть моим убежищем — его прочно оккупировал Феликс в плавках, заставляющий меня танцевать сальсу в ночном клубе. Он не отступится, пока я не сдамся. Мне необходимо сбежать, выбить у него почву из-под ног, успокоить и одновременно избавиться от него. Остаться дома нельзя.

Уехать, свалить из Парижа насовсем — единственно возможное решение. Отыскать затерянный уголок, куда он за мной не последует.

Вылазка в мир живых стала неизбежной: мои шкафы и холодильник безнадежно опустели. Я нашла в них только пачки просроченного печенья — Кларины полдники — да пивные бутылки Колена. Одну из них я достала, долго вертела в руках, пока не решилась открыть. Я вдыхала аромат, словно это было драгоценное марочное вино. Потом сделала глоток, и тут нахлынули воспоминания.

У нашего первого поцелуя был вкус пива. Сколько раз мы над этим смеялись? В двадцать лет мы не страдали избытком романтизма. Колен пил только темное пиво, что хорошего в светленьком, говорил он, как бы намекая на то, что я блондинка, и словно недоумевал, чем я его привлекла, за что неизменно получал по шапке.

Однажды пиво даже вмешалось в выбор места, куда можно поехать в отпуск. Колену хотелось провести несколько дней в Ирландии. Позже он утверждал, что дождь, ветер и холод вынудили его отказаться от этой идеи. На самом деле он хорошо знал мое пристрастие к солнцу и загару и потому решил избавить меня от необходимости ежедневно ходить в ветровке и не стал навязывать отдых, который мне наверняка не понравится.

Бутылка выпала у меня из рук, и мелкие осколки разлетелись по плиточному полу.

Сидя за столом Колена, я вглядывалась в атлас, открытый на карте Ирландии. Как выбрать себе могилу под открытым небом? Какое окружение способно принести мне умиротворение и спокойствие, необходимые для свидания с Коленом и Кларой? Поскольку я не знала об этой стране вообще ничего и была не в состоянии что-либо выбрать, я в конце концов зажмурилась и наугад ткнула пальцем.

Потом приоткрыла один глаз и наклонилась к карте. Отняв от нее палец, я подключила и другой глаз, чтобы расшифровать название. Так я выбрала наугад самую маленькую деревеньку, ее название на карте едва можно было прочесть. «Малларанни». Итак, я отправлюсь в изгнание в Малларанни.

Настало время поставить Феликса в известность о том, что я уезжаю в Ирландию и буду там жить. Чтобы собраться с духом, мне понадобилось три дня. Мы только что поужинали, я заставила себя проглотить несколько кусков, чтобы он не приставал. Развалившись в кресле, он листал один из проспектов.

— Феликс, оставь в покое свои брошюры.

— Ты выбрала?

Он вскочил и потер руки:

— Куда мы едем?

— Насчет тебя не знаю, а я переселяюсь в Ирландию.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал абсолютно естественно. Феликс ловил ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Успокойся.

— Издеваешься, да? Ты не можешь говорить всерьез. Кто тебе подкинул такую идею?

— Колен, представь себе.

— Ну все, приехали, она свихнулась. Теперь ты еще скажешь, что он восстал из мертвых, чтобы сообщить тебе, куда ты должна ехать.

— Зачем ты говоришь гадости? Просто ему когда-то хотелось туда поехать, вот и все. И я поеду вместо него.

— Ну уж нет, ты туда не поедешь! — В голосе Феликса звучала непоколебимая уверенность.

— Почему это?

— Нечего тебе делать в стране, где живут одни... одни...

— Одни кто?

— Одни регбисты, пожиратели баранины.

— Тебе не нравятся регбисты? Вот так новость! Раньше они тебя скорее заводили. А ты что, считаешь, будто лучше отправиться в Таиланд, чтобы валяться на пляже под луной и вернуться с татуировкой *Forever Brandon* на левой ягодице?

— Один — ноль... Ну, ты и стерва. Но это несравнимые вещи. Тебе и так плохо, а после этой поездки тебя уже никто не вылечит.

— Прекрати. Я решила, что отправлюсь в Ирландию на несколько месяцев, и даже не пытайся меня отговорить.

— Не рассчитывай, что я поеду с тобой.

Я встала и принялась наводить порядок — класть на место все, что попадалось под руку.

— Тем лучше, потому что я и не думала тебя приглашать. Надоело, что за мной по пятам все время бегают верный песик. Хватит! Ты не даешь мне вздохнуть! — заорала я, глядя на него в упор.

— Постарайся осознать, что очень скоро я опять не буду давать тебе вздохнуть. — Он хихикнул, не отводя глаз, и спокойно зажег сигарету. — Хочешь знать почему? Потому что больше двух дней ты не выдержишься. Вернешься вся потерянная и будешь умолять отвезти тебя куда-нибудь к солнцу.

— Ни за что на свете. Думай, что хочешь, но я делаю это, чтобы вылечиться.

— Ты выбрала неправильный метод, но, по крайней мере, теперь ты на взводе, как часовая пружина.

— Тебя никакой приятель не ждет?

Мне было трудно выдерживать его инквизиторский взгляд. Он встал, подошел ко мне:

— Хочешь, чтобы я отправился отмечать твою очередную придурь?

Его лицо потемнело. Он положил ладони мне на плечи и впился в меня взглядом:

— Ты действительно хочешь выбраться?

— Конечно.

— То есть ты готова к тому, чтобы в твоих чемоданах не было ни одной сорочки Колена, ни одной игрушки Клары и чтобы там лежали только твои духи, и ничьи больше?

Я угодила в собственную западню. У меня болел живот, голова, кожа. Никак не спрятаться от его черных, словно уголь, глаз. Его пальцы мнут мои плечи.

— Конечно, я хочу вылечиться и буду потихоньку избавляться от их вещей. Что же ты не радуешься, сам ведь столько времени пытался уговорить меня это сделать. — Не знаю, каким чудом, но мой голос не дрогнул.

Феликс тяжело вздохнул:

— Ты безответственная, и у тебя не получится. Колен никогда бы не позволил тебе затеять такое. Хорошо, согласен, ты действительно захотела что-то предпринять, чтобы выбраться, но откажись от своей идеи, пожалуйста. Мы придумаем что-нибудь получше. Я боюсь, как бы ты еще глубже не провалилась.

— Ни за что не откажусь.

— Пойди поспи, поговорим об этом завтра.

Он скорчил опечаленную мину, чмокнул меня в щеку и направился к двери, не произнеся больше ни слова.

В постели, закутавшись в одеяло и крепко прижимая к себе плюшевого мишку Клары, я пыталась укротить бешеное сердцебиение. Феликс ошибается, Колен отпустил бы меня одну за границу. С тем лишь условием, что сам бы занялся организацией поездки. Когда мы куда-нибудь отправлялись, он делал все — от заказа билетов до бронирования гостиницы и включая оформление моих документов. Он никогда бы не доверил мне ни мой, ни Кларин паспорт — он утверждал, будто я витаю в облаках. Но если так, разве он отпустил бы меня одну в Ирландию? Вообще-то, может, и не отпустил бы.

Я никогда не жила одна, из родительского дома сразу переехала к нему. Я боялась даже просто позвонить по телефону, чтобы получить какую-то информацию или высказать претензию. Колен умел делать все. Значит, нужно

будет представить себе, будто он мной руководит. Он сможет гордиться мной. И если это станет одним из последних моих дел, перед тем как я окончательно себя похороню, я докажу всем, что в состоянии довести задуманное до конца.

Есть некоторые вещи, которые изменить невозможно, например, мою технологию сбора багажа. Шкаф опустел, а чемоданы набиты — вот-вот лопнут. Я и четверти этих шмоток потом не надену. Оставалось запастись книгами, так что придется сделать над собой усилие.

Когда я последний раз шла этой дорогой? Феликс упадет в обморок за стойкой, увидев меня. Меньше чем за пять минут я дошла до улицы Вьей-дю-Тампль. До моей улицы. Когда-то я проводила на ней все дни — на террасах кафе, в магазинах, галереях и на работе. Когда-то пребывание здесь само по себе наполняло меня счастьем.

Сегодня, спрятавшись за капюшоном Коленовой толстовки, я старалась не смотреть ни на витрины, ни на здешних обитателей, ни на туристов. Я шла по мостовой, чтобы не наткаться на эти чертовы фонарные столбы, из-за которых приходилось все время лавировать. Все было против меня, вплоть до восхитительного запаха горячего хлеба из булочной, куда я раньше постоянно заходила.

Рядом со «Счастливыми людьми» я замедлила шаг. Прошло больше года с тех пор, как я была здесь в последний раз. Я остановилась на тротуаре напротив, не решаясь поднять глаза. Не шевельнувшись и низко опустив голову, сунула руку в карман — мне срочно требовалась доза никотина. Кто-то толкнул меня, я невольно подняла голову и посмотрела на свое литературное кафе. Маленькая деревянная витрина, дверь по центру с привешенным внутри колокольчиком, название, которое я придумала шесть лет назад — «Счастливые люди читают книжки и пьют кофе», — все возвращало меня к жизни с Коленом и Кларой.

Утром в день открытия царил всеобщая паника. Ремонт не окончен, книги не распакованы. Феликс не пришел, и я сама сражалась с рабочими, пытаюсь

заставить их пошевеливаться. Колен звонил каждые четверть часа, спрашивая, будем ли мы готовы к началу вечеринки по случаю открытия. И всякий раз я глотала слезы и хохотала, как придурочная. Мой дражайший компаньон, неотразимо прекрасный, объявился далеко за полдень, когда я уже была на грани истерики из-за того, что на фасаде до сих пор нет вывески.

— Феликс, где ты был? — завопила я.

— У парикмахера. Кстати, тебе бы не мешало сделать то же самое, — спокойно ответил он, с гримасой отвращения ухватив прядь моих волос.

— И когда, по-твоему, я могу к нему пойти? К вечеру ничего не готово, я с самого утра вру Колену, я же говорила, что ничего не получится, это место — настоящий троянский конь. Зачем родители и Колен послушались меня и позволили открыть литературное кафе? Я больше этого не хочу.

Мой голос взлетел до визга, и я снова забежала по залу. Феликс выставил всех рабочих за дверь и вернулся ко мне. Он схватил меня за плечи и потряс, словно грушу:

— Стоп! С этого момента руковожу всем я. А ты иди готовься.

— У меня нет времени!

— Нельзя, чтобы кафе открывала ведьма!

Он подтолкнул меня к служебному входу, который вел в студию, снятую вместе с кафе. В ней я нашла новое платье и все необходимое, чтобы привести себя в порядок. Огромный букет роз и фрезий царил в вазе, стоящей посреди комнаты, прямо на полу. Я прочла записку Колена. Он писал, что безгранично верит в меня.

В результате вечеринка по случаю открытия удалась, хотя выручка приближалась к нулю.

Феликс сам назначил себя ответственным за кассу. Подмигивания и улыбки Колена придали мне храбрости. С Кларой на руках я переходила от столика к столику, приветствуя родных, друзей, коллег мужа, сомнительных Феликсовых знакомцев и владельцев ближайших лавок.

Сегодня, пять лет спустя, все изменилось. Колена и Клары больше со мной нет. Я не испытываю ни малейшего желания возвращаться к работе, и все здесь напоминает мне о муже и дочери. Гордость Колена, празднующего очередную победу в суде. Первые шаги Клары между столиками. Первый раз, когда она написала свое имя, сидя за стойкой с бокалом гренадина.

Рядом со мной на тротуаре обрисовалась тень. Феликс прижал меня к себе и стал баюкать:

— Тебе известно, что ты уже полчаса здесь торчишь? Пошли.

Я покачала головой.

— Ты же не просто так пришла, пора тебе возвращаться к «Людям».

Он взял меня за руку и заставил перейти улицу. Он сжал мою руку сильнее, когда открывал дверь. Колокольчик звякнул и вызвал поток слез.

— Я тоже, как его слышу, всякий раз вспоминаю Клару, — признался Феликс. — Иди за стойку.

Я не сопротивлялась. Запах кофе, смешанный с запахом книг, ударил мне в ноздри. Сама того не замечая, я вдыхала его полной грудью. Рука скользнула по дереву стойки, и я почувствовала, что оно липкое. Я взяла чашку — грязная, взяла вторую — не намного чище.

— Феликс, тебя больше волнует чистота в моей квартире, чем в «Счастливых людях». Здесь просто омерзительно.

— Так ведь я завален работой, мне некогда изображать образцовую домохозяйку, — пожал он плечами.

— Ну, конечно, здесь же полно народу, прямо час пик.

Он развернулся и направился к единственному клиенту, с которым, судя по тому, какие взгляды они бросали друг на друга, у него были самые близкие отношения. Потом парень допил свой стакан и ушел с книгой под мышкой, миновав кассу.

— Ну что, ты возвращаешься на работу? — спросил Феликс, налив себе вина.

— С чего ты взял?

— Ты явилась сюда, потому что хочешь снова взяться за дело, разве не так?

— Нет, и тебе это хорошо известно. Я просто зашла за книгами.

— То есть ты действительно уезжаешь? Но время еще есть, куда тебе торопиться.

— Ты меня не слушал. Я уезжаю через неделю и уже отправила подписанный договор об аренде.

— Какой договор? О какой аренде?

— Об аренде дома в деревне, где я буду жить.

— А ты уверена, что это удачный план?

— Нет, я ни в чем не уверена, пойму на месте.

Мы не отводили глаз друг от друга.

— Диана, ты не можешь вот так взять и бросить меня одного.

— Ты уже больше года вкалываешь без меня, а я отнюдь не образец успешного руководителя. Ладно, давай посоветуй, что мне почитать.

Он без всякого энтузиазма показал мне книги, которые ему понравились, и я, не раздумывая, взяла их, потому что мне вообще-то было наплевать. Об одной из них я слышала — «Городские истории» Армистеда Мопина. Их автор, по мнению моего лучшего друга, обладал даром решения любой проблемы. Не знаю, не читала. Феликс выкладывал книги на стойку по одной и избегал смотреть на меня.

— Я принесу их тебе домой, они слишком тяжелые.

— Спасибо. А теперь я тебя оставлю, у меня еще много дел.

Мой взгляд остановился на небольшом закутке за баром. Мне стало любопытно, и я подошла ближе. В рамку были вставлены фотографии Колена, Клары, Феликса и моя. Все было сделано очень тщательно. Я обернулась к Феликсу.

— Иди-ка ты домой, — мягко сказал он.

Он стоял у двери, я остановилась, легонько поцеловала его в щеку и вышла.

— Диана! Не жди меня сегодня вечером, я не приду.

— О'кей, тогда до завтра.

— Колен!

Сердце колотилось, кожа стала влажной, я шарила ладонями по постели рядом с собой. Но только холод и пустота на его обычном месте были мне ответом. И все же Колен здесь, он обнимает меня, его губы осыпают поцелуями мою шею, спускаются от уха к плечу. Его дыхание у меня на затылке, слова, которые он шепчет, наши переплетенные ноги. Я откинула простыню и опустила босые ступни на паркет. Огни города освещали квартиру. Шорох потрескивающего

под моими шагами дерева напомнил мне звуки, раздававшиеся, когда Клара мчалась своими маленькими ножками к входной двери, слышав, как Колен поворачивает в замке ключ.

Ритуал оставался неизменным каждый вечер. Мы сидели на диване, прижавшись друг к другу. Клара в ночной сорочке и я, сгорающая от нетерпения и желания как можно скорее снова увидеть мужа. Я выходила в прихожую. Колен едва успевал положить свои папки на полку, и Клара кидалась ему на шею. Я шла за ними по пятам, не зажигая света, и мы входили в гостиную. Колен оборачивался ко мне, я расслабляла узел его галстука, и мы целовались. Клара стояла между нами. Мы ужинали. Колен укладывал нашу дочку, и мы оставались вдвоем, спокойные, зная, что Клара лежит в тепле в своей кроватке, сунув большой палец в рот.

Только сейчас я осознала, что нашего дома больше нет. Я хотела остаться здесь, чтобы сохранить все, как было, но я ошиблась. Нет больше папок с бумагами, звяканья ключа в замке, топота ножек по паркетному полу. Никогда больше я сюда не вернусь.

Три четверти часа на метро, после чего меня зажали в толпе перед лестницей, ведущей к выходу. С каждой ступенькой ноги становились все тяжелее. Вход был где-то совсем рядом со станцией метро, но где именно, я не знала. Подойдя к решетчатой ограде, я сообразила, что нельзя прийти с пустыми руками. Зашла в ближайший цветочный магазин — их в этом районе было более чем достаточно.

— Мне нужны цветы.

— Вы попали по адресу! — улыбнулась в ответ цветочница. — По какому-то особому случаю?

— Вот туда, — сказала я, показав на кладбище.

— Хотите что-то классическое?

— Дайте мне две розы, этого хватит.

Она изумилась, но направилась к срезанным цветам.

— Белые, — попросила я. — Не заворачивайте, я возьму так.

— Но...

— Сколько с меня?

Я положила на прилавок купюру, вырвала у нее из рук розы и быстро вышла. Мой безумный бег прервался на посыпанной гравием главной аллее. Я вертелась во все стороны, оглядывалась, пытаюсь понять, где они. Потом снова вышла за ограду и буквально свалилась на землю. Стала лихорадочно набирать номер «Счастливых».

— «Счастливые люди поддают и трахаются», слушаю вас.

— Феликс, — выдохнула я.

— Что-то случилось?

— Представляешь, я не знаю, где они! Не могу их навестить.

— Кого ты хочешь навестить? Ничего не понимаю. Где ты? Почему ты плачешь?

— Колена и Клару.

— Ты... Ты на кладбище?

— Да.

— Стой на месте, сейчас буду.

Я была на кладбище всего один раз, в день похорон. Постоянно отказывалась туда идти. После того как я сбежала из больницы в день их смерти, я и в больницу не приезжала. Под исполненными ужаса взглядами моих и Коленовых родителей я объявила, что отказываюсь присутствовать при том, как их будут класть в гроб. Свекровь со свекром ушли, хлопнув дверью.

— Диана, ты окончательно сходишь с ума! — воскликнула моя мать.

— Мама, не могу я этого видеть, слишком тяжело. Если они на моих глазах исчезнут в ящиках, это будет означать, что все кончено.

— Колен и Клара умерли, — ответила она. — И ты должна это принять.

— Замолчи! И я не поеду на похороны, не хочу смотреть, как они уходят.

Я снова зарыдала и повернулась к родителям спиной.

— Что-о-о? — поперхнулся отец.

— Это твой долг, — добавила мать. — Ты придешь и не будешь устраивать сцены.

— Долг? Вы говорите о долге? Да плевать я хотела на долг!

Я резко повернулась к ним. Ярость временно победила боль.

— Ну да, у тебя есть обязанности, и ты будешь их выполнять, — подтвердил отец.

— Да вам же глубоко наплевать на Колена, на Клару и на меня! Вам только важно соблюсти приличия. Важно соответствовать образу разбитой горем семьи.

— Но мы и есть разбитая горем семья, — возразила мать.

— Нет! Единственная известная мне семья, единственная моя настоящая семья — это та, которую я только что потеряла.

Я была на пределе, моя грудь вздымалась. Я не отрывала от них глаз. На одно короткое мгновение их лица исказились. Я искала в них хоть какой-то намек на раскаяние. Но нет, фасад оставался безупречно гладким.

— Ты не должна говорить с нами в таком тоне, мы — твои родители, — продекларировал отец.

— Катитесь! — заорала я, вытягивая палец в сторону двери. — Убирайтесь из моего дома.

Отец направился к матери, схватил ее за руку и потащил к двери.

— Будь готова вовремя, мы за тобой зайдем, — успела она сказать, перед тем как дверь захлопнулась.

Они явились, механически бездушные и точные, словно швейцарские часы. Они не слышали ничего из того, что я сказала.

Я была измучена, и у меня не осталось сил бороться. Мать безжалостно заставила меня одеться, а отец втолкнул в машину. Перед церковью я отпихнула их, чтобы броситься в объятия Феликса. И с этого момента больше не отходила от него. Когда прибыл катафалк, я спрятала лицо у него на груди. На протяжении всей церемонии он что-то шептал мне на ухо, рассказывал о последних нескольких днях, о том, как выбрал для них погребальный наряд: атласное платье для Клары и ее любимая игрушка, которую он положил в гроб, серый цвет Коленова галстука, часы, которые он ему надел — я их подарила Колену на тридцатилетие. Путь до кладбища я проделала с Феликсом. Я стояла в стороне, пока родители не подошли к нам. Они протянули мне какие-то цветы, и отец так сформулировал свою мысль:

— Феликс, помоги ей подойти. Она должна это сделать. Сейчас не время капризничать.

Феликсова рука сжала мою, он вырвал цветы из маминых рук.

— Сделай это не для родителей, а для себя, для Колена и Клары.

Я бросила цветы в яму.

— Я спешил, — сообщил Феликс, подходя ко мне. — Брось розы, тебе же больно.

Он присел передо мной на корточки, разжал мои пальцы один за другим, забрал розы и положил их на землю. Руки были в крови, но я не чувствовала укулов шипов. Он обнял меня одной рукой за талию и помог подняться.

Мы прошли по кладбищу до крана с водой. Ни слова не говоря, он промыл мне ладони. Взял лейку и наполнил ее. Потом повел меня за собой. Шагал он решительно, безошибочно выбирая нужные повороты. Он отпустил мою руку и начал убираться на могиле, на их могиле, которую я видела впервые. Мои глаза впитывали мельчайшие детали, цвет мрамора, шрифт, которым написаны их имена. Колен прожил тридцать три года, а Клара не успела отпраздновать свое пятилетие. Феликс протянул мне розы:

— Поговори с ними.

Я положила на могилу свой жалкий дар и опустилась на колени:

— Ох, любимые мои... простите... не знаю, что вам сказать...

Мой голос надломился. Я закрыла лицо руками. Мне стало холодно. Мне стало жарко. Мне было плохо.

— Это так тяжело. Колен, зачем ты взял с собой Клару? Ты не имел права уходить, не имел права брать ее с собой. Я так обижена на тебя за то, что ты оставил меня одну, я совсем растерялась. Лучше бы мне уйти вместе с вами.

Тыльной стороной ладони я утирала слезы и шумно всхлипывала.

— Не могу поверить, что вы никогда не вернетесь. Я ничего не делаю, только все время жду. Дома все для вас готово... Все говорят, это ненормально. Поэтому я уеду. Помнишь, Колен, ты хотел, чтобы мы отправились в Ирландию, а я сказала, что нет, какая же я была глупая... Я побуду там какое-то время. Не знаю, где вы сейчас оба, но вы мне нужны. Наблюдайте за мной, защищайте меня. Я вас люблю...

Я закрыла глаза на несколько мгновений. Потом с трудом поднялась, едва удерживая равновесие. Голова кружилась, и Феликс помог мне твердо стать на ноги. Мы направились к выходу, не оглядываясь и не говоря друг другу ни слова. Перед тем как войти в метро, Феликс остановился.

— Знаешь, до сих пор я не верил тебе, когда ты говорила, что хочешь выкарабкаться, — признался он. — Но то, что ты сделала сегодня, доказывает, что это правда. Я горжусь тобой.

Я позвонила родителям только накануне отъезда. С тех пор, как я сообщила им о своем намерении, они принялись уговаривать меня остаться. Звонили ежедневно, и мой автоответчик не скучал без работы.

— Мама, это Диана.

Фоном шел привычный звук включенного на полную громкость телевизора.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Готова к отъезду.

— Опять старая песня! Дорогой, это твоя дочь, она по-прежнему хочет уехать.

Раздался скрип ножек стула по плиткам пола, и трубку взял отец.

— Послушай, доченька, ты приедешь к нам на несколько дней и сможешь спокойно собраться с мыслями.

— Папа, все это ни к чему. Я улетаю завтра. Вы так и не поняли, что я не собираюсь снова жить с вами. Я уже большая девочка, мне тридцать два года, в таком возрасте с родителями не живут.

— Ты никогда ничего не делала самостоятельно. Тебе нужен кто-то, кто будет тобой руководить, ты не в состоянии довести до конца ни одну затею. Так что, честно говоря, отъезд за границу тебе абсолютно не по силам.

— Спасибо, папа, я и не догадывалась, каким камнем на вашей шее была. Ты меня по-настоящему поддержал, теперь я со всем справлюсь.

— Дай мне трубку, ты только заводишь ее, — раздался голос матери за его спиной. — Дорогая моя, папа никогда не был дипломатом, но он прав, ты безответственная. Если бы хоть Феликс с тобой поехал, мы были бы спокойны, пусть он и не самый подходящий спутник. Послушай, до этого момента мы тебя не трогали, думали, что со временем тебе станет легче. Почему ты не пошла на консультацию к психиатру, о котором я говорила? Он бы тебе помог.

— Хватит, мама. Я не хочу психиатра, не хочу жить с вами и не хочу, чтобы меня сопровождал Феликс. Я хочу покоя, понимаете, хочу остаться одна, мне надоело, что за мной постоянно следят. Захотите со мной связаться — номер мобильного вы знаете. И главное, не желайте мне счастливого пути.

Широко раскрытыми глазами я уставилась в потолок. Ждала, когда зазвонит будильник. Всю ночь я не сомкнула глаз. Но то, что я швырнула трубку, не дослушав родителей, не имело к моей бессоннице никакого отношения. Через несколько часов я сяду в самолет, который возьмет курс на Ирландию. Это моя последняя ночь в нашей постели.

Я в последний раз угнездилась на месте Колена, уткнувшись в его подушку. Я терлась носом о любимого плюшевого мишку Клары и заливала слезами его и подушку. Будильник сработал, и я, как автомат, встала.

В ванной я сняла простыню с зеркала и увидела себя впервые за много месяцев. Сорочка Колена болталась на мне. Я наблюдала, как мои пальцы расстегивают пуговицы одну за другой, вот показалось одно плечо, потом другое. Ткань скользнула по телу, и рубашка упала к моим ногам. Я в последний раз вымыла голову шампунем Клары. Выходя из душевой кабины, старалась не смотреть на рубашку, лежащую на полу.

Я оделась как Диана: джинсы, майка и облегающий свитер. Мне показалось, что сейчас задохнусь, и я стала в отчаянии сдирать свитер, чтобы заменить его Коленовой толстовкой с капюшоном. Натянув ее, я снова смогла дышать. Я носила ее и до его смерти и потому дала себе такую поблажку.

Бросив взгляд на часы, я поняла, что времени в обрез. С чашкой кофе и сигаретой в руках выбрала наугад несколько фотографий и сунула в сумку.

Села на диван и стала ждать, когда будет пора выходить, нервно перебирая пальцы. Большой палец зацепил обручальное кольцо. В Ирландии наверняка придется с кем-то общаться, они увидят, что я замужем, и станут расспрашивать, где мой муж, а я не смогу ответить. Расстаться с этим кольцом невозможно, значит, надо его спрятать. Я сняла с шеи цепочку, продела ее в кольцо, снова застегнула и опустила под толстовку, подальше от чужих глаз.

Два звонка нарушили тишину. Дверь открылась — на пороге стоял Феликс. Не говоря ни слова, он вошел и впился в меня взглядом. На его лице явственно проступали следы бурной ночи. Глаза были красными и опухшими. От него разило алкоголем и табаком. Он мог и рта не раскрывать — я и так знала, что он охрип. Феликс начал выносить мои чемоданы. Многочисленные. Я обошла квартиру, всюду погасила свет, закрыла все двери. Пальцы вцепились в ручку входной двери, когда я ее запирала. Щелчок замка — вот все, что я услышала.

Глава третья

Я стояла возле взятой напрокат машины — чемоданы у ног, руки безвольно опущены, ключи зажаты в ладони. Яростные порывы ветра врывались на парковку, едва не сбивая меня с ног.

С того момента как я вышла из самолета, мне все время казалось, будто я плыву по воздуху. Я автоматически последовала за другими пассажирами, чтобы забрать багаж. Немного позже, у стойки проката, мне удалось понять собеседника, несмотря на непроходимо густой акцент, и подписать договор.

Но когда я подошла к машине, вконец замерзшая, разбитая, измученная, меня придавила мысль, что я по собственной воле влипла не пойми во что. Выбора у меня не оставалось: я хотела оказаться дома, а дом для меня теперь Малларанни.

Мне удалось зажечь сигарету едва ли не с десятой попытки. Пронизывающий ветер не прекращался ни на мгновение, и это начало серьезно действовать мне на нервы. Я еще больше занервничала, когда поняла, что ветер затягивается вместо меня. Поэтому я сразу же выкурила вторую сигарету и только потом стала грузить вещи в багажник. Прикуривая, я подпалила прядь волос, сброшенную мне на лицо очередным порывом ветра.

Наклейка на лобовом стекле напомнила мне о здешнем левостороннем движении. Я завела машину, включила первую скорость, и мотор заглох. Вторая и третья попытки сдвинуться с места также закончились провалом. Мне достался неисправный автомобиль. Я двинулась к будке, где сидели пятеро парней. Они с улыбкой наблюдали за моими мучениями.

— Хочу поменять машину, эта не работает. — Я была раздосадована.

— Здравствуйте, — ответил мне самый старший из них, не переставая улыбаться. — Что у вас стряслось?

— Понятия не имею, она не заводится.

— Ладно, парни, давайте поможем дамочке.

Когда они вышли из будки, я невольно отступила на несколько шагов, настолько меня впечатлили их габариты. «Регбисты, пожиратели баранины», сказал Феликс. И оказался прав. Они сопроводили меня к машине. Я повторила безуспешную попытку сдвинуться с места. Мотор снова заглох.

— Вы выбрали не ту скорость, — хихикнул один из гигантов.

— Ну нет же, нет... я умею водить машину.

— Переключайтесь на пятую, то есть на пятую по-вашему, и сами увидите.

Теперь он смотрел на меня серьезно, не насмехаясь. Я последовала его совету. Автомобиль тронулся.

— У нас тут все наоборот. Сторона движения, руль, скорости.

— Теперь все в порядке? — спросил меня второй парень.

— Да, спасибо.

— А куда это вы направляетесь?

— В Малларанни.

— Не ближний край. Будьте внимательны на развязках.

— Большое спасибо.

— С нашим удовольствием. До свидания, счастливого пути.

Они мне кивнули и одарили еще одной широкой улыбкой. С каких это пор прокатчики автомобилей стали такими услужливыми?

Проехав полдороги, я почувствовала, что напряжение понемногу отпускает. Испытания ездой и первой развязкой успешно преодолены. По пути я не видела никого и ничего, кроме овец и ядовито-зеленых полей. До самого горизонта. Ни одной пробки, и дождь не предвиделся.

В голове снова и снова прокручивалась сцена прощания с Феликсом. По дороге от дома до аэропорта мы не произнесли ни единого слова. Он курил сигарету за сигаретой, не глядя на меня. Только в последнюю минуту разжал губы. Мы стояли лицом к лицу, смотрели друг другу в глаза, колебались, не зная, что сказать.

— Ты будешь осторожна? — спросил он.

— Не волнуйся.

— Еще есть время повернуть назад, ты не обязана уезжать.

— Не усложняй. Мне пора на посадку.

Я всегда ненавидела расставания. Сегодняшнее оказалось гораздо более трудным, чем я предполагала. Я прижалась к Феликсу, и он среагировал только через несколько секунд — крепко обнял меня.

— Береги себя, не делай глупостей, — попросила я. — Обещаешь?

— Посмотрим. Иди.

Он отпустил меня, я подхватила сумку и направилась к металлодетекторам. Помахала рукой. Потом протянула паспорт. Проходя контроль, я все время ощущала на себе взгляд Феликса. Но ни разу не обернулась.

Вот я и приехала. Я в Малларанни. Перед домом, выбранным практически наугад. На фотографии в объявлении с его описанием я едва взглянула. Мне пришлось пересечь всю деревню и проехать по ухабистой дороге к пляжу, чтобы добраться до конца моих странствий.

У меня будут соседи — еще один коттедж стоял рядом с моим. Маленькая женщина подошла ко мне и приветственно помахала рукой. Я выдавила улыбку.

— Здравствуй, Диана, я Эбби, хозяйка дома. Хорошо доехала?

— Рада познакомиться с вами.

Она бросила иронический взгляд на протянутую мной руку и только потом пожала ее.

— Послушай, здесь все друг друга знают. А ты не на интервью в отделе кадров. И не вздумай обращаться ко мне «мадам». Даже из уважения или желания продемонстрировать хорошие манеры, договорились?

Она предложила войти в коттедж, который вскоре должен был стать моим домом. Внутри он показался мне уютным, гостеприимным.

Эбби болтала без умолку, и я пропускала мимо ушей половину сказанного, глупо улыбалась и кивала в ответ. Мне пришлось ознакомиться во всех подробностях с имеющейся кухонной утварью, кабельными телепрограммами, расписанием приливов и отливов, а заодно и церковных служб. На этом месте я ее прервала.

— Пожалуй, это мне не понадобится — я поссорилась с церковью.

— У нас серьезная проблема, Диана. Тебе нужно было разузнать об этом, до того как приезжать сюда. Мы сражались за независимость и за свою религию. Отныне ты живешь среди ирландцев-католиков, которые этим гордятся.

Хорошенькое начало!

— Эбби, мне очень жаль, но...

Она расхохоталась:

— Да расслабься ты, бога ради. Я пошутила. Просто я привыкла ходить к воскресной мессе. Никто не заставляет тебя сопровождать меня. С другой стороны, вот тебе маленький совет: никогда не забывай, что мы не англичане.

— Запомню.

Она с увлечением продолжила экскурсию. На втором этаже моя ванная и спальня. На этой кровати я смогу улечься по диагонали — она вдвое шире обычной двуспальной. Что ж, нормально для страны гигантов.

— Эбби, — прервала я, — спасибо, все прекрасно. Меня все устраивает.

— Извини меня за излишний энтузиазм, но я так счастлива, что кто-то будет жить зимой в доме. Я ждала тебя с огромным нетерпением. Все, ухожу, устраивайся.

Я проводила ее до крыльца. Она села на велосипед и обернулась ко мне:

— Зайди к нам на кофе, я познакомлю тебя с Джеком.

В первую ночь стихии разбушевались, словно приветствуя меня. Ветер грохотал в кронах деревьев, дождь барабанил по стеклам, крыша трещала. Я никак не могла уснуть, несмотря на усталость и очень удобную кровать. Снова и снова восстанавливала в памяти сегодняшний день.

Разгрузка машины оказалась делом еще более сложным, чем ее загрузка: чемоданы были разбросаны по всей гостиной. Когда я осознала, что мне нечего есть, у меня едва не опустились руки. Я бросилась в маленькую кухню. Шкафы и холодильник ломались от еды. Эбби наверняка мне об этом сказала, а я ее не поблагодарила. Стыд, да и только. Ужасно невежливо с моей стороны. Но я ее как-нибудь встречу и обязательно извинюсь. Малларанни действительно крохотная деревня, как она и говорила: главная улица, маленький супермаркет, автозаправка и паб. Никакого риска заблудиться, равно как и растратить все деньги с карточки в бутиках.

Прием, оказанный хозяйкой дома, привел меня в замешательство. Похоже, она рассчитывала на какие-то особые отношения, которые мне вовсе не нужны. Буду максимально оттягивать посещение, ведь я приехала сюда не для того, чтобы общаться с пожилой парой, да и вообще ни с кем знакомиться не намерена.

Я продержалась больше недели, не покидая дом, — запасов, сделанных Эбби, и привезенных сигарет мне хватило. К тому же все это время я потратила на то, чтобы разобрать вещи. Мне трудно было чувствовать себя дома, ничто здесь не напоминало о моей прошлой жизни. Уличные фонари не нарушали темноту ночи, а шум города не оживлял ее. Стоило стихнуть ветру — и тишина становилась гнетущей. Я мечтала, чтобы мои соседи (а они по-прежнему отсутствовали) устроили шумный праздник — тогда мне было бы легче уснуть. Назойливые ароматы рагу не имели ничего общего с запахом натертого паркета в нашей квартире, а обезличенные парижские магазины остались далеко.

Я уже жалела, что не вышла на улицу раньше — возможно, тогда удалось бы избежать в универсаме всех этих нацеленных на меня взглядов. Зачем прислушиваться, если и так понятно: я, незнакомка и иностранка, была главной темой их пересудов. Покупатели оборачивались, улыбались мне, кивали. Некоторые со мной заговаривали. Я бурчала что-то в ответ, потому что не привыкла здороваться с людьми, которых встречаю в магазине. Я бродила по отделам: здесь имелось все — продукты, одежда и даже сувениры для туристов. Впрочем, я была единственной, кто по глупости заглянул в этот отдел. Овечки присутствовали везде и во всех видах: на фарфоровых чашках, в мясном отделе — для рагу, и, естественно, в виде пряжи для свитеров и шарфов. Здесь этих зверушек выращивали, чтобы кормиться ими и одеваться в них. Использовали целиком и полностью, словно мамонтов в доисторические времена.

— Диана, рада встретиться с тобой. — Я и не заметила, как подошла Эбби.

— Добрый день, — ответила я, вздрогнув от неожиданности.

— Я собиралась сегодня зайти к тебе. Все в порядке?

— Да, спасибо.

— Нашла то, что тебе нужно?

— Не совсем, тут нет того, что я искала.

— Имеешь в виду свой багет и сыр?

— О... я...

— Не обращай внимание, я пошутила. Взяла все, что надо?

— Думаю, да.

— Пойдем, я тебя познакомлю.

Сияя улыбкой, она схватила меня за руку и стала подводить к разным людям. Я уже несколько месяцев не говорила со столькими людьми сразу. Их доброжелательность понемногу начинала действовать мне на нервы. По прошествии получаса светских реверансов мне наконец-то удалось направиться к кассе. Теперь я выдержу осаду как минимум дней десять. Мне так и не удалось найти предлог, чтобы отказаться от приглашения Эбби — не говорить же, что для визита к ней мне придется выйти из дому. Я лишь сумела выторговать несколько дней, чтобы морально подготовиться.

В доме моих хозяев было хорошо. Я удобно устроилась на диване перед ярко пылающим камином с чашкой обжигающего чая.

Джек оказался гигантом с белой бородой. Его спокойствие уравнивало постоянную восторженность жены. С удивительной естественностью он налил себе пинту гиннеса в четыре пополудни. *Регбисты, пожиратели баранины и любители темного пива*, дополнила я про себя Феликсово описание. А темное пиво сразу же заставило вспомнить Колена.

Тем не менее мне удавалось поддерживать беседу, темой которой я с самого начала сделала хозяйскую собаку, Постмена Пэта, положившего лапы мне на плечи, как только я пришла, после чего прочно устроившегося на моих ступнях. Еще я долго болтала о всякой ерунде, главным образом о погоде, а точнее, о дожде и о том, какой у меня удобный коттедж. Потом я начала уставать.

— Вы здешние? — спросила я их в конце концов.

— Да, но мы жили в Дублине, пока я не вышел на пенсию, — ответил Джек.

— А чем вы занимались?

— Он был врачом, — перебила его Эбби. — Но лучше ты нам расскажи, чем сейчас занимаешься: это гораздо интереснее. А еще мне бы очень хотелось знать, почему ты решила похоронить себя в этой дыре.

«Похоронить», вот-вот, ответ содержался в самом вопросе.

— Решила поглядеть на эти края.

— В одиночестве? Почему с такой красивой девушкой никто не приехал?

— Оставь ее в покое, — заметил с укоризной Джек.

— Слишком долго объяснять. Ну, мне пора.

Я встала, подхватила куртку, сумку и направилась к выходу. Эбби и Джек последовали за мной. Похоже, все почувствовали себя неловко. Несколько раз подряд я спотыкалась о Постмена Пэта. Стоило открыть дверь, как он тут же выскочил на улицу.

— Не очень-то легко справляться с таким огромным младенцем, — сказала я (подумав при этом о Кларе).

— Ох, слава богу, он не наш.

— А чей?

— Эдварда. Нашего племянника. Мы его берем, когда он уезжает.

— Это твой сосед, — сообщила мне Эбби.

Я была разочарована. В конце концов мне удалось поверить, что в соседнем доме никто не живет, и меня это устраивало. Я не нуждалась в соседях. Мне казалось, что даже владельцы моего коттеджа живут слишком близко.

Они проводили меня до машины. В этот момент пес начал лаять и носиться во все стороны. Заляпанный грязью черный внедорожник остановился перед домом.

— Ну вот, легок на помине, — воскликнул Джек.

— Подожди пару минут, сейчас я вас познакомлю. — Эбби придержала меня за руку.

Племянник вышел из машины. У него было суровое лицо и высокомерный вид, и он не вызвал у меня никакой симпатии. Джек и Эбби направились к нему. Он прислонился к дверце, скрестив руки на груди. Чем больше я его рассматривала, тем более неприятным он мне казался. Ни намек на улыбку. Заносчивостью веет за километр. Такие часами торчат перед зеркалом в ванной, отработывая образ искателя приключений, которому наплевать, как он выглядит. Всем своим видом он показывал, что никто не смеет его критиковать.

— Ты как раз вовремя, Эдвард! — сказала Эбби.

— Да? А почему?

— Пора тебе познакомиться с Дианой.

Он соблаговолил повернуть ко мне голову. Сдвинул на нос солнечные очки, абсолютно бесполезные при таком тумане, и осмотрел меня с ног до головы. Я

ощутила себя окороком на прилавке мясника. Судя по взгляду, его аппетит я не пробудила.

— Так уж и пора? А кто это? — холодно спросил он.

Я сдержалась, решила проявить вежливость и подошла к нему.

— Похоже, ты мой сосед.

Его лицо окончательно закрылось. Он выпрямился и заговорил с родственниками, полностью меня игнорируя:

— Я же говорил вам, что не хочу никаких соседей. Сколько она здесь пробудет?

Я постучала по его спине, как стучат в дверь. Он напрягся. Потом повернулся, я не отступила, но поднялась на цыпочки.

— Знаешь, ты можешь обращаться напрямую ко мне.

Он приподнял бровь, его явно раздражало, что я осмелилась с ним заговорить.

— Не вздумай звонить в мою дверь, — ответил он, бросив на меня взгляд, от которого я похолодела.

Наплевав на вежливость, он отвернулся, свистом подозвал собаку и направился в глубь сада.

— Не обращай внимания, — успокоил меня Джек.

— Он не хотел, чтобы коттедж сдавался, но это не его дело. Просто он не в духе, — поддержала Эбби.

— Да нет, он просто плохо воспитан, — пробормотала я. — До встречи.

Выехать я не могла — мою машину заблокировал сосед. Я нажала на клаксон и не отпускала его. Эбби и Джек расхохотались, а потом повернулись и ушли в дом.

В зеркале заднего вида я заметила Эдварда. Он подходил не спеша, затягиваясь сигаретой.

Открыл заднюю дверцу, посадил собаку. Его неторопливость выводила меня из себя, я барабанила пальцами по рулю. Не глядя на меня, он щелчком отправил окурок в сторону моего лобового стекла. Покрышки завизжали, внедорожник тронулся, и на мою машину обрушилась волна грязной воды. Я едва успела включить «дворники», как он уже скрылся из виду. Мерзкий тип.

Нужно было что-то придумать, чтобы на прогулке всякий раз не промокать до нитки.

Сегодня я опять попала под дождь. Первое решение — отказаться от абсолютно бесполезного зонтика: за четыре дня у меня сломались четыре штуки. Второе решение — больше не доверять лучам солнца, которые исчезали с такой же быстротой, с какой появлялись. Третье и последнее — готовиться к выходу, когда идет дождь, потому что пока я натяну сапоги, три свитера, пальто и шарф, ливень может прекратиться и тем самым риск промокнуть снизится. Попробую все это проделать, когда соберусь гулять.

Моя методика сработала. Именно это сказала я себе, впервые усевшись на песок, чтобы посмотреть на море. Случай привел меня в правильное место — казалось, я одна в целом мире. Я закрыла глаза, шум волн, накатывающих на берег в нескольких метрах от меня, убаюкивал. Ветер истязал кожу и выдавливал слезы из глаз, легкие наполнялись кислородом, насыщенным йодом.

Вдруг что-то резко толкнуло меня назад. Я открыла глаза и увидела совсем рядом Постмена Пэта, который принялся облизывать мне лицо. Я встала с

огромным трудом. Попыталась хоть как-то стряхнуть песок с одежды, и тут собака умчалась, заслышав свист.

Я подняла голову. В отдалении вышагивал Эдвард. Он наверняка прошел совсем рядом со мной, но не остановился, не поздоровался. Он не мог меня не узнать. И даже пусть так, но когда твой пес бросается на кого-то, элементарная вежливость требует подойти и извиниться. Я решила вернуться и не оставлять безнаказанным такое хамское поведение. Внизу тропинки, ведущей к коттеджам, я увидела, что его внедорожник устремился к деревне. Что ж, так просто он не отделается.

Я забралась в свою машину. Нужно было найти этого грубияна и объяснить, с кем он имеет дело. Вскоре я разглядела его грязную таратайку, припаркованную у паба. Я резко затормозила, выскочила из автомобиля и влетела в паб как фурия. Внимательно оглядела зал, чтобы найти свою жертву. Все взгляды обратились ко мне. Кроме одного.

Тем не менее Эдвард был здесь, сидел в одиночестве у стойки, склонившись над газетой, с пинтой гиннеса в руке. Быстрым шагом я направилась напрямик к нему:

— Ты за кого себя принимаешь?

Никакой реакции.

— Смотри на меня, когда я к тебе обращаюсь.

Он перевернул газетную страницу.

— Родители не научили тебя быть вежливым? Никто и никогда не позволял себе так поступать со мной, так что лучше тебе извиниться прямо сейчас.

Я чувствовала, как багровою от ярости. Он по-прежнему не считал нужным отрываться от своего чтива.

— Ты меня достал! — завопила я, вырывая газету у него из рук.

Он отхлебнул глоток пива, поставил кружку на стойку, глубоко вздохнул. Его кулак сжался с такой силой, что на руке вздулись вены. Он встал, впился в меня взглядом. Я подумала, что, возможно, зашла слишком далеко. Он схватил валявшуюся на стойке пачку сигарет и направился к месту для курения. По пути он пожал несколько рук, но ни разу не произнес ни слова и ни разу не улыбнулся, даже чуть-чуть.

Хлопнула дверь террасы. В тот момент, когда он встал, я затаила дыхание, а в пабе воцарилась тишина. Здесь собралось все мужское население деревни, и все они оказались свидетелями этой сцены. Я свалилась на ближайший табурет и подумала, что в один прекрасный день кто-нибудь должен будет преподать ему хороший урок. Бармен покосился на меня и пожал плечами.

— Эспрессо, пожалуйста, — попросила я.

— Здесь этого нет.

— У вас нет кофе?

— Есть.

Нужно будет поработать над произношением.

— Ну хорошо, с удовольствием выпью, налейте мне, пожалуйста.

Он улыбнулся и прошел в угол за стойкой. Поставил на нее кувшин со светлым напитком явно не из кофемашины. Да, с моим эспрессо случился облом. Я не могла понять, почему бармен, налив кофе, не отходит от меня.

— Вы собираетесь следить за тем, как я пью кофе?

— Просто хочу, чтобы вы расплатились.

— Не беспокойтесь, я непременно заплачу перед уходом.

— Здесь платят, перед тем как выпить. Английская система обслуживания.

— О'кей, о'кей.

Я протянула купюру, он любезно вернул мне сдачу. Рискуя обжечься, я быстро проглотила кофе и вышла. Что за странная страна, где, за исключением мужлана Эдварда, все люди любезны и приветливы, но при этом вас заставляют сразу оплачивать свой заказ. В Париже этого милого бармена поставили бы на место в мгновение ока. Правда, во Франции этот же самый бармен не был бы любезным и не выдавил бы из себя ни слова, не говоря уж об улыбке. О ней нечего и мечтать.

Я вернулась к старым привычкам. Больше не одевалась, ела что попало и когда попало. Часть дня спала. Если сон не шел, лежала в постели и наблюдала за небом и облаками — под одеялом было тепло. Тупо следила за глупостями на экране телевизора — они превращались в немое кино, когда текст шел по-гэльски. Разговаривала с Коленом и Кларой, разглядывая их фотографии. Словом, жила как дома, в Париже, но только без Феликса. Увы, столь желанное успокоение не приходило. Тяжесть, которая давила на грудь, не ослабевала, чувство освобождения не приходило. Я ничего не хотела, я даже больше не могла плакать. Время шло, и дни казались мне все более длинными.

Этим утром, вместо того чтобы оставаться в постели, я решила развернуть большое кресло к пляжу.

Небо я уже разглядывала много дней подряд и теперь разнообразия ради буду рассматривать море. Я запаслась кофе и сигаретами, закуталась в плед и подложила под затылок подушку.

Мое внимание привлек лай. Эдвард и его собака вышли из дома. Впервые после сцены в пабе я увидела своего соседа. На его плече висела большая сумка. Чтобы было удобнее наблюдать за его перемещениями, я придвинула кресло к

большому панорамному окну. Быстрым шагом он направился к пляжу. Его темные волосы были еще больше всклокочены, чем в прошлый раз.

Вот он исчез из поля зрения, пройдя за скалой. Полчаса спустя снова появился, поставил сумку и начал рыться в ней. Без бинокля не понять, чем он там занимается. Потом он присел на корточки, и теперь я видела только его спину. Он долго оставался в этом положении.

В животе заурчало, это напомнило мне, что я не ела со вчерашнего дня, и пришлось идти на кухню за бутербродом. Когда я вернулась в гостиную, Эдвард исчез. Единственное за весь день развлечение закончилось. Я свалилась в кресло и без всякого аппетита сжевала свой бутерброд.

Шли часы, я не двигалась с места. Мои чувства ожили, когда я увидела, что у Эдварда погас свет. Он выбежал из дома и направился точно в то место, где уже был утром. Я накинула плед на плечи и вышла на террасу, чтобы было удобнее за ним следить. В руках он держал некий предмет. Эдвард поднял его на уровень глаз, и мне показалось, будто я разглядела фотоаппарат.

Он оставался на пляже добрый час. Уже стемнело, когда он ушел. Я едва успела пригнуться, чтобы он меня не заметил. Подождала несколько минут, потом вернулась в дом.

Мой сосед оказался фотографом. Всю последнюю неделю я выстраивала свой день под его расписание. Он выходил из дому в разное время, всегда с фотоаппаратом. Обходил всю бухту Малларанни. Мог часами оставаться неподвижным. Не реагировал ни на ветер, ни на дождь, временами обрушивавшиеся на него.

Благодаря своим наблюдениям, я многое узнала. Он был еще более заядлым курильщиком, чем я, — сигарета неизменно торчала у него изо рта. Судя по всему, в день нашей встречи он выглядел самым обычным для себя образом — неопрятный, как всегда. Он ни с кем не разговаривал, и к нему никто не

приходил. Ни разу я не заметила, чтобы он повернул голову в мою сторону. Отсюда вывод: этот тип — натуральный эгоцентрик, никто и ничто, кроме фотографий, его не интересует. И снимает он все время одно и то же: одни и те же волны, один и тот же песок. Он абсолютно предсказуем, и мне ничего не стоило предугадать любое его действие. В зависимости от времени суток, он направлялся то к одной, то к другой скале.

Однажды утром я не стала смотреть в окно, там он или нет. Однако время шло, и мне казалось все более странным, что я не слышу лая пса, который следовал за ним повсюду. К своему огромному удивлению, я увидела, что его машины тоже нет на месте. Неожиданно я вспомнила о Феликсе, которому после отъезда ни разу не звонила, и подумала, что сейчас самое время это сделать. Я схватила мобильник и быстро нашла в контактах номер.

— Феликс, это Диана, — сообщила я, когда он снял трубку.

— Не знаю такой.

И он отключился. Я перезвонила.

— Феликс, не клади трубку.

— Ты наконец-то обо мне вспомнила?

— Я бессовестная, знаю. Прости меня.

— Когда ты возвращаешься?

— Я не возвращаюсь, я остаюсь в Ирландии.

— Наслаждаешься новой жизнью?

Я сообщила ему, что хозяева моего коттеджа — очаровательные люди, что я несколько раз ужинала у них дома, что все обитатели деревни встретили меня с

распростертыми объятиями, что я регулярно бываю в пабе. Шум мотора прервал мой пылкий монолог.

— Диана, ты здесь?

— Да, да, погоди минутку.

— К тебе кто-то пришел?

— Нет, это вернулся мой сосед.

— У тебя есть сосед?

— Да, но я легко обошлась бы без него.

И я стала рассказывать ему об Эдварде.

— Не хочешь перевести дух, Диана?

— Извини, но этот тип ужасно действует мне на нервы. А у тебя что нового?

— Сейчас у нас затишье, я открываю «Счастливых» только ко времени аперитива. И я организовал вечер, посвященный самым знаменитым развратникам в литературе.

— По-моему, это перебор.

— Даю гарантию: если кто-нибудь напишет обо мне книгу, я займу среди них первое место. С тех пор как ты уехала, у меня ни минуты свободной, и я попал в полосу удач — безумные вечера и бурные ночи. Твои целомудренные ушки не вынесут пересказа.

Отключившись, я пришла к трем выводам. Феликс никогда не изменится, я скучаю по нему, и мой сосед не заслуживает внимания. Резким движением я задернула занавески.

Я встряхнулась и попыталась вернуться к чтению. Но спокойствие покинуло меня. Я не знала, связано ли это с мрачной атмосферой детектива Арнальдура Индридасона, в который я погрузилась, или со стывшим воздухом, поддувавшим мне в спину. По телу пробегал холодок. Руки заледенели. В коттедже царила еще более глухая, чем обычно, тишина. Я встала, растерла руки и ненадолго остановилась перед панорамным окном. Скверная погода. Тяжелые тучи застилают небо, стемнеет сегодня раньше, чем обычно. Я пожалела, что не умею разжигать камин. Приложила руку к радиатору, и его температура меня поразила. Если система обогрева сломалась, я загнусь от холода. Я попыталась зажечь свет. Первая лампа никак не среагировала. Я нажала на другой выключатель — тот же результат. Я стала нажимать на все выключатели подряд, но света не было. Беспросветная тьма. И я посередине. Совсем одна.

Переломив себя, я побежала к Эдварду. Я колотила и колотила по деревянной двери, пока у меня не заболела рука. Я отошла и попыталась заглянуть в окно. Останься я еще на минуту в одиночестве, и безумие мне обеспечено. За моей спиной раздались странные звуки, и на меня накатил страх.

— Можно узнать, что ты делаешь? — услышала я.

Я обернулась одним рывком. Эдвард возвышался надо мной всей своей громадой. Я метнулась в сторону, пытаюсь убежать. Мой страх стал иррациональным.

— Я ошиблась... я... я...

— Ты — что?

— Мне не нужно было приходить. Я больше не буду тебя беспокоить.

Не отрывая от него взгляда, я пятилась по дороге. Каблук зацепился за камень, и через секунду я лежала на спине в грязи. Эдвард подошел ко мне. Он был в ярости, но все же протянул руку.

— Не прикасайся ко мне!

Он застыл на месте, удивленно выгнул бровь:

— Угораздило же меня попасть на чокнутую француженку.

Чтобы подняться, я встала на четвереньки. И услышала издевательский хохот Эдварда. Я умчалась домой и заперла дверь на два оборота. После чего укрылась в своей постели.

Но никакие одеяла, покрывала и свитера не избавили меня от холода — меня трясло. Я сжимала в кулаке обручальное кольцо. Вокруг черным-черно. Мне было страшно. Из-за рыданий перехватывало дыхание. Я свернулась клубком. У меня заболела спина, потому что я отчаянно напрягалась, стараясь остановить дрожь. Я впилась зубами в подушку, чтобы не завопить.

Спала я урывками. Чуда не произошло — свет за ночь не вернулся. Я обратилась к единственному человеку, способному мне помочь, пусть и по телефону.

— Блин, некоторые спят, между прочим, — заорал Феликс, когда я позвонила ему во второй раз за сутки.

— Прости меня, — прошептала я и снова заплакала.

— Да что у тебя стряслось?

— Мне холодно, и тут темно.

— Что-что?

— Со вчерашнего дня у меня нет света.

— И ты не нашла никого, кто мог бы тебе помочь?

— Я пошла к соседу, но побоялась его беспокоить.

— Почему?

— Я подумала, а вдруг он серийный убийца.

— Ты что, клея нанюхалась?

— У меня нет света, помоги мне.

— Ты проверяла пробки? Может, они вылетели?

— Нет.

— Пойди посмотри.

Я подчинилась. Прижав мобильник к уху плечом, я нажала на кнопку. Все лампы в доме загорелись, все приборы заработали.

— Ну и? — спросил Феликс.

— Все в порядке, спасибо.

— Ты уверена?

— Да, иди досыпай, мне и впрямь очень неловко.

Я быстро выключила телефон. И тут же свалилась на пол. Я действительно не в состоянии справиться ни с одной проблемой без посторонней помощи, родители правы. Мне хотелось надавать себе пощечин.

Глава четвертая

Я забыла, какое удовольствие доставляла мне раньше музыка. Когда-то я слушала ее до одури, пока не почувствую, что барабанные перепонки вот-вот лопнут. Я долго не решалась включить музыкальный центр. А ведь было время, когда я делала это автоматически. Теперь я стояла и смотрела на него, потом ходила вокруг. Случай с электричеством нарушил ставший привычным

распорядок дня. Я заставляла себя чаще выходить из дому, гуляла часок на пляже, старалась не бродить в пижаме целый день. Делала все, чтобы вернуться в мир живых и не проваливаться в паранойю. Однажды утром, проснувшись, я с удивлением ощутила себя менее измочаленной. Мне захотелось что-нибудь послушать, и я нажала на кнопку музыкального центра. Конечно, вскоре я заплакала — эйфория продлилась недолго.

Назавтра все повторилось. Я даже не устояла и немного подвигалась под музыку. Прежние привычки возвращались. Как безумная, я в одиночестве танцевала посреди гостиной. Единственное отклонение от старых привычек: в Малларанни наушники были не нужны, и я включала музыку на полную громкость, с ревущими басами. *The dog days are over, the dog days are done. Can you hear the horses? 'Cause here they come.*^[1]

Я делила сцену с Флоренс из *Florence and the Machine*.

Я знала эту песню наизусть, каждый аккорд, каждую нотку. Я вертелась и извивалась, тонкая пленка пота покрывала кожу, собранные в хвост волосы летали во все стороны, щеки пылали. В какой-то момент ударные выбились из ритма. Я уменьшила звук, но неизвестно откуда взявшийся грохот продолжался. С пультом в руке я подошла к входной двери и увидела, что она дрожит от ударов. Я сосчитала до трех и только потом открыла.

— Здравствуй, Эдвард, чем могу помочь? — Я одарила его самой обворожительной улыбкой.

— Сделай потише свою чертову музыку.

— Тебе не нравится английский рок? Твои соотечественники...

Он шарахнул кулаком по стене:

— Я не англичанин.

— Да это ясно с первого взгляда, тебе недостает их легендарной флегматичности.

Я продолжала улыбаться ему во весь рот. Он сжимал и разжимал кулаки, закрыл глаза, глубоко вздохнул.

— Ты меня достаемшь, — выдавил он своим хриплым голосом.

— Да что ты, вовсе нет. Ты почти полная противоположность тому, кого я хотела бы достать.

— Берегись.

— Ой, как страшно.

Он нацелил на меня указательный палец, сжав челюсти.

— Я прошу тебя уменьшить громкость, вот и все. Из-за твоей музыки в моей фотолаборатории все дрожит, и это мне мешает.

Я расхохоталась:

— Так ты действительно фотограф?

— Какое тебе дело?

— Да никакого. Просто подумала, что ты наверняка скверный фотограф.

Будь я мужчиной, он бы мне врезал. Я продолжала:

— Фотография — искусство, и значит, требует хоть какой-то чувствительности. А ты ее напрочь лишен. И, следовательно, непригоден для этой профессии. Ладно, послушай, я с удовольствием с тобой поболтала... да нет, шучу, ты уж извини, меня ждут другие дела.

Я посмотрела на него с вызовом, повернула пульт в направлении музыкального центра и вывела громкость на максимум. *Happiness hit her like a bullet in the head struck from a great height by someone who should know better than that. The dog days are over, the dog days are done*¹²¹, — вопила я. И принялась выплясывать, перед тем как захлопнуть дверь у него перед носом.

Я ликовала, танцуя и распевая во всю глотку. Как же здорово заткнуть ему пасть! Мне захотелось еще повеселиться: я решила продолжить начатое и окончательно испортить ему день. Он наверняка сейчас пойдет выпить пива, чтобы успокоиться, это как раз в его духе.

В отличие от прошлого раза я вошла в паб самым цивилизованным образом. Помахала присутствующим рукой и добавила к приветствию улыбку. Заказала стакан красного вина и сразу же расплатилась, после чего села за стойку на приличном расстоянии от соседа.

Он был еще мрачнее, чем обычно, похоже, я действительно изрядно действовала ему на нервы. Он крутил в руке зажигалку, по-прежнему играл желваками и одним глотком осушил кружку. Потом мотнул головой, заказывая следующую. Его взгляд остановился на мне. Я приветственно подняла бокал, глотнула и едва удержалась, чтобы не выплюнуть. Вино, если его вообще можно так назвать, было омерзительным. По сравнению с ним любое пойло в пластмассовой бутылке заслуживало рекомендации сомелье. А я на что рассчитывала? Откуда взяться приличному вину в этой ирландской дыре, где пьют только гиннесс и виски? Но это не помешало мне смотреть на Эдварда с вызовом.

Наши забавы продолжались добрых полчаса. И в конце концов победила я, потому что он встал и двинулся к выходу. Я выиграла битву — мне удалось хоть что-то сделать за день.

Переждав несколько минут, я тоже ушла. Стало темно. Я подняла воротник пальто. Был конец октября, и первые признаки зимы становились все более очевидными.

— Так я и думал, — раздался хриплый голос.

Эдвард ждал возле моей машины. Его спокойствие настораживало.

— Я думала, ты вернулся домой. Не пора проявлять фото?

— Из-за тебя я сегодня запарол целую пленку, так что даже не заикайся о моей работе. Тебе-то самой наверняка неизвестно, что такое работа.

Не дав мне времени ответить, он продолжил:

— Не обязательно хорошо знать тебя, и так понятно, что ты целыми днями ничего не делаешь. У тебя что, нет родных или друзей, которые где-то ждут?

Страх лишил меня дара речи, и он уверенно продолжил атаку:

— Конечно нет! Кому ты нужна? Ты же не представляешь никакого интереса. У тебя наверняка когда-то был парень, но он умер со скуки...

Моя рука взлетела сама собой. Я ударила так сильно, что его голова запрокинулась. Он потер щеку и криво усмехнулся:

— Я попал по больному месту?

Мое дыхание ускорилось, подкатили слезы.

— Понял, он тебя бросил. И был абсолютно прав.

— Пропусти меня, — попросила я, потому что он загораживал проход к моей машине.

Он придержал меня рукой и посмотрел прямо в глаза:

— Никогда больше так не делай. И позаботься об обратном билете.

Он резко отпустил мою руку и растворился в темноте. Тыльной стороной ладони я вытерла слезы. Меня так трясло, что я выронила ключи. Я сражалась с дверцей, когда мимо меня на огромной скорости промчалась машина Эдварда. Нет, этот мужчина не убийца, но он опасен.

Я сидела на полу посреди гостиной. Ее освещал слабый свет. Первая бутылка вина почти опустела. Я прикуривала одну сигарету от другой. В конце концов я схватила телефон:

— Феликс, это я.

— Что новенького в стране баранов?

— Я больше не могу, выдохлась.

— Что ты говоришь?

— Честное слово, я старалась, заставляла себя, но у меня ничего не получается.

— Это пройдет, — мягко сказал он.

— Нет! Это никогда не пройдет, все кончено, все совсем кончено.

— Тебе и должно быть плохо сегодня — день рождения Клары, слишком много воспоминаний.

— Ты пойдешь к ней завтра?

— Да, я все сделаю... Возвращайся домой.

— Спокойной ночи.

Спотыкаясь, я доковыляла до кухни. Отставила вино. Разбавила апельсиновым соком ром и, держа в одной руке стакан, в другой бутылку, вернулась в гостиную, чтобы снова рухнуть на пол. Я пила, курила и плакала, пока не рассвело.

Было уже совсем светло, когда мой желудок скрутило. Я кинулась к унитазу, не замечая предметов, которые сшибаю по пути. Мое тело сотрясали все более сильные спазмы. Мне показалось, что рвота продолжалась несколько часов, потом я еле доплелась до душа и, не потрудившись раздеться, уселась под струями, подогнув колени, раскачиваясь вперед и назад и испуская громкие стоны. Горячая вода сменилась теплой, потом холодной и, наконец, ледяной.

вернуться

1

Жаркие дни, прощайте, жарким денечкам конец. Разве ты не слышишь лошадей? Ведь они уже близко(англ.).

вернуться

2

Счастье пронзило ее, как пуля в висок, выпущенная с большой высоты безответственным стрелком. Жаркие дни, прощайте, жарким денечкам конец (англ.).

Мокрая одежда валялась на плиточном полу ванной. Чистое сухое белье не принесло мне никакого облегчения, даже толстовка Колена. Я задыхалась. Натянув капюшон на голову, я вышла на улицу.

Ноги хоть и с трудом, но все же дотащили меня до пляжа. Растянувшись на песке, я наблюдала за разбушевавшимся морем. Дождь молотил меня по лицу, а ветер, несущий песок, хлестал по нему. Мне хотелось уснуть навсегда, и не

имело значения, где я нахожусь. Мое место — рядом с Коленом и Кларой. Я нашла отличный уголок, чтобы к ним присоединиться. Я плавала где-то между сном и явью. Сознание потихоньку покидало меня, тело становилось все более тяжелым, я мягко погружалась в небытие. Темнело. Буря помогала мне уйти.

Совсем рядом раздался собачий лай, я почувствовала, что пес обнюхивает меня и легонько подталкивает носом, стараясь вызвать реакцию. Потом раздался свист, и он отбежал. Теперь мне удастся завершить свое путешествие.

— Что ты здесь делаешь?

Я узнала хриплый голос Эдварда, и меня охватил страх. Я свернулась клубком, изо всех сил зажмурилась и закрыла рукой голову, чтобы защититься.

— Оставь меня в покое! — вскрикнула я слабым голосом.

Потом я ощутила на себе его руки, и это было как электрошок. Я отбивалась ногами и кулаками:

— Отпусти меня!

Я сумела высвободиться. Попыталась встать, однако слабость не позволила мне это сделать. Почва ушла из-под ног, и я едва не упала. Я почувствовала, что Эдвард подхватил меня.

— Замолчи и не сопротивляйся.

Больше бороться я не могла и инстинктивно обхватила его за шею. Его тело сразу же защитило меня от порывов ветра. Дождь прекратился, мы были под крышей. Держа меня на руках, он поднялся по лестнице. Толкнул плечом дверь, прошел по комнате и положил меня на кровать. Я не подняла голову и съежилась. Боковым зрением я увидела, как он отшвырнул свою куртку в угол. Потом ненадолго вышел и вернулся с полотенцем на шее и еще одним в руках.

Присел передо мной на корточки и стал вытирать мне лоб и щеки. У него были большие руки. Он стащил с меня капюшон и высвободил волосы.

— Сними свитер.

— Нет, — возразила я охрипшим голосом и потрясла головой.

— У тебя нет выбора, не разденешься — заболеешь.

— Не могу.

Я дрожала все сильнее. Он наклонился, снял с меня сапоги и носки.

— Встань.

Чтобы подняться, я оперлась на кровать. Эдвард стянул с меня толстовку Колена. Я потеряла равновесие, он подхватил меня за талию, подержал несколько мгновений, прижав к себе, и отпустил. Потом дернул за молнию на моих джинсах и спустил их, чтобы я могла из них выбраться. Его руки тронули мою спину, когда он снимал с меня майку. Остатки стыдливости вынудили меня скрестить на груди руки. Он порылся в шкафу, вернулся с рубашкой и помог мне ее надеть. Воспоминания нахлынули одновременно со слезами. Эдвард застегнул каждую пуговицу и спрятал под рубашку мое обручальное кольцо.

— Ложись.

Я легла, и он натянул на меня покрывало. Откинул волосы со лба. Я почувствовала, что он собирается уйти. Дыхание стало прерывистым, рыдания усилились. Я открыла глаза и впервые посмотрела на него. Он секунду постоял рядом и вышел. Я вытащила из-за ворота обручальное кольцо и сжала его в ладони. Потом улеглась в позе зародыша, уткнулась головой в подушку и начала проваливаться в сон.

Просыпаться не хотелось, тем не менее ощущения пробуждались. Веки затрепетали. Стены комнаты оказались не серыми, а белыми. Я протянула руку

к столику, чтобы включить ночник, но рука провалилась в пустоту. Рывком я уселась на кровати, и на меня обрушилась жуткая головная боль. Кончиками пальцев я массировала виски, и постепенно воспоминания о минувшем дне вернулись, стремительно прокручиваясь перед глазами. Что касается ночи, то на ее месте образовалась огромная черная дыра.

Я сделала несколько осторожных шагов. Приложила ухо к двери, прислушалась и только потом открыла ее. В коридоре царил тишина. Возможно, я смогу потихоньку сбежать, и Эдвард меня не заметит. Я на цыпочках подходила к лестнице, стараясь как можно меньше шуметь. Вдруг я услышала покашливание и застыла на месте. За мной стоял Эдвард. Я сделала глубокий вдох, перед тем как повернуться к нему. Он оглядел меня с ног до головы, лицо его оставалось непроницаемым. В этот момент я осознала, что на мне лишь его сорочка. Я потянула ее книзу, пытаюсь прикрыть ноги.

— Твоя одежда в ванной, уже высохла, наверное.

— Это где?

— Вторая дверь в глубине коридора, и не заходи в соседнюю комнату.

Он сбежал по лестнице так быстро, что я не успела ничего ответить. Он пробудил мое любопытство, запретив заглядывать в одну из комнат. Но я не рискнула поддаться искушению и направилась за одеждой. Типичная ванная закоренелого холостяка, подумала я, открыв дверь. Скомканные полотенца, гель для душа, зубная щетка и зеркало, в котором мало что разглядишь. Мои вещи, развешанные на полотенцесушителе, были сухими. Я с облегчением сняла с себя Эдвардову рубашку. Держа ее в руках, я озиралась, не зная, что с ней делать. Потом заметила корзину для грязного белья. Я уже спала в его постели, поэтому его вчерашние трусы меня не испугают. Тут я заметила вешалку и решила ею воспользоваться.

Я автоматически ополоснула лицо водой, от этого мне стало гораздо лучше, даже показалось, что я теперь хорошо соображаю. Я вытерлась рукавом толстовки и почувствовала, что готова к встрече с Эдвардом, а может, и к ответам на его вопросы.

В дверях гостиной я переминалась с ноги на ногу. Подбежал рысцой Постмен Пэт и потерся о мои ноги. Я погладила пса, чтобы оттянуть разговор с его хозяином, который стоял ко мне спиной за кухонной стойкой.

— Налить кофе? — резко спросил он.

— Да, — ответила я, подходя к нему.

— Есть хочешь?

— Поем позже, вполне достаточно кофе.

Он наполнил тарелку и поставил ее на стойку. От запаха яичницы у меня потекли слюнки. Я бросила на тарелку подозрительный взгляд.

— Садись и ешь.

Я не раздумывая подчинилась. Во-первых, я умирала с голоду, во-вторых, его тон не располагал к возражениям. Эдвард всматривался в меня, стоя с чашкой в руках и сигаретой в зубах. Я поднесла вилку ко рту и широко раскрыла глаза. Пусть он не слишком любезен, но его яичница — шедевр кулинарного искусства. Время от времени я поднимала глаза над тарелкой. Ни угадать, о чем он думает, ни выдержать его взгляд у меня не получалось. Тогда я принялась рассматривать окружающую обстановку. Единственно возможный вывод: Эдвард разгильдяй. В гостиной царил полный бардак. Повсюду разбросаны журналы, книги, фотоаппаратура, кучи одежды, пепельницы, полные окурков. Рядом с моей чашкой приземлилась сигаретная пачка, и я повернула голову к хозяину.

— Тебе до смерти хочется курить, — сказал он.

— Спасибо.

Я встала с табурета, закурила и направилась к большому окну:

— Эдвард, я должна тебе объяснить, что произошло вчера.

— Ты ничего не должна, я бы помог в такой ситуации любому.

— Вопреки тому, что ты, наверное, думаешь, я не привыкла устраивать подобные спектакли. Хочу, чтобы ты это понял.

— Плевать мне на то, что заставило тебя это сделать.

Он направился к входной двери и распахнул ее. Этот грубиян выгонял меня. Я в последний раз погладила пса, который от меня не отходил. Потом прошла мимо его хозяина и вышла на крыльцо. Остановилась, чтобы заглянуть ему в глаза. Как можно быть таким жестоким?!

— До свидания, — небрежно бросил он.

— Если тебе что-то понадобится, обращайся.

— Мне ничего не нужно.

Он захлопнул дверь у меня перед носом. Я долго стояла на крыльце. Ну и урод!

Чтобы привести дом в порядок, мне пришлось сделать генеральную уборку. Место действия не имеет значения — последствия пьянки и похмелье всюду одинаковы.

Феликс в который раз прекрасно выступил в роли психотерапевта, часами выслушивая по телефону мои жалобы. Я только что пережила очередной

кризис, но все еще оставалась на ногах. И собиралась предпринять новую попытку излечения.

Я раздумывала, с какого бока к этому подступиться, когда раздался стук в дверь. С удивлением увидела на пороге соседа. Боги были не на моей стороне. Я не встречалась с ним с тех пор, как покинула его дом неделей раньше, и отнюдь не скучала по нему.

— Здравствуй, — сухо сказал он.

— Здравствуй, Эдвард.

— Мне придется все же обратиться к тебе с просьбой. Можно оставить у тебя мою собаку?

— А разве обычно ты его не оставляешь Эбби и Джеку?

— Не могу их просить — слишком надолго уезжаю.

— Что значит надолго?

— На две недели, а то и больше.

— Когда я должна его забрать?

— Сейчас.

Нахальства ему не занимать. Он даже не выключил двигатель своей машины, чтоб уж наверняка приставить мне нож к горлу. Поскольку я замешкалась с ответом, он криво усмехнулся и сказал:

— Ладно, проехали.

— Извини, но мне все-таки нужно подумать, если ты не против?

— Подумать? Чтобы взять на несколько дней собаку?

— Ты так любезно попросил... Хорошо, приводи его.

Он открыл заднюю дверцу своего внедорожника, и оттуда выскочил Постмен Пэт. Гораздо более дружелюбный, чем его хозяин. Он с такой радостью кинулся ко мне, что я даже улыбнулась.

— Ну, я поехал, — сказал Эдвард.

Он сел за руль.

— Погоди, он без поводка?

— Поводок не нужен: свистни, и он прибежит.

— Это все?

Эдвард захлопнул дверцу и сразу рванул с места. Урод он и есть урод. К тому же у него появилась мерзкая привычка постоянно хлопать дверью у меня перед носом.

И вот уже три недели я работаю собачьей нянькой. Три недели. Эдварду на меня наплевать. Но пес оказался очень славным — в данную минуту он мой лучший друг. Да и вообще мой единственный друг в этом медвежьем углу. Он повсюду следует за мной, спит вместе со мной. Когда я начинаю с ним разговаривать, мне становится как-то не по себе. В кого я превращаюсь? Ни дать ни взять бабулька и ее любимый песик. Даже если этот песик выглядит как нечто среднее между медведем и ослом. Такая вот невообразимая помесь.

Я открывала для себя радость присутствия четырехлапого приятеля. Мне это нравилось, если не считать тех моментов, когда он исчезал. Во время нашей каждодневной прогулки по пляжу он непременно сбегал от меня. Я отчаянно свистела, но это не действовало. Сегодня я волновалась больше обычного. Слишком долго его не было видно.

Бегая по пляжу, я вспотела и раскашлялась так, что казалось, легкие разорвутся. Опустив голову и опершись руками о колени, я старалась восстановить дыхание и в этот момент услышала лай Постмена Пэта. Он возвращался ко мне в сопровождении незнакомки. Я приложила ладонь козырьком ко лбу. Чем ближе она подходила, тем очевиднее для меня становилось, что я ее раньше не видела — нельзя пройти мимо этой девушки, не заметив ее. Она выглядела примерно моей ровесницей. На ней была шотландская мини-юбка и рейнджерские ботинки. Пневмония поджидала ее в одном шаге, если судить по глубокому декольте, едва прикрытому кожаным блузоном. На голове золотисто-каштановая грива. Перед тем как подойти ко мне, она подняла палку и далеко зашвырнула ее.

— Отстань, противное животное, — крикнула она со смехом.

С широкой улыбкой она приблизилась ко мне.

— Привет, Диана, — сказала она и тут же поцеловала меня.

— Добрый день, — удивленно ответила я.

— Я узнала, что он на твоём попечении, и пришла узнать, не слишком ли он тебя обременяет.

— Нет, я справляюсь, если не считать сегодняшней истории.

— Ой, не парься, уж и не знаю, сколько раз я плюхалась задницей на песок, пытаюсь его догнать. Он слушается только Эдварда. Впрочем, кто же рискнет шалить с моим братом?!

Она расхохоталась, а я не была уверена, что все поняла: она тархтела как пулемет.

— Эдвард — твой брат?

— Да. Ой, извини, я не представилась, я Джудит, его младшая сестра.

— А я Диана, но тебе это уже известно.

— Предложишь мне что-нибудь выпить?

Она взяла меня под руку, заставила развернуться и увлекла по направлению к коттеджу. Эта девушка не была сестрой Эдварда: папа с мамой не могли родить двух таких разных детей. Единственное, что у них было общего, это цвет глаз — у Джудит они были точно такими же, как у Эдварда, зеленовато-голубыми.

Я открыла перед ней дверь, она тут же развалилась на диване, положив ноги на низкий столик.

— Хочешь кофе, чаю?

— Ты же вроде француженка, так что у тебя должна найтись бутылочка вина. Сейчас как раз время аперитива.

Через пять минут мы подняли бокалы и чокнулись.

— Диана, не верю, что ты такая же дикарка, как мой брат. Почему ты здесь обосновалась? Согласна, тут красиво, но почему это пришло тебе в голову?

— Ничем не хуже любого другого приключения: поселиться в полном одиночестве на берегу моря. А ты где живешь?

— В Дублине, над одним пабом, приезжай как-нибудь ко мне.

— Может, приеду.

— А здесь ты уже сколько? Ты не работаешь?

— Сейчас нет. А ты?

— У меня отпуск на несколько дней, но вообще-то я вкалываю в порту. Руководжу распределением грузов. Не слишком увлекательно, но позволяет оплачивать квартиру и счета.

Она продолжила болтовню, как заправская сплетница. Потом ее словно какая-то муха укусила, и она резко вскочила:

— Я тебя покидаю, Эбби и Джек ждут.

Она уже открывала входную дверь.

— погоди, ты забыла сигареты.

— оставь себе, это контрабанда, у меня джентльменское соглашение с докерами, — подмигнула она.

— Ты же не пойдешь пешком, уже совсем темно. Давай подвезу!

— Да брось ты! Небольшая зарядка моим ляжкам не повредит. До завтра!

Назавтра Джудит пришла, как и обещала. Потом послезавтра. Это был третий день оккупации моего личного пространства. Удивительно, но ее присутствие не давило на психику. Она меня веселила. Вызов был у Джудит в крови. Она подчеркивала свои формы, достойные итальянской звезды, и, едва раскрыв рот, ругалась как извозчик. Абсолютно взрывной коктейль. Она потчевала меня цветистыми рассказами о своих запутанных любовных историях. Вообще-то она ничего не боялась и была совершенно уверена в себе, однако первый попавшийся красавчик неизменно ловил ее на крючок. Стоило появиться на горизонте очередному «скверному парню» — и она пропала.

Этим вечером она осталась у меня на ужин. Ела за четверых и пила как крепкий мужик.

— Мы тут одни, не возражаешь? — спросила она, расстегивая джинсы.

Я открыла дверь собаке, требовавшей положенную вечернюю прогулку.

— Почему брат оставил тебе своего бобика?

— За мной был должок.

Она взглянула на меня с подозрением. Я сделала вид, что ничего не заметила, и уселась на диван, подогнув ноги.

— Эдвард всегда был таким? — неожиданно для самой себя спросила я.

— «Таким»? Что ты имеешь в виду? — переспросила она, обозначив пальцами кавычки.

— Таким мужланом, дикарем, молчуном...

— А, ты об этом? Да, всегда. Мерзкий характер с детства.

— Ну и ну, остается пожалуй ваших родителей.

— Эбби тебе ничего не рассказала? Нас воспитали они с Джеком. Наша мать умерла, рожая меня, Эдварду было тогда шесть лет. Отец не хотел нами заниматься и отдал дяде и тете.

— Очень сочувствую.

— Не надо, не сочувствуй. У меня были чудесные родители, и я ни в чем не нуждалась. Я никогда не назову себя сиротой.

— Вы не жили с отцом?

— Время от времени мы проводили с ним по несколько дней, если он соблаговолит пропустить работу. Но это был ад. Из-за Эдварда.

— Он не радовался встрече с отцом?

— Нет, он считает, что родители нас бросили. И злится за это на целый свет. Несмотря на то что он восхищался папой, стоило им оказаться в одной комнате, как атмосфера немедленно накалялась.

— С какой стати?

— У Эдварда один в один папин характер. Поэтому между ними все время проскакивали искры. Они не могли не орать друг на друга.

— А ты оказывалась между ними?

— Ну да, можешь себе представить обстановочку.

— Конфликт длится по сей день?

— Папа умер.

— Ой...

— Вот так вот, мы постоянно огребаем.

Она коротко хохотнула, закурила и несколько мгновений смотрела в пространство, после чего продолжила:

— Они грызлись до самого конца, но Эдвард оставался с отцом все время, пока тот болел. Часами сидел у его постели. Думаю, они разобрались со своими отношениями. Никогда не узнаю, что они друг другу сказали. Эдвард отказывается об этом говорить, он только заверил меня, что папа ушел спокойно.

— Сколько вам тогда было?

— Мне — шестнадцать, Эдварду двадцать два. Он сразу заявил, что теперь он — глава семьи и должен меня обеспечивать. Эбби и Джек не могли ничего сделать, он забрал меня, и мы вместе переехали.

— А как он со всем справлялся?

— Понятия не имею, он учился, работал и заботился обо мне. С годами он выковал себе панцирь, защищающий его от всего и от всех.

— У него нет друзей?

— Всего несколько, и он их тщательно отбирал. Он не в состоянии кому-либо доверять. Уверен, что его предадут или бросят. Он научил меня справляться со всем самостоятельно, ни на кого не рассчитывая. Он всегда защищал меня и легко пускал в ход кулаки, когда в моем окружении попадался парень, с его точки зрения, излишне предприимчивый.

— Он вспыльчивый?

— Скорее нет, дерется, только если его достанут, — словом, из тех, кого нужно довести до предела.

— Похоже, именно это я и сделала, — пробормотала я.

Она поглядела на меня, прищурившись:

— Но ты же не боишься его?

— Не знаю, он ужасно ведет себя со мной.

Она расхохоталась.

— Ты для него, конечно, как бельмо на глазу, но не беспокойся, он человек принципов. Один из них — на женщину никогда нельзя поднимать руку. Он скорее из тех, кто всегда придет на помощь попавшей в беду барышне.

— С трудом представляю, что человек, о котором ты говоришь, — мой сосед.

Накануне своего отъезда в Дублин Джудит присоединилась к нашей с Постменом Пэтом ежедневной прогулке. Мы сидели на песке. Она снова попыталась узнать обо мне побольше.

— Ты что-то скрываешь. Что ты здесь делаешь? Не могу смириться с тем, что ни Эбби, ни мне не удалось ничего выпытать.

— Потому что нечего выпытывать. Уверяю тебя, в моей жизни ничего интересного.

Я отправилась на поиски Постмена Пэта. Он снова ухитрился сбежать. Я помчалась к коттеджам. Мне всегда было страшно, что его собьет машина или, что еще хуже, Эдвард вернется и увидит, как его собака носится где попало.

Я поймала его и тянула за ошейник, пытаюсь вернуть на пляж. В этот момент к коттеджам подъехал внедорожник Эдварда. Мне хотелось наглядно доказать, что я пользуюсь у пса авторитетом, и я надежно удерживала его, не отпуская, пока к нам не подойдет хозяин. Пес устроил ему бурный прием, а Эдвард сверлил меня взглядом. Так мы и стояли, меряясь взглядами, а собака носилась от одного к другому.

Раздался пронзительный вопль. К нам летела Джудит. Она подпрыгнула и повисла на шее брата. Мне показалось, что я поймала на его лице намек на улыбку. Наконец она отпустила Эдварда. Чтобы тут же схватить за подбородок и, нахмутив брови, всмотреться в него.

— Паршиво выглядишь.

— Прекрати.

Он высвободился и повернулся ко мне:

— Спасибо за собаку.

— Не за что.

Джудит захлопала в ладоши и повернулась к нам, переводя взгляд с меня на него.

— Вот это, блин, беседа! Эдвард, тебе удалось произнести больше двух слов подряд. А ты, Диана, обычно более разговорчива.

Я пожала плечами.

— Хватит, Джудит, — зарычал Эдвард.

— Собака, угомонись!

— Эбби и Джек ждут нас.

— Дай мне хотя бы попрощаться с новой подругой.

Эдвард воздел глаза к небу и зашагал вперед. Джудит обняла меня:

— Я приеду через две недели, на рождественские каникулы. Приду к тебе, и ты мне во всем признаешься.

— Не думаю.

Я тоже обняла ее. С этой девушкой мне было хорошо.

Я стояла на пляже и смотрела, как они уходят. Джудит вприпрыжку бежала рядом с братом, ей было радостно с ним. Судя по всему, и ему с ней, насколько он вообще умел радоваться.

Глава пятая

Уже больше недели от Феликса ничего не было слышно. Приехали, теперь я вынуждена охотиться за ним. Трижды я безуспешно звонила, на четвертый раз он наконец-то ответил:

— Диана, я нарасхват!

— И все-таки здравствуй!

— Давай по-быстрому, у меня тут запарка — готовлюсь к Рождеству.

— Что ты задумал?

— Твои родители сказали, что ты не приедешь на праздники, и пригласили меня, а я отказался, потому что они опять будут пытаться наставить меня на путь истинный. Вместо этого я решил лететь на Миконос — там будет сумасшедший праздник.

— Да? Отлично.

— Вернусь — позвоню тебе.

Он повесил трубку. Я еще какое-то время держала телефон у уха. Дальше — больше. С глаз долой, из сердца вон. В том, что мои родители не настаивали на моем приезде на Рождество, ничего удивительного. Овдовевшая депрессивная дочка не вписывалась в обстановку их светского праздничного застолья. Но Феликс тоже меня бросает, и вот эту пилюлю проглотить значительно труднее.

Яркое зимнее солнце заливало гостиную — такого я здесь еще ни разу не видела, — но у меня не возникло ни малейшего желания выйти.

Приближающиеся праздники нагоняли мрачное настроение. Громкий стук в дверь вынудил меня покинуть кресло. Я открыла. На пороге — Джудит в костюме эльфа из свиты Санта-Клауса, но только очень сексуального эльфа. Она повисла у меня на шее.

— Что ты делаешь взаперти в такую погоду? Надевай сапоги и пошли.

— Спасибо за приглашение, но я не пойду.

— Ты думала, будто я позволю тебе решать? — спросила она, подталкивая меня к вешалке.

Джудит напялила на меня вязаную шапку, схватила ключи и заперла коттедж.

Она во все горло распевала рождественские песни. Сама того не желая, я начала смеяться. Джудит удалось сотворить чудо. Она заставила меня пройти пешком по всему берегу бухты и по Малларанни до самого дома Эбби и Джека.

— А вот и мы! — крикнула она, открывая дверь.

Вслед за ней я вошла в гостиную. Она отпечатала звучные поцелуи на щеках тети и дяди.

— Рада видеть тебя, Диана, — сказала Эбби, крепко обнимая меня.

Джек широко улыбнулся мне и похлопал по плечу. Для строгого следования рождественским канонам недоставало только сказок Диккенса на полке. А так все было на месте: ель в потолок, открытки с пожеланиями на каминной доске, имбирное печенье на низком столике, гирлянды разноцветных лампочек и даже вариации на тему *Jingle Bells* в качестве звукового фона. Всего за несколько минут Эбби и Джудит сумели сделать так, что я почувствовала себя непринужденно. Они усадили меня, Джудит протянула чашку чаю, а Эбби тарелку с печеньем, куском морковного торта и пряниками. Можно подумать, они мечтают, чтобы я растолстела. Джек смеялся, качая головой.

Вот уже два часа я присутствовала на представлении. Джудит сидела на полу и заворачивала в бумагу подарки, а потом, по мере готовности, выкладывала пакеты под елку. Эбби вязала рождественский чулок. Мое настроение никак не совпадало с царящей здесь атмосферой. Она была насквозь пропитана добрыми чувствами, но я больше во все это не верила. Когда-то я первая натянула бы островерхую шляпу и стала разбрасывать серпантин. Для Клары.

— Не теряй бдительности, — сказал мне Джек. — У них какой-то заговор, и, подозреваю, он касается тебя.

— Ну-ка замолчи, — потребовала Эбби. — Диана, через два дня Рождество, а ты не собираешься во Францию?

— Нет, не собираюсь.

Искусственная улыбка, которую я натянула, входя в дом, постепенно сползала с моего лица.

— Тогда приходи к нам, мы будем праздновать в семейном кругу.

В семейном кругу? А как насчет этого мерзкого урода Эдварда? Он тоже придет? Хотя бы для того, чтобы посмотреть, как он будет веселить всех на рождественском ужине, стоило принять приглашение.

— Ну пожалуйста, я не хочу, чтобы ты оставалась одна, — настаивала Джудит.

Я собиралась ответить, но тут хлопнула входная дверь. Джудит встала и вприпрыжку побежала в прихожую. До нас донеслись звуки приглушенной беседы.

— А теперь пошли, и веди себя прилично! — услышали мы голос Джудит.

Появление Эдварда вслед за сестрой в дверях гостиной меня не удивило. Вместо того чтобы сесть, Джудит встала за Эбби, обняв ее за шею, положила подбородок ей на плечо и с улыбкой посмотрела на меня.

— Поздоровайся, Эдвард! — приказала она, не отрывая от меня глаз.

Чтобы не рассмеяться, я подняла голову и посмотрела на него. Сейчас я получу ожидаемый холодный душ. Он в упор глядел на меня, и его взгляд был жестким.

— Здравствуй, — буркнул он.

— Здравствуй, Эдвард.

Он прошел в комнату, пожал руку Джеку и встал возле камина. Уставился на огонь, повернувшись к нам спиной.

— Теперь, когда мы отдали дань вежливости, вернемся к нашему разговору, — сказала Джудит.

— Мы очень тебя просим, отпразднуй Рождество с нами, — подхватила Эбби.

Эдвард резко обернулся:

— Вы о чем? У нас здесь вроде не Армия спасения.

Его тело было натянуто как струна, и я бы не удивилась, повали из ушей дым.

— Тебе не надоело строить из себя полного придурка? — возмутилась сестра. — Мы пригласили Диану на Рождество, так что помолчи. Не нравится — обойдемся без тебя.

Между братом и сестрой засверкали молнии, они смахивали на двух бойцовых петухов. И впервые Эдвард выглядел не самым грозным из двух противников. Несмотря на удовольствие, которое я испытала, увидев, как он съжился от атаки младшей сестры, пора было положить конец поединку.

— Минутку! Полагаю, это и меня касается. Так вот, я не приду, потому что не праздную Рождество.

— Но...

— Это не обсуждается.

— Поступай, как хочешь, — сказал Джек. — Но если передумаешь, знай, что дверь для тебя открыта.

— Большое спасибо. А теперь я вас покину, уже поздно.

— Оставайся на ужин, — предложила Эбби.

— Нет, спасибо. Сидите, я найду дорогу.

Джудит отошла в сторону. Эбби снова обняла меня. Я увидела, как она осуждающе взглянула на племянника. Я чмокнула в щеку Джека, а он подмигнул мне. Потом я подошла к Эдварду, и он посмотрел мне прямо в глаза.

— Спасибо, — сказала я тихо, так, чтобы никто больше меня не услышал. — Ты только что оказал мне большую услугу. Вообще-то ты лучше, чем кажешься.

— Вали отсюда, — прошипел он сквозь зубы.

— До свидания, — произнесла я громким голосом.

Он не ответил. Я в последний раз помахала всем рукой и подошла к Джудит, которая уже стояла возле входной двери. Она смотрела, как я натягиваю пальто.

— Почему ты сбегашь?

— Хочу домой.

— Я приду к тебе на Рождество.

— Нет. Мне лучше побыть одной. Твое место рядом с родными.

— Это все из-за моего кретина брата?

— Слишком много чести. Нет, дело не в нем. А теперь мне действительно пора. Доброй ночи. И не беспокойся за меня. — Я поцеловала ее.

Я забыла, что пришла к ним пешком. Потоки воды обрушивались на меня, было черным-черно. Я шла вперед, засунув руки в карманы и стараясь ни о чем не думать. Автомобильный гудок заставил меня вздрогнуть. Я остановилась, обернулась, но фары ослепили меня. Еще больше я удивилась, когда рядом затормозила машина Эдварда. Стекло опустилось.

— Садись.

— Это Рождество так на тебя действует? А может, ты заболел?

— Воспользуйся такси, дважды оно не приедет.

— Ладно, должен же ты на что-то сгодиться.

Я села в его машину. В ней царил такой же бардак, как и в доме. Чтобы освободить себе место, пришлось ногой сдвинуть какие-то предметы, распознать которые мне не удалось. Приборная панель была завалена сигаретными пачками и газетами, использованные бумажные стаканчики заткнуты за ручки дверей. Я и сама заядлая курильщица, но здесь от застарелого табачного запаха меня замутило. В машине царила тяжелая тишина.

— Почему ты не вернулась во Францию?

— Я там больше не чувствую себя дома, — ответила я слишком быстро.

— Здесь ты тоже не дома.

— Минуточку, так ты ради этого решил меня подвезти? Чтобы опять наговорить мне гадостей?

— Что касается тебя, единственное, что меня интересует, — дата твоего отъезда.

— Останови эту чертову машину!

Он резко затормозил. Я хотела выскочить как можно быстрее, но не могла отстегнуть ремень.

— Помочь?

— Заткнись! — завопила я.

Мне наконец-то удалось выбраться, и на этот раз настала моя очередь хлопнуть дверью у него перед носом. Ну, или дверцей.

— Веселого Рождества! — крикнул он, опустив стекло.

Не удостоив его взглядом, я зашагала по дороге.

Машина едва не задела меня, проехав по луже и облив меня с ног до головы. Детский сад. Лет двенадцать, а может, и меньше, если по уму. Но в результате он победит, потому что не просто действует мне на нервы, но еще и утомляет.

Вся дрожа, я в конце концов добралась до дому и заперлась на все замки.

Двадцать шестого декабря, в одиннадцать утра, кто-то постучал в мою дверь. Джудит. Она отодвинула меня, чтобы пройти.

— Рождество окончено!

На кухне она налила себе кофе, вернулась в гостиную и уселась на диван.

— С тобой точно что-то не так, — сказала она. — Хочу попросить тебя об одолжении.

— Слушаю.

— Каждый год я устраиваю новогодний праздник.

Я почувствовала, как бледнею. Встала, закурила.

— Хозяин паба знает меня с детства, он не может мне ни в чем отказать. Ты же видела, в Малларанни живут одни старики, и они не то чтобы продвинутые. Ну и хозяин отдает мне паб на всю новогоднюю ночь, и я делаю в нем, что хочу. Мы там такое вытворяли...

— Представляю.

— Всегда приезжают все мои приятели, и мы отрываемся по полной. Пьем, поем, танцуем на столах... А в этом году с нами будет еще и француженка.

— Правда? То есть нас в Малларанни двое?

— Прекрати, Диана. Ты не празднуешь Рождество, пусть так. Не у тебя одной проблемы с семейными сборищами. Но в новогоднюю ночь встречаются друзья, чтобы повеселиться, и ты не можешь отказать мне в этой просьбе.

— Ты слишком многого от меня хочешь.

— Почему?

— Проехали.

— Ладно. Я очень хочу, чтобы ты пришла. Но только на этот раз давай без музея ужасов.

Я нахмурилась.

— Забудь о спортивных штанах и растянутом свитере.

Она становилась такой же утомительной, как ее брат, пусть и в другом ключе. Я вздохнула и закрыла глаза, перед тем как ей ответить:

— Хорошо, приду, но только ненадолго.

— Это тебе так кажется. Ну ладно, договорились, у меня уйма дел.

Она умчалась как торнадо. А я свалилась в кресло и обхватила голову руками.

Мне удалось убедить Джудит, что я в состоянии обойтись без ее помощи. Пока еще мне по силам самостоятельно одеться, а что до советов по части наряда, я опасалась, как бы не возникло проблем со вкусом.

Я всматривалась в свое отражение в трюмо, стоящем в спальне. Мне казалось, будто я облачилась в маскарадный костюм, и все же это была именно я, которая словно заново знакомялась с собой. Я долго не отрывалась от зеркала. Выводы были очевидны: я постарела, черты заострились. Полезли морщины, и, приглядевшись, можно было различить седые волосы. А потом я подумала о

Колене и решила скрыть хотя бы некоторые следы моего горя с помощью макияжа. Я нанесла темные тени на веки и густо накрашила тушью ресницы — подчеркнула свои глаза ради него. Потом автоматически закрутила волосы небрежным узлом, и несколько прядей упали на шею — он их всегда тербил. Я оделась в черное с ног до головы: брюки, топ с открытой спиной и лодочки. Мое единственное украшение — обручальное кольцо на цепочке — лежало в ложбинке груди.

Я подошла к пабу. Парковка забита, наверное, праздник в разгаре. Сейчас я окажусь лицом к лицу с множеством незнакомых людей. Мне придется разговаривать, улыбаться, а это выше моих сил.

Глубоко вздохнув, я толкнула дверь. Духота накрыла меня с головой. Зал был переполнен, все пели, танцевали, смеялись. Несомненно, ирландцы знают толк в праздниках. Такого я никогда не видела. Отыскать Джудит не стоило большого труда. Невозможно было не заметить ее львиную гриву, черные кожаные брюки и ярко-красный корсаж. Мне удалось пробиться к ней, я легонько похлопала ее по плечу, она обернулась и, как мне показалось, растерялась.

— Диана, это ты?

— Ну да, дурочка!

— Я так и знала, что в тебе таится роковая женщина. Держись поскромнее, не то задвинешь меня на второй план.

— Прекрати, иначе я уйду.

— И речи быть не может, ты пришла и останешься с нами.

— Я тебя предупреждала: как только пробьет полночь, я сыграю в Золушку и тут же сбегу.

Она на минутку отошла и вернулась, протягивая мне наполненный бокал:

— Выпей, и мы поговорим!

Потом она вовлекла меня в людской водоворот. Я знакомилась с милыми людьми, все они улыбались — такого желания развлекаться я не встречала ни у кого и никогда. Атмосфера была крайне доброжелательной, никакой фанатерии. Многочисленные бокалы, которые мне предлагали по ходу дела, помогали расслабиться и поймать драйв.

Усиленно улыбаясь, я проложила себе дорогу к бару. Мой бокал слишком долго оставался пустым, и мне ничего другого не оставалось, если я хотела продержаться до Нового года. Так что на алкоголе я не экономила. Вдруг я почувствовала, что кто-то стоит рядом со мной, но не подняла глаз и продолжала смешивать коктейль. Рома в нем было немало, но он сошел бы за безалкогольный по сравнению с количеством виски в стакане моего соседа: оно просто зашкаливало. Эти руки были мне знакомы, я их уже когда-то видела. Я с раздражением подняла голову. Эдвард облокотился о стойку и потягивал виски, глядя на меня. Мне показалось, будто меня пропускают через металлодетектор.

— Сестра опять сделала по-своему, — ухмыльнулся он. — Ее всегда привлекали бродячие псы.

— А скольких человек собираешься сегодня покусать ты?

— Никого, кроме тебя. Все остальные мои друзья.

— Кому захочется дружить с тобой?

Я развернулась и ушла. Вечеринка обещала быть еще более непростой.

Я рассеянно слушала разговоры. Джудит была рядом, она не отпускала меня ни на шаг, боялась, как бы я не сбежала. Мое внимание привлек почти полностью обритый загорелый череп. Я растолкала всех, кто был на моем пути, и помчалась к нему:

— Феликс!

Он обернулся и увидел меня. Побежал навстречу. Я бросилась в его объятия, а он подхватил меня и закружил. Я смеялась и рыдала, уткнувшись ему в шею. Он очень сильно сжимал меня, но все мои будущие синяки были ничтожной платой за горячие Феликсовы объятия.

— Я получил твоё сообщение и не смог устоять.

— Спасибо, мне тебя так не хватало!

Он поставил меня на пол и взял моё лицо в ладони:

— Я же говорил, что ты не сможешь обойтись без меня!

Я шлепнула его по затылку. Он снова прижал меня к себе:

— Как я рад тебя видеть!

— На сколько ты приехал?

— До завтрашнего вечера.

Я крепче обняла его за талию.

— Где можно выпить в твоём пабе?

Я взяла его за руку и потянула к бару. Первый бокал он выпил, не отрываясь, до дна и тут же налил второй. Наверное, исходил из того, что пора нас догонять. Заодно он наполнил и мой бокал.

— Ты пошла на поправку. Занялась собой, и тебе это явно на пользу.

— Я постаралась ради сегодняшнего вечера. И ради Джудит.

— Покажи её мне.

— Зачем меня искать, вот она я.

Я с улыбкой повернулась к ней.

— Могла бы сказать, что твой парень придет, — сказала она с обидой в голосе.

— Мой кто?

— Ну, твой парень, твой мужчина...

— Стоп! Это всего лишь Феликс...

— Спасибо за «всего лишь», — перебил он.

— Да будет тебе! Джудит, познакомься, это мой лучший друг.

Она внимательно взгляделась в меня, выпятила свою пышную грудь и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать Феликса.

— Диана молодец, что пригласила тебя, — сказала она. — Свежие люди — это классно, я это очень, ну очень люблю.

Она склонила голову набок и внимательно оглядела его со всех сторон. Он соответствовал всем критериям, необходимым, чтобы она угодила в ловушку: бритый череп, кожаный блузон и футболка с таким глубоким V-образным вырезом, что в нем можно было разглядеть пупок.

— Очень рад познакомиться с тобой, — ответил он с самой своей чарующей улыбкой.

— А я как рада! Надеюсь, Диана не отказывается поделиться.

Я потихоньку толкнула ногой моего лучшего друга-соблазнителя и по совместительству самовлюбленного Нарцисса.

— Не волнуйся, у нас впереди целая ночь, чтобы ближе познакомиться. Но сначала я должен тебе кое-что сказать.

— Слушаю внимательно-внимательно, — ответила она, хлопая ресницами.

— У нас с тобой никогда ничего не получится.

— Ух ты! Меня еще ни разу так быстро не отшивали. У меня изо рта пахнет? Или что-то застряло между зубами?

— Да нет, дело в том, что у тебя нет ничего между ног.

Я закатила глаза. Джудит расхохоталась.

— О'кей. Тогда хотя бы помоги мне задержать ее до рассвета. — Она указала на меня подбородком.

— Я точно знаю, как это сделать.

Он протянул мне крепкий коктейль. Жидкость обожгла горло, но мне было наплевать. Я знала, что если эта парочка будет рядом, я не смогу долго сопротивляться.

Очень скоро пробило полночь. Все гости, кроме нас с Феликсом, отсчитывали двенадцать ударов вслух. Мы отошли в сторону и держались за руки. Когда все закричали, я положила голову ему на плечо.

— С Новым годом, Диана!

— И тебя! Пойдем найдем Джудит.

Я потянула его за собой. Ту, которую мы искали, я заметила очень быстро.

— Почему ты остановилась? — спросил Феликс, который налетел на меня.

— Она со своим чертовым братцем.

— А знаешь, он вроде бы красивый.

— Да он ужасный! Ты просто не знаешь, о ком говоришь! Это же мой сосед!

— Сказала бы, что здесь столько соблазнов, и я бы примчался раньше.

— Хватит чушь молоть. Ладно, подойдем к ней позже.

— Можно мне попытать счастья?

Я живо обернулась к нему. Замаслившийся взгляд Феликса был красноречив: Эдвард пришелся ему по вкусу.

— Ты совсем свихнулся!

— Вовсе нет. Подумай сама: я мог бы укротить чудовище, а потом шепнуть ему под одеялом, что следует быть с тобой поласковее.

— Прекрати, совсем одурел. Лучше пригласи меня на танец.

Я отплясывала безумный рок с Феликсом, потом устроила неистовый танец с Джудит. В перерывах между танцами я утоляла жажду весьма крепкими коктейлями. Время от времени выходила подышать на террасу.

С сигаретой во рту и с бокалом в руке я наблюдала через окно за Джудит и Феликсом. Он давал ей частный урок знойной бачаты. На террасу вылетел Эдвард и остановился передо мной.

— Ну вот, уже и покурить спокойно нельзя, — сказала я.

— Скажи своему выпендрезнику, чтоб он оставил в покое мою сестру.

— Она вроде не жалуется.

— Уведи его отсюда, или я сам им займусь.

Я выпрямилась и подошла к нему. Ткнула пальцем в грудь, которую он выпятил, чтобы выглядеть так же грозно, как и его слова.

— Твоя сестра в состоянии защитить себя без твоей помощи. К тому же опасаться Феликса стоит как раз тебе. Похоже, что ты в его вкусе, а ему удавалось переспать и с гораздо более гетеросексуальными парнями.

Он схватил меня за запястье и резко толкнул на балюстраду. Его глаза впились в мои. Он придвинулся ко мне и еще сильнее сжал мое запястье:

— Не доводи меня!

— А то что? Ударишь?

— Подумываю об этом.

— А теперь дай пройти.

Я сделала последнюю затяжку, с силой выдохнула дым ему в лицо и швырнула окурок под ноги. И только войдя внутрь, почувствовала, как у меня дрожат колени.

— Слушай, у вас там, судя по всему, были крутые разборки с соседом, — подошел ко мне Феликс.

— Я попыталась договориться для тебя о свидании.

Я оставила его и отправилась за горячим — мне позарез нужно было выпить.

Летели часы. Я все время танцевала и уже не чувствовала под собой ног. Мне действительно было весело, я ощущала легкость, и это меня изумляло. Правда, изрядные порции алкоголя начали шутить со мной шутки. Мне уже не удавалось ходить прямо, все вокруг тонуло в тумане, я слишком громко смеялась, и мои многочисленные запреты слетали один за другим. Я ушла с

танцпола, чтобы присоединиться к Феликсу и Джудит, обосновавшимся у стойки.

— Я пошла, больше не могу.

— Выпью последний бокал и приду к тебе, — пообещал Феликс.

— Уверена, что хочешь идти спать? — спросила Джудит.

— Да, представление окончено! Спасибо за вечер, я и не думала, что еще способна так веселиться, — ответила я, сжимая ее в объятиях.

Идя к выходу, я рылась в сумке в поисках ключей от дома и с кем-то столкнулась.

— Пардон.

— Вечно ты путаешься у меня под ногами! — возмутился Эдвард.

— Пошел ты, я еду домой.

Я оттолкнула его и оказалась на свежем воздухе. Ветер хлестал по лицу, однако даже он не помог мне хоть немного протрезветь.

Я спокойно ехала к коттеджу. Так что часть моих рефлексов все же сохранилась. Правда, ехала я как черепаха, вцепившись в руль, — еще один старушечий синдром. Мне помешала машина, которая пристроилась в хвост. Водитель мигнул фарами, и я охотно притормозила. Последовала мгновенная реакция. Он обогнал меня и резко свернул вправо. Я узнала автомобиль Эдварда. Что ж, он хочет войны — он ее получит.

Подъехав к своему коттеджу, я поставила машину на ручной тормоз и побежала к нему.

— Сейчас же открой эту паршивую дверь! — вопила я, отчаянно барабанила по деревянной панели. — Давай выходи!

Я продолжала расхаживать перед домом и кричать. Ярость распирала меня, и я хватала с земли камешки и бросала их в дверь и в окна.

— Ты совсем свихнулась! — заорал он, выйдя наконец из дома.

— Сам ты псих! Ты просто лихач и при этом законченный урод! Пора нам выяснить отношения раз и навсегда.

— Иди отсюда и проспись.

— Я хуже пиявки. Чем больше будешь прогонять меня, тем дольше я останусь.

— Лучше бы я бросил тебя тогда валяться на пляже.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — взорвалась я, колотя его. — Ты вообще ничего не знаешь.

Я била изо всех сил, пыталась его поцарапать.

Он слабо защищался, прикрываясь от ударов руками.

— Успокойся! — услышала я за спиной голос Феликса.

Он обхватил меня рукой за талию, приподнял и оттащил от Эдварда. Я продолжила молотить кулаками пустоту:

— Отпусти меня, я выпущу ему кишки.

— Не имеет смысла, — возразил он, крепче удерживая меня.

Я брыкалась, стараясь поточнее ударить его остроносыми лодочками.

— Побереги свои семейные драгоценности, мудак, — орала я.

— Запри ее, — захохотал Эдвард. — Она буйно-помешанная.

— Заткнись.

Реплика Феликса остановила меня. Что до Эдварда, то он вроде бы растерялся и уставился на него, широко раскрыв глаза. Потом потряс головой.

— Одинаково надрались оба, — пробормотал он и собрался уходить в дом.

— Стой на месте, мы еще не закончили, — приказал ему Феликс.

Он поставил меня на землю, обхватил мое лицо ладонями.

— Обещай мне, что вернешься домой и будешь там сидеть, ладно?

— Нет.

— Позволь мне разобраться с этим. Ложись в кровать и спи. Увидимся завтра. Доверься мне, все будет хорошо.

Он поцеловал меня в лоб и подтолкнул к дому. Я скорее спотыкалась, чем шла, через каждые два шага оборачиваясь. Феликс и Эдвард стояли все там же, и я не слышала, о чем они спорили.

Вернувшись домой, я дотащила до кровати и скользнула под одеяло. Несмотря на беспокойство о Феликсе, усталость свалила меня. В компании с нервным напряжением и алкоголем она оказалась сильнее моего сопротивления.

Глава шестая

Я попыталась повернуться в постели, но малейшее движение отдавалось болью в голове. Я усиленно пробовала расклеить терзаемые резью глаза. Во рту пересохло, тело ломило. Еще не спустив ноги на пол, я уже понимала, что день будет нескончаемым. Это послужит мне хорошим уроком: нечего предаваться

безумствам. Я отодвинула шторы, чтобы заставить себя проснуться. Чья это машина припаркована напротив моего дома? Я чувствовала, что в моих воспоминаниях о вчерашнем имеется огромная дыра. Вот приму сейчас первую за день дозу кофеина, и провалы в памяти заполнятся. Спуск по лестнице был мучительным, похмелье совсем скрутило меня. В гостиной я увидела растянувшееся на диване тело. Туман начал рассеиваться.

Феликс. Его рука и нога свисали, касаясь пола. Он спал одетым и храпел, как грузовик. Лица не было видно.

— Просыпайся! — Я потрясла его.

— Отстань, я хочу спать.

— Ты как? Хорошо себя чувствуешь?

— Как будто по мне прошелся асфальтовый каток.

Он сел свесив голову и растер череп ладонями.

— Феликс, посмотри на меня.

Он поднял голову. Рассеченная бровь и роскошный черный синяк вокруг глаза. Он снова откинулся на диван, дотронулся до ребер и скорчился от боли. Я подошла, приподняла его майку и увидела растекшуюся по телу огромную гематому.

— Господи, кто это сделал?

Феликс рывком вскочил с дивана и подбежал к зеркалу.

— Ничего страшного, я все еще красив.

Он дотронулся до лица, напряг мышцы, послал себе улыбку.

— Вернусь домой и буду как огурчик.

— Ничего смешного, он опасен. Тебе еще повезло.

Он выразительным жестом отмел мои возражения и снова залег на диван, не обойдясь без гримасы боли. У этого идиота болело все тело.

— Вообще-то, когда ты в следующий раз отправишься в изгнание, выбери лучше пигмеев! Блин, этот тип — ирландец, никаких сомнений! Ходить он научился на поле для регби. Когда он прижал меня к земле, мне показалось, будто я участвую в Кубке шести наций.

— То есть ты не отказал себе в удовольствии подраться с этим животным!

— Клянусь тебе, я вышел на поле, и публика на трибунах безумствовала.

— А мячом был ты. Все это очень мило, но тебе хоть удалось ему врезать?

— Я колебался, не хотел портить его красивую физиономию.

— Ты надо мной издеваешься!

— И да и нет. Но не волнуйся, твою честь я защитил. Влепил ему классный хук слева, он теперь не скоро сможет целоваться.

— Правда?

— Кровь текла ручьем, и губа раздулась вдвое.

Вот это да! Я исполнила победный танец.

Стоя под душем, я продолжала смеяться, думая о подвигах Феликса. За завтраком он болтал без умолку. Пересказывал парижские новости. Мои и Коленовы родители вывезли из нашей квартиры все вещи, в ней ничего не осталось. Потом он представил отчет по «Счастливым людям». Прибыль застыла на нуле. Рано или поздно придется снова взять бизнес в свои руки.

В ванной, закутавшись в купальное полотенце, я думала о том, что совсем не хочу возвращаться во Францию. Потом случайно подняла глаза к большому зеркалу, увидела свое отражение, и меня поразила моя шея: на ней ничего не было.

— Феликс!

— Что? — закричал он, взбегая по лестнице и перепрыгивая через ступеньки.

— Я потеряла обручальное кольцо.

У меня вырвались рыдания.

— Что ты сказала?

— Вчера вечером оно висело у меня на шее.

— Не волнуйся, мы найдем его. Наверняка упало в пабе, так что одевайся.

Десять минут спустя мы уже ехали к пабу. Он был закрыт, и я показала Феликсу дорогу к дому Эбби и Джека. У Джудит, возможно, есть ключ. Я постучала в дверь, а Феликс пока обыскивал машину.

— Не думала, что ты придешь сегодня, — произнесла Эбби, открывая дверь.

— Доброе утро, Эбби, мне нужна Джудит, и это срочно.

— Она спит, но, может, я смогу помочь?

— Мне нужно попасть в паб, я там вчера ночью потеряла одну вещь, — ответила я со слезами на глазах.

— Дорогая моя, что у тебя стряслось?

— Пожалуйста, помоги мне.

Мы с Феликсом стояли возле паба, и он обнимал меня, когда подошли Эбби, Джек и Джудит. Джудит бросилась к нам, но обратилась к Феликсу.

— Что стряслось? — спросила она, прикоснувшись к его глазу. — Джек, позаботься о нем.

— Да ерунда, мы малость повздорили с твоим братом.

— И что у вас с ним произошло?

— Так, кое-что, могу лишь сказать, что это было круто. Но наплевать, займись лучше Дианой.

— Как скажешь. Ладно, рассказывай теперь ты. — Она отперла дверь. — Надеюсь, это что-то действительно важное, и я намерена разобраться, в чем тут дело, если уж меня вытащили из постели в такую рань.

— Это очень важно.

Я вошла в паб и в ужасе застыла на пороге:

— Ты уже сделала уборку?

— Да, вечером паб снова открывается для посетителей. Я только легла, когда Эбби подняла меня. А что ты такое потеряла?

— Драгоценность.

Я начала всматриваться в пол.

— Тоже мне трагедия, купишь новое украшение.

— Нет.

Я почти прокричала это слово и резко поднялась. Джудит отступила на шаг.

— Джудит ни в чем не виновата, — напомнил Феликс, подойдя ко мне. — Давай поищем вместе.

Каждый из нас начал поиски на своей половине паба. Я ползала по полу, проводя рукой по паркету в надежде нащупать пальцами цепочку.

— Диана, — тихонько позвала меня Эбби, опустившись рядом со мной на колени. — Диана, посмотри на меня.

Она дотронулась до моей руки.

— Мне некогда.

— Скажи нам, что ты ищешь, чтобы мы могли помочь.

— Я потеряла обручальное кольцо. Я ношу его на цепочке.

— Ты замужем? — спросила Джудит.

Слова застряли у меня в горле.

— Пусть Диана сама ищет, не будем мешать, — сказала Эбби.

Я поставила вокруг себя защитную стену и больше ничего не слышала. Я ползала на коленях, задевала столы и стулья, ковырялась в щелях между паркетинами — вдруг цепочка провалилась туда.

— Где мусорные контейнеры? — Я поднялась с колен.

— Я уже посмотрел, там ничего нет, — ответил Феликс.

— Ты плохо смотрел.

Я свалилась на пол, сжала руками живот и заплакала. Феликс обнял меня и стал баюкать. Я заколотила по его спине кулаками.

— Успокойся... успокойся.

— Это невозможно, я не могла его потерять.

— Мне очень жаль.

— Может, это шанс перевернуть страницу, — вмешалась Джудит. — Если муж тебя бросил...

— Он меня не «бросил».

Феликс взял мою руку и крепко сжавил. Я ловила ртом воздух и снова прижалась к нему. И так, прижавшись к Феликсу, повернулась к Джудит:

— Колен... Колен умер.

— Иди до конца, — прошептал мне на ухо Феликс.

— И Клара... наша дочка... ее тоже не стало вместе с ним.

Джудит закрыла рот рукой. Феликс помог мне подняться. Я встретила взглядом с Эбби и Джеком, но не увидела их.

— Я буду искать дальше и найду это кольцо, — пообещала Джудит.

Эбби и Джек молча обняли меня. Мои руки бессильно повисли, взгляд оставался затуманенным. Феликс, поддерживая, вел меня к машине. Там он застегнул мой ремень безопасности, тронулся с места и поехал к коттеджу.

Когда мы приехали, он уложил меня и заставил выпить таблетку аспирина. Потом лег рядом на диван и обхватил меня руками. Я утратила представление о времени. Я была опустошена.

— Мне нужно ехать, — сказал он. — Пора на самолет. Хочешь полететь со мной?

— Нет, я останусь.

— Я тебе очень скоро позвоню.

Я отвернулась. Он поцеловал меня. Я не сказала ни слова, не помахала ему рукой, вообще никак не среагировала. Просто лежала и вслушивалась в его шаги. Он бесшумно закрыл за собой дверь. Потом раздался звук удаляющейся машины, и я осталась одна. А Колен и Клара умерли во второй раз.

Уже три дня я сидела, ни на что не реагируя и ни о чем не думая, в кресле в гостиной. В руках я все время держала фотографии Колена и Клары. Перед отъездом в Дублин Джудит зашла ко мне попрощаться. Обручальное кольцо она не нашла.

Когда в дверь постучали, я поднялась и медленно, волоча ноги, пошла открывать. На пороге стоял Эдвард.

— Ты последний, кого бы мне хотелось видеть, — сказала я и попыталась захлопнуть дверь.

— погоди, — попросил он, не давая мне закрыть ее.

— Что тебе надо?

— Отдать тебе это. Я его только что нашел перед своим домом, должно быть, упало той ночью. Держи.

Я не могла пошевелиться и только смотрела на свое кольцо, раскачивающееся у меня перед глазами. Потом протянула дрожащую руку. Слезы струились по моему лицу. Эдвард осторожно опустил цепочку в мою ладонь, и я сжала ее. Я кинулась обнимать его, рыдая все отчаяннее. Он не шевельнулся.

— Спасибо тебе... спасибо, ты не можешь себе представить...

Напряжение, накопившееся за последние дни, отпускало мое тело. Я цеплялась за Эдварда, как за спасательный круг. Слезы текли и текли безостановочно. Я почувствовала, как Эдвард гладит меня по волосам. Это простое прикосновение успокоило меня, но одновременно позволило осознать, в чьих объятиях я оказалась.

— Извини, — сказала я, осторожно отодвигаясь от него.

— Тебе стоит снова надеть его.

Руки у меня так дрожали, что я не могла ухватить замок.

— Давай помогу.

Он взял цепочку, расстегнул ее и завел руки за мою шею. Я потянулась к кольцу и сжала его изо всех сил. Эдвард отступил на шаг назад, и несколько секунд мы не отрывали друг от друга взгляда.

— Я пойду, — сказал он, проводя рукой по лицу.

— Можно предложить тебе что-нибудь выпить?

— Нет, мне надо работать. В другой раз.

Я даже не успела ответить, как он уже ушел.

Я отправилась к Эбби и Джеку, чтобы поблагодарить их за помощь. Они проявили большую сдержанность и не задавали никаких вопросов. Гораздо сложнее было с Джудит: мне не удалось объяснить ей в телефонном разговоре, почему я раньше не рассказала обо всем. Я чувствовала, что она с трудом сдерживает любопытство. С другой стороны, я все еще не решалась должным образом поблагодарить соседа.

Я дышала воздухом, сидя на пляже, когда увидела мчащегося ко мне Постмена Пэта. Он ждал ласки и улегся у моих ног. Его появление было как нельзя кстати, потому что я начала замерзать, а он меня согрел.

— Слушай, может, ты сможешь, а то я не знаю, что сказать твоему хозяину. Он снова спас мне жизнь, и я не хочу оказаться неблагодарной. Что ты по этому поводу думаешь?

Он положил морду между лапами и закрыл глаза.

— Похоже, ты не более разговорчив, чем он?

— Добрый день, — произнес хриплый голос за моей спиной.

Как давно он здесь стоит?

— Добрый день.

— Если он тебе мешает, гони его.

— Нет, наоборот.

Эдвард криво усмехнулся. Я поняла, что он все слышал. Он присел на корточки и положил сумку на землю. Вынул фотоаппарат, закурил и молча протянул мне пачку. Я взяла сигарету и собралась с духом.

— Я хотела тебя поблагодарить.

— Хорошо.

— Нет, я хотела бы что-нибудь сделать для тебя. Скажи что...

— Какая ты упрямая. Ну, если настаиваешь, угости меня в пабе пивом сегодня вечером.

Он встал и направился к морю.

— До встречи, — бросил он на ходу.

Я уже пятнадцать минут сидела в машине, припаркованной перед пабом.

Эдвард был на месте. Я не могла заставить себя выйти из машины. Мне предстояло выпивать с заклятым врагом. Да, конечно, он вернул мне обручальное кольцо, но это не обнулило счет, который я могла ему предъявить. Хотелось бы быть уверенной, что наша встреча не выльется в очередную стычку. Толкнув дверь паба, я сразу увидела его за стойкой, перед ним стояла кружка пива, в руках — газета. Я подошла и встала рядом. Он не заметил моего присутствия.

— Мне, что ли, опять вырывать ее у тебя из рук? — поинтересовалась я.

— Я думал, ты струсил.

— Плохо меня знаешь.

Он сделал знак бармену. Когда тот подошел, Эдвард протянул ему пустую кружку и заказал еще две. Я не успела среагировать, и он расплатился вместо меня. Джудит предупреждала, что ее брат — мачо.

Мне было плохо, очень плохо. Меня ожидала пинта гиннеса. Я успела заметить, что все ирландки пьют его, но я-то не ирландка. Я парижанка, которая свято верит, что это пиво отвратительно. Мой желудок с трудом выдержал их мерзкое вино, но гиннесс наверняка его нокаутирует. Впрочем, у меня не было выбора. О том, чтобы капризничать, с этим типом не могло быть и речи.

— За что выпьем? — поинтересовалась я.

— За перемирие.

Я собрала в кулак все свое мужество и сделала глоток. Потом второй.

— А эта их гадость вкусная, отдает кофе, — сказала я самой себе.

— Извини, я не понял, ты говорила по-французски.

— Не важно, проехали.

Между нами вклинилось молчание, и я почувствовала себя неловко.

— Доволен сегодняшними фотографиями?

— Не очень.

— Тебе не надоело снимать все время одно и то же?

— Это всегда бывает разным.

И он начал ученую лекцию по фотографии. Похоже было, что он невероятно увлечен своей профессией. Его рассказ показался мне интересным, что сильно меня удивило.

— Ты с этого живешь?

— Я делаю немало вещей на продажу, но стараюсь сосредоточиться по максимуму на том, что мне нравится. А ты чем занимаешься у себя в Париже?

Я глубоко вздохнула, а потом заказала еще пива. На этот раз мне удалось его опередить и расплатиться. За два часа я ухитрилась подсесть на гиннесс. Я сделала большой глоток.

— У меня было литературное кафе.

— С мужем?

— Нет, Колен помог мне его открыть, но мой компаньон — Феликс.

— Да ты что? Клоун, с которым я подрался?

— Он самый. Но я смотрю, клоун все же оставил тебе сувенирчик на память.

Я указала пальцем на шрам, который рассек Эдвардову губу. Если по правде, Феликс изрядно преувеличил свои подвиги.

— Мы оба повели себя нелепо, — улыбнулся Эдвард. — То есть ты хочешь сказать, что в настоящее время Феликс занимается твоим литературным кафе?

— Да, он уже полтора года в одиночку им управляет.

— Вы, по всей видимости, на грани разорения? Не хочу сказать, что он не славный парень, однако не могу себе представить его в роли успешного менеджера.

— Ты не ошибаешься. Но тут и моя вина. Я не сделала ни малейшего усилия, чтобы вернуть себе бразды правления. Впрочем, и до смерти Колена и Клары я не слишком усердствовала.

— Однажды ты обязательно туда вернешься. Мне кажется, что держать литературное кафе в центре Парижа — это огромная удача.

Я постаралась избежать его взгляда.

Мы вместе вышли из паба и одновременно сделали одно и то же — закурили сигарету. Трубка мира. Эдвард проводил меня к машине, а потом сел в свою.

Я никак не могла тронуться с места, так сильно меня удивили сегодняшние события. Автомобильный гудок прервал мои размышления. Рядом со мной стояла машина Эдварда. Я опустила стекло.

— Можно я проеду? — с легкой улыбкой спросил он.

— Давай.

Он промчался словно вихрь. Добравшись до коттеджа, я впервые осознала, что свет в соседских окнах больше не раздражает меня.

После того как мы с Эдвардом закопали топор войны, мы все время встречались — то на пляже, то у Эбби с Джеком, где я проводила все больше времени, и даже иногда в пабе.

Я шла по пляжу. Взяла с собой Постмена Пэта, а Эдвард делал снимки. Когда я приблизилась, он спешно спрятал свою технику.

— Что ты делаешь?

— Не хочу вымокнуть, возвращаюсь домой.

— Слабак.

Он улыбнулся:

— Тебе стоит сделать то же самое.

— Смеешься? На небе всего три маленьких облачка.

— Ты живешь здесь уже почти полгода, а наш климат так и не поняла. Клянусь, еще немного — и польет как из ведра.

Помахав рукой, он направился к дому. Постмен Пэт колебался, не зная, с кем остаться — с хозяином или со мной. Я швырнула ему палку, и он решил поиграть.

Только игра продолжалась недолго, потому что спустя минут пятнадцать на нас обрушились потоки воды. Я побежала к коттеджам, передо мной мчался пес. Если я когда-нибудь брошу курить, то смогу выиграть чемпионат мира по спринту. Дверь у Эдварда была открыта, и Постмен Пэт влетел в нее. Я машинально последовала за ним и застыла на пороге, увидев Эдварда.

— Я тебя не съем, заходи, — сказал он.

— Нет, пойду домой.

— Еще недостаточно промокла? Тебе мало?

Я кивнула.

— Да ладно, заходи в дом, согрейся.

Он начал подниматься на второй этаж. У него по-прежнему царил полный беспорядок. Я сразу направилась к камину и протянула руки к огню. Подняла глаза и погрузилась в созерцание фотографии, стоящей на камине: женщина на пляже в Малларанни. Если снимок его, то у Эдварда талант.

— Надень это, — сказал он, подходя ко мне.

Я поймала брошенный свитер. Он доставал мне до колен. Эдвард протянул мне чашку кофе. Я с удовольствием взяла ее и снова стала внимательно рассматривать фотографию, не отходя от огня.

— Не стой, садись.

— Твоя работа?

— Да, я сделал это фото незадолго до того, как решил поселиться здесь.

— Кто эта женщина?

— Никто.

Я обернулась и облокотилась на камин.

Эдвард сидел на одном из диванов.

— Сколько ты живешь в Малларанни?

Он нагнулся к низенькому столику и взял сигареты. Закурил, поставил локти на колени и поскреб подбородок.

— Пять лет.

— Почему ты уехал из Дублина?

— Это что, допрос?

— Нет... нет... извини меня, я слишком любопытная.

Я начала стягивать свитер.

— Что ты делаешь? — спросил Эдвард.

— Дождь кончился, не буду тебе мешать.

— Не хочешь узнать, почему я стал отшельником?

Я снова просунула голову в воротник свитера, что означало «да».

— На самом деле я уехал из Дублина, потому что больше не мог выносить городскую жизнь.

— А Джудит говорила, что тебе там нравилось, и еще мне казалось, что тебе хочется быть рядом с ней.

— Мне нужно было изменить свою жизнь.

Он захлопнулся как устрица и резко встал:

— Останешься на ужин?

Когда прошло первое удивление, я согласилась. Эдвард занялся готовкой и категорически запретил мне помогать.

За едой он говорил о Джудит, родителях, дяде и тете. Я рассказывала о разгорающемся конфликте с родными. Ему хватило деликатности не задать ни одного вопроса о Колене и Кларе.

Я начала ощущать усталость.

— Так кто из нас слабак? — спросил Эдвард.

— Мне пора.

Эдвард проводил меня до двери. Я заметила стоящую на полу дорожную сумку.

— Уезжаешь?

— Завтра утром, нужно делать репортаж в Белфасте.

— А собака?

— Хочешь взять?

— Если тебе это нужно.

— Бери его, он твой.

Я открыла дверь и ухитрилась высвистеть Постмена Пэта, который прибежал трусцой. Эдвард погладил его, но ласка больше походила на шлепок. Сделав несколько шагов, я обернулась:

— Когда ты вернешься?

— Через неделю.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Весь день погода была отвратительной, и мы практически не высовывали носа на улицу. Я развлекалась готовкой — такое желание у меня возникло неожиданно, неведь откуда. К тому же весьма удобно иметь под рукой живое мусорное ведро.

Мое блюдо томилось на огне. Я удобно устроилась на диване с собакой, разлегшейся на моих ступнях, с бокалом вина на подлокотнике, с «Прекрасной жизнью» Джея Макинерни в руках и тихо звучащим роялем в качестве фона. Мое спокойствие нарушил стук в дверь. Постмен Пэт не шевельнулся — ему, как и мне, не хотелось, чтобы нас беспокоили. Все же я пошла открывать и увидела на пороге Эдварда.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Я не думала, что ты возвращаешься сегодня.

— Могу уйти, если хочешь.

— Не валяй дурака, заходи.

Он прошел за мной в гостиную, собака снизошла до выражения радости, но быстро вернулась на прежнее место и снова улеглась. Эдвард начал рассматривать окружающую обстановку.

— Контрольный визит владельца? — спросила я.

— Ничего подобного, просто я давно здесь не был.

— Пожалуйста, чувствуй себя как дома.

— Не рискну.

— Выпьешь что-нибудь?

— С удовольствием.

Я отправилась на кухню. Воспользовалась возможностью проверить содержимое мультиварки. И увидела, что приготовила тройную порцию. Ноги стали слабыми, и я облокотилась о плиту, чтобы не потерять равновесия. Потом вернулась к Эдварду и молча протянула ему бокал.

— Все в порядке? — поинтересовался он.

— Останешься на ужин?

— Не знаю...

Я закурила и встала перед панорамным окном.

Было совсем темно и ничего не видно.

— Сегодня я готовила впервые за полтора с лишним года и еще не отвыкла от порций на всю семью. У меня еды на полк солдат. Пожалуйста, поужинай со мной.

— Было бы невежливо отказаться.

— Спасибо, — ответила я, опустив голову.

За ужином Эдвард говорил о том, как провел эту неделю. Я насмешила его рассказом о неприятностях из-за побегов Постмена Пэта. В какие-то моменты я смотрела на нас как бы со стороны и понимала, что с удовольствием делю ужин с тем, кого еще несколько дней назад называла своим мерзким соседом. Чудеса, да и только.

Включив кофеварку, я вернулась в гостиную и увидела, что Эдвард стоит посреди комнаты и курит. Что у него в руках? Что он так внимательно разглядывает? Он поднял голову и пристально посмотрел на меня:

— Вы были красивой семьей.

Я подошла к нему и схватила фотографию, которую он держал в руках. Я села, а он устроился на корточках рядом со мной. Это была одна из наших последних семейных фотографий: ее сделали за несколько недель до их гибели.

— Познакомься с Коленом и Кларой, — сказала я, глядя лицо дочери.

— Она на тебя похожа.

— Ты находишь?

— Я пойду, ложись спать.

Он надел куртку, свистом подозвал собаку и направился к двери.

— Через три дня я поеду на Аранские острова, — сообщил он.

— Хочешь оставить мне Постмена Пэта?

— Нет, поехали со мной.

— Что?

— Давай поедem вместе. Тебе понравится.

Сказав это, он ушел.

Глава седьмая

Я приняла предложение Эдварда, недолго думая. Мы уехали, сопровождаемые ошеломленными взглядами Эбби и Джека, которым он оставил Постмена Пэта.

Поездка в автомобиле и на пароме по морю прошла в полном молчании. Я училась у него ничего не говорить, если сказать нечего.

Как только мы попали на остров, он тут же потащил меня в дальний его конец, где освещение якобы идеально годилось для фотографий. И там я начала всерьез жалеть о том, что с ним поехала. Головокружения для меня не редкость, а мы оказались у края скалы, на высоте больше девяноста метров.

— Я хотел показать тебе это место. Его можно назвать умиротворяющим, ты не находишь? — спросил он.

Эпитет «ужасающий» казался мне более подходящим.

— Такое ощущение, будто мы одни в целом мире.

— Вот за это я и люблю бывать здесь.

— Как минимум, никакие соседи тебя не достают.

Мы обменялись многозначительными взглядами.

— Берусь за дело, — объявил Эдвард. — А ты оставайся здесь и отдай дань островной традиции.

— Что ты имеешь в виду?

— Каждый путешественник должен лечь на живот и опустить голову над бездной. Давай, вперед!

Он отошел от края, но я удержала его за руку:

— Это что, шутка?

— Боишься?

— Вовсе нет, наоборот, — ответила я, поджав губы. — Обожаю острые ощущения.

— Ну так доставь себе удовольствие.

И с этими словами он ушел. Мне был брошен вызов. Я выкурила сигарету. Потом стала на колени. Подобраться к краю я могла только ползком. Как на тренировках десантников. Дрожать я начала примерно в метре от нужного места. Мышцы закаменели, меня парализовало, я была готова завопить от ужаса. Время шло, а я не могла подняться и отойти от края пропасти. Повернуть голову и посмотреть, где там Эдвард, казалось мне невыполнимой задачей. Если

я это сделаю, то тут же свалюсь в пропасть. Я шептала его имя, умоляя прийти мне на помощь. Безрезультатно.

— Эдвард, иди сюда, пожалуйста, — позвала я вслух.

Минуты показались мне часами. Наконец Эдвард пришел:

— Чем ты здесь занимаешься?

— Пью чай, разве не видишь?

— Ты же не хочешь сказать, что у тебя кружится голова?

— Ну да.

— Тогда зачем ты тут улеглась?

— Какая разница? Сделай что-нибудь, не важно что. Оттащи меня за ноги. Только не оставляй здесь.

— И не надейся.

Мерзавец. Я почувствовала, что он лег рядом со мной.

— Что ты делаешь?

Не говоря ни слова, он придвинулся еще ближе, обхватил рукой мою спину и прижал меня к себе. Я не шевельнулась.

— Двигайся вместе со мной, — мягко сказал он.

Я потрясла головой. Почувствовав, что Эдвард движется к краю скалы, я уткнулась лицом в его шею.

— Я упаду.

— Я тебя не отпущу.

Я медленно подняла голову. Ветер хлестнул по лицу, и волосы полетели во все стороны. Я осторожно открыла глаза, и, когда увидела волны, разбивающиеся о скалы где-то далеко внизу, мне показалось, будто бездна засасывает меня. Эдвард сжал меня еще крепче. Я моргала, я перестала сопротивляться, я больше ничего не могла сделать. Все мое тело обмякло. В конце концов я повернула голову к Эдварду. Он смотрел на меня.

— Что? — спросила я.

— Насладись зрелищем.

Я бросила на него последний взгляд и снова наклонилась. Потом Эдвард встал, подхватил меня за талию и поставил на ноги. Я сделала попытку улыбнуться.

— Возвращаемся, — объявил он, положив руку мне на спину.

Вечер мы провели в портовом пабе. На обратном пути в гостиницу, где мы поселились, я узнала, что завтра утром он уйдет очень рано — нужно делать снимки на восходе.

Я потянулась в кровати. Спала я как младенец. Было уже довольно поздно. Встав, я заметила конверт, просунутый под дверь моей комнаты. Там была карта острова и записка. Эдвард сообщил мне, где проведет весь день.

Хозяин подал обильный завтрак. Я с аппетитом поглощала еду и слушала рассказ об Эдварде и его одиноких приездах.

Потом я его нашла, прошагав больше часа по ландам. И теперь передо мной простирался пляж, а вдалеке я видела Эдварда с фотоаппаратом в руках. Если бы я не боялась отвлечь его от работы, я бы к нему побежала, сама не знаю зачем. Поэтому я села на землю и принялась за ним наблюдать. Набрал в горсть

песок, играла с ним, пересыпала из руки в руку. Мне было хорошо, чувство подавленности ушло. Жизнь возвращалась, и я больше не хотела с ней бороться.

Эдвард шел по пляжу с сумкой на плече и сигаретой во рту. Он подошел ко мне и сел рядом:

— Сурок проснулся?

Я улыбнулась и опустила голову. Почувствовала, как Эдвард потянулся ко мне. Его губы коснулись моего виска.

— Доброе утро, — только и сказал он.

Меня охватило смятение.

— Ну и как там фотографии? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Узнаю, когда буду печатать, не раньше. На сегодня я закончил. Хочешь немного пройтись?

Я подняла голову и всмотрелась в него. Мне захотелось взять его за руку, и я это сделала. Он притянул меня к себе. Я застыла на несколько секунд, потрясенная затопившим меня чувством защищенности. Потом я медленно отстранилась. Постоянно оглядываясь, я зашагала к морю. Эдвард шел за мной. Я ему улыбнулась, и он ответил мне улыбкой.

Я проспала полдня, но тем не менее чувствовала ужасную усталость. Опять усну в одно мгновение.

— Что ты будешь делать завтра? — спросила я Эдварда на пороге своего номера.

— Я нашел катер, хочу провести денек на другом острове.

— Можно мне с тобой?

Он улыбнулся и провел рукой по волосам.

— Забудь, не хочу тебе мешать, — сказала я, открывая дверь.

— Я не сказал «нет».

Я повернулась и посмотрела на него.

— Давай поедem вместе, только тебе придется встать на рассвете.

На его губах заиграла улыбка.

— Эй! Я в состоянии рано проснуться.

— Тогда я зайду за тобой в шесть утра.

Он подошел ко мне и так же, как днем, наклонился и поцеловал в висок.

Я завела гостиничный будильник и выставила время на мобильнике. Как только оба они зазвонили, я вскочила. Мне показалось, будто я почти не спала. Думала, свалюсь от усталости под душем. Ровно в шесть утра я на автопилоте распахнула дверь. Глаза до конца не открывались, но я разглядела на пороге свежего как огурчик Эдварда.

— Ты с какой планеты? — спросила я охрипшим со сна голосом.

— Я мало сплю.

— На катере найдется где поспать?

Он знаком пригласил меня идти за ним. Зашел на кухню, пока я стояла прислонившись к входной двери и задаваясь вопросом, как пережить этот день.

— Держи, — сказал он.

Я открыла глаза. Он протягивал мне кружку-термос.

— Это то, что я думаю?

— Постепенно я узнаю тебя.

— О господи, спасибо!

Принятая доза кофеина и то, что я увидела в порту, окончательно разбудили меня. Вдалеке слышался шум забрасываемых сетей. Подсвеченный фонарями рыбацких судов, клубился туман. Я быстро поняла, что мы собираемся сесть в одну из этих посудин. Мне бы еще желтый дождевик и темно-синие резиновые сапоги, чтобы довершить образ настоящей парижанки, вышедшей в море. Я стояла чуть позади, пока Эдвард здоровался с моряками. Все они сжимали во рту сигареты, их лица задубели от ветра. Живые олицетворения сил природы. Я почувствовала себя совсем не в своей тарелке, когда они обернулись ко мне. Эдвард знаком подозвал меня и велел подниматься на борт.

— Ты останешься в рубке, — сказал он.

— А ты?

— А я буду с ними.

— Хорошо.

— Никуда не выходи, я приду за тобой. И... как бы это сказать... ничего не трогай и не раскрывай рта.

— Я умею себя вести.

— Знаешь примету? Женщина на корабле — к несчастью. И твое присутствие не предполагалось. Мне пришлось за тебя побороться.

— И как ты их уговорил?

Он вдруг стал очень серьезным, взглянул на меня, поскреб подбородок:

— Да так как-то.

Развернулся и ушел.

Поскольку во время плавания я не создавала никаких проблем, меня вознаградили улыбками, когда мы спускалась на берег.

Мы провели утро в порту, среди рыбацких лодок, а потом направились к пляжу. Он представлял собой бухту, окруженную скалами. Эдвард занялся работой, а я воспользовалась свободным временем, чтобы выяснить, что прячется за скалами. Я вскарабкалась на них, но не увидела ничего, кроме моря, простиравшегося до горизонта. Я прислонилась к скале и закрыла глаза. Лучи солнца согревали меня, и я наслаждалась мгновением.

За моей спиной раздался голос — Эдвард позвал меня:

— Диана.

— Да?

Я обернулась, и улыбка исчезла с моего лица, когда я поняла, что он только что меня сфотографировал. У него был довольный вид, он снова нажал на спуск, а потом двинулся дальше. Я быстро спустилась со скалы и побежала за ним.

— Сейчас же покажи мне эти фотографии!

— Это авторская собственность, — ответил он, высоко поднимая фотоаппарат.

Я бегала вокруг, пыталась подпрыгнуть и выхватить фотоаппарат у него из рук, но впустую, и в конце концов упала на песок. Эдвард плюхнулся рядом со мной.

— Когда-нибудь я их увижу?

— Если будешь хорошо себя вести.

Тут я заметила, что он больше не следит за фотоаппаратом. В мгновение ока я перегнулась через Эдварда, схватила вожака добычу и улепетнула, как заяц. Мне подумалось, что в моем распоряжении есть несколько секунд, и я крутила аппарат, разглядывая его со всех сторон.

— Как эта штука включается?

— А вот так.

Эдвард оказался за моей спиной. Он обхватил меня обеими руками, положил свои ладони на мои и нажал ими какую-то кнопку. Экран загорелся.

— Ты уверена, что хочешь их увидеть прямо сейчас? — спросил он меня на ухо.

— Готова подождать, но при одном условии.

— Слушаю.

— Я хочу сняться с тобой.

— Я это ненавижу.

— Господин фотограф боится, что его сфотографируют?

Он не ответил и стал теребить настройки аппарата. Его лицо, склоненное над моим плечом, было предельно сосредоточенным. Потом он поднял руку и нажал на спуск, не предупредив меня.

— Улыбнись, Эдвард. Подожди, я помогу тебе.

Я повернулась в его руках, а он нахмурился. Мои руки легли на его лицо, и я потянула в разные стороны уголки губ.

— Вот видишь, можешь, если захочешь! Давай, за работу!

Я впервые видела Эдварда таким веселым, почти беззаботным. Он посадил меня к себе на спину, чтобы сделать серию снимков. Я так бурно жестикулировала, что мы в результате упали. Мне удалось выхватить аппарат у него из рук, и я убежала. Когда я обернулась, то увидела, что Эдвард не двинулся с места и следит за мной глазами. Он сел, закурил, повернул голову и стал смотреть перед собой. Не знаю, каким чудом, но мне удалось увековечить эту сцену. Потом я подошла к нему и остановилась рядом.

— И каково мнение профессионала?

Он зажал сигарету в уголке губ, забрал свой аппарат и склонился над ним. Посмотрел на меня, когда выяснил, что на снимке — он сам.

— Сядь сюда, — сказал он, показывая на песок между своими раздвинутыми ногами.

Я скользнула на землю, он обхватил меня руками и поднес экран к моим глазам.

— Совсем неплохо для первого опыта, — оценил он. — Но посмотри, вот здесь не хватает...

Больше я ничего не слышала — я внимательно рассматривала изображение и заново открывала для себя взъерошенные волосы, трехдневную щетину, цвет его глаз. Я впервые почувствовала его запах — смесь мыла и табака. Охватившие меня эмоции были столь сильны, что я закрыла глаза.

— Все, пора заканчивать.

Я почувствовала на себе его взгляд. Он отложил фотоаппарат в сторону, не переставая смотреть на меня. Положил ладонь на мою щеку. Я прижалась к ней.

— Пора возвращаться в порт, судно ждать не будет, — произнес он еще более хриплым, чем обычно, голосом.

Он поднялся, собрал свою аппаратуру и помог мне встать. На обратном пути мы все время держались за руки.

— Проснись. Приехали.

Голос Эдварда. Пока мы плыли, я спала в его объятиях. Он гладил мою щеку, помогая вынырнуть из сна. Я потерлась лицом о его руку. Мне было хорошо.

Несмотря на позднее время, хозяин гостиницы встречал нас. Он оставил нам ужин.

Эдвард был здесь как дома. Разогрел еду, налил нам выпить, а я в это время сидела на барной табуретке, ничего не делала и смотрела на него. За столом мы обменивались только взглядами и не произносили ни слова.

— Не забыла, что мы завтра возвращаемся в Малларанни? — спросил меня Эдвард, когда мы курили на улице после ужина.

— Я об этом не думала, — ответила я, неожиданно ощутив тяжесть в желудке.

— Все в порядке?

— Здесь я чувствую себя свободной. Не хочу возвращаться.

— Пошли спать.

Он придержал дверь, я вошла, задев его, и он последовал за мной до моего номера. Обернувшись, я удивилась тому, как он близко. Поднятой рукой он оперся о стену, опустив голову.

— Спасибо за эти три дня.

— Здорово, что ты была со мной.

Наши глаза встретились и не отрывались друг от друга. У меня забилося сердце. Он подошел ко мне и приник губами к моему виску. Я вцепилась пальцами в его рубашку. Он немного отодвинулся и наклонился. Его лоб прильнул к моему. Я не могла справиться с дыханием, а внутри живота скрутился тугой узел. Его губы коснулись моих в первый раз. Потом во второй. Он обнял меня, крепко поцеловал, и я ответила на его поцелуй. Когда наши губы разъединились, он прижался лбом к моему лбу и погладил мою щеку.

— Останови меня, пожалуйста, — прошептал он.

Я опустила глаза и увидела, что мои пальцы так и не выпустили его сорочку. Я вся пылала, но мне необходимо было разобраться со своими чувствами. Я нехотя разжала пальцы и как можно мягче отстранилась от него. Он слишком охотно позволил мне это сделать.

— Извини меня, — сказал он. — Я...

Я прижала палец к его губам, заставив замолчать.

— Мне кажется, сегодня вечером мы на этом остановимся.

Я поцеловала его в уголок губ. Потом открыла дверь и вошла к себе. Обернулась к нему, он не отрывал от меня взгляда.

— Приятных снов, — тихонько пожелала я.

Он провел рукой по лицу, улыбнулся мне и сделал два шага назад. Я бесшумно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Только в этот момент я почувствовала, что у меня подгибаются колени. Я вслушивалась в шумы в доме. Услышала, что Эдвард снова спускается вниз. Улыбнулась: он пошел курить, я в этом была уверена.

По-прежнему испытывая волнение, я скользнула под одеяло. В полутьме я водила пальцами по губам. Мне понравилось ощущение его губ,

прижимающихся к моим. Я могла бы пойти дальше, но не сделала этого. Возможно, все произошло слишком быстро.

Я удобно устроилась посреди кровати. Веки сделались тяжелыми, но я не отрывала взгляда от полоски света под дверью. Потом на лестнице слышались шаги: они остановились у моей двери. Я села. Эдвард был здесь, готовый войти. Я спустила ноги на пол, лихорадочно размышляя, что делать. Я уже решила открыть ему дверь, когда шаги стали удаляться. Я снова легла в полной тьме. Чувствуя, как наплывает сон, я подумала, что завтра увижу Эдварда. И уже ждала этого момента с нетерпением.

Я открыла глаза, и первые мои мысли были о нем. Посмотрела на часы. Наш кораблик отплывал через час. Я приняла душ, оделась, собрала вещи и задернула молнию сумки. В коридоре бросила взгляд на дверь его комнаты — она была открыта. Я заглянула, чтобы узнать, там ли он. Никого. И номер уже убран. Я спустилась на кухню. Там был только хозяин. Он мне улыбнулся и протянул чашку кофе. Потом начал ставить на стол один из своих восхитительных завтраков.

— Нет, спасибо, — остановила я его. — Мне что-то не очень хочется есть сегодня утром.

— Как скажете. Но перед выходом в море желательно что-нибудь забросить в желудок.

— Обойдусь кофе.

Я не стала садиться и отпила несколько глотков.

— Видели Эдварда? — спросила я.

— Похоже, он не с той ноги встал. Еще менее разговорчивый, чем обычно. Можете себе представить?

— С трудом.

— Он ходил в порт, а потом вернулся, чтобы заплатить за ваши комнаты.

— А сейчас он где?

— Ждет вас на улице и ведет себя словно лев в клетке.

— А-а-а...

Я сглотнула и допила свой кофе под насмешливым взглядом хозяина.

— Что-то вы побледнели. Из-за предстоящего плавания или из-за Эдварда?

— А что страшнее?

Он расхохотался.

Я помахала ему на прощание рукой и направилась к двери.

Эдвард моего появления не заметил. С каменным лицом он с остервенением затягивался сигаретой. Я тихонько окликнула его. Он обернулся, впился в меня взглядом и подошел. Выражение его лица понять было нельзя. Не говоря ни слова, он подхватил мою сумку. Я взяла его за руку и придержала:

— С тобой все в порядке?

— А с тобой? — резко спросил он.

— Да, по крайней мере, я так думаю.

— Пошли.

Он изобразил улыбку, взял меня за руку и повлек к порту. Чем дальше мы шли, тем ближе я подходила к нему. В конце концов наши пальцы переплелись.

Когда мы очутились у корабля, нам пришлось разъединить руки, чтобы он мог положить наши сумки. Вслед за ним я поднялась на палубу. Ветер был такой сильный, что казалось, вот-вот свалит нас с ног. Он зажег сигарету и протянул мне. Я взяла ее, наблюдая за тем, как он закуривает свою. Он облокотился о перила. Мы молча курили.

Судно отчалило. Мы не шевельнулись.

— Будет та еще качка, — сказал Эдвард, выпрямившись.

— Ты останешься тут?

— Пока да. Иди вниз, если хочешь.

Я приняла более устойчивое положение и вцепилась в бортовое ограждение. Уже изрядно качало, от ветра болели уши, но я ни за что не хотела уходить. И вдруг я почувствовала, что защищена от ветра. Эдвард стал за моей спиной, обхватил меня руками, положил свои ладони на мои.

— Скажешь, когда тебе станет плохо, — шепнул он мне на ухо.

В его голосе звучал смех, я легонько толкнула его локтем в бок.

Мы так и плыли весь обратный путь — прижавшись друг к другу и не произнося ни слова. Нам было хорошо вдвоем. Когда корабль причалил, Эдвард поднял наши дорожные сумки. Он снова взял меня за руку, и мы зашагали к парковке. Я села в машину, а он загрузил багажник. Забравшись в свою очередь на сиденье, он глубоко вздохнул. Наверное, почувствовал, что я за ним наблюдаю, потому что обернулся и посмотрел мне прямо в глаза:

— Едем?

— Ты водитель — тебе решать.

Всю дорогу мы проехали, погружившись в свои мысли. Если не считать тихонько игравшей музыки *Red Hot Chili Peppers*, то нежной, то суровой на манер Эдварда, единственными звуками были щелчки автомобильной зажигалки. Мы закуривали по очереди. Окрестный пейзаж пробегал перед моими глазами, я машинально теребила цепочку и обручальное кольцо. Я не решалась взглянуть на Эдварда. Когда перед моими глазами проплыл указатель с надписью «Малларанни», я напряглась. Он остановил машину перед моим коттеджем, не выключая мотор.

— Ладно, мне надо работать.

— Без проблем, — поспешно ответила я и вышла из машины.

Я хлопнула дверцей сильнее, чем хотела. Вытащила свои вещи из багажника. Эдвард не пошевелился, но и не отъехал. Дойдя до входной двери, я стала искать ключ. Когда я его наконец-то нашла, то была в такой ярости, что не могла попасть в замочную скважину. Если ему нечего мне сказать, пусть уезжает.

Я бросила и сумку и ключ и резко обернулась. И налетела на Эдварда. Он поймал меня за талию, не дав упасть. Прошло несколько долгих секунд. Потом он меня отпустил. Я провела рукой по волосам, он закурил.

— Придешь ко мне сегодня вечером? — предложил он.

— Я... да... я хочу этого.

Мы долго смотрели друг на друга. Напряжение росло. Эдвард легонько потряхнул головой:

— До встречи.

Я нахмурилась, увидев, что Эдвард наклонился. Он поднял ключ и открыл дверь.

— Так лучше, да?

Он чмокнул меня в висок и вернулся к машине, а я даже не успела слова сказать. Я смотрела, как его внедорожник рванул с места в облаке пыли.

Глава восьмая

Я только что вышла из-под душа. Долго стояла под почти кипящими, расслабляющими струями воды. И теперь смотрела в зеркало на свое обнаженное тело. Я давно не обращала на него внимания. Оно угасло после смерти Колена. Вчера Эдвард осторожно разбудил его. Я знала, что произойдет между нами сегодняшним вечером. До этого момента я думала, что больше ни один мужчина никогда ко мне не прикоснется. Позволю ли я рукам и телу Эдварда заменить руки и тело Колена? Не нужно думать об этом. Я заново вспоминала жесты, привычные каждой женщине: нанести увлажняющий крем на кожу и капельку духов в ложбинку груди, тщательно расчесать волосы, выбрать белье и одеться так, чтобы быть соблазнительной.

Настал вечер. Я была взвинчена, словно девочка-подросток, охваченная любовью к человеку, которого я еще совсем недавно ненавидела. А теперь несколько часов разлуки заставляли меня мучительно скучать по нему. Я выглянула в окно — свет в его доме горел. Я выкурила сигарету, а потом принялась грызть ногти. Расхаживала по комнате, ощущала приливы жара, за которыми следовал озноб. Сколько еще ждать? Я натянула кожаную куртку, подхватила сумку и вышла. Всего несколько десятков метров разделяли наши коттеджи, но я ухитрилась закурить еще одну сигарету. Я остановилась на полпути, сказала себе, что еще не поздно вернуться — он ничего об этом не узнает, а я позвоню ему и скажу, что плохо себя чувствую. Мне было страшно, он наверняка во мне разочаруется, я не знаю, как себя вести. Стоя одна на дороге, я рассмеялась. Я просто смешна: ведь это как с ездой на велосипеде — привычные движения никогда не забываются. Я погасила сигарету и постучала в дверь. Через несколько секунд на пороге появился Эдвард. Он посмотрел на меня сверху вниз и заглянул мне в глаза. Мое дыхание сбилось, и то подобие

спокойствия, которое, как мне казалось, я демонстрировала, рассеялось словно дым.

— Заходи.

— Спасибо, — ответила я тоненьким голоском.

Он отодвинулся, чтобы пропустить меня. Постмен Пэт бурно мне обрадовался, но и это не сняло моего напряжения. Я подскочила, почувствовав руку Эдварда сзади на моей талии. Он провел меня в гостиную.

— Выпьешь?

— Да, с удовольствием.

Он поцеловал меня в висок и направился к бару. Я не следила за ним глазами, а предпочла оглядеться вокруг: хотелось убедиться, что это тот самый Эдвард, которого я знала до поездки на Аранские острова, что мы с ним проведем нормальный дружеский вечер, а все остальное я себе напридумывала. Привычный бардак и пепельницы, переполненные окурками, успокоили бы меня. Я переводила взгляд с одного предмета на другой, и меня охватывала паника.

— Ты сделал уборку?

— Тебя это удивляет?

— Может быть, не знаю.

— Иди сюда, садись.

Я взглянула на него. Жестом он предложил мне устроиться на диване. Я присела на самый краешек. Взяла в руки бокал с вином, который он мне протянул, не поднимая на него глаз. Срочно требовалось что-то придумать,

чтобы совладать с нервозностью. Я схватила сигарету и не успела щелкнуть зажигалкой, как увидела у своего лица пламя. Я поблагодарила Эдварда.

Он сел на кофейный столик напротив, отпил глоток гиннеса и посмотрел на меня. Я сидела, низко опустив голову. Он взял ладонью мой подбородок и приподнял.

— Все в порядке?

— Конечно. Чем ты сегодня занимался? Работал? А как получились фотографии? Знаешь, те, что мы делали вместе?

К концу этой тирады я задохнулась. Эдвард погладил меня по щеке:

— Расслабься.

Я выдохнула весь воздух из легких.

— Извини.

Я рывком поднялась и стала расхаживать по комнате, а потом остановилась у камина. Докурила, бросила окурки в огонь. Почувствовала, что Эдвард стоит за моей спиной. Он взял у меня бокал, поставил на каминную доску и положил руки мне на плечи. Я напряглась.

— Чего ты боишься?

— Всего...

— Со мной тебе нечего бояться.

Я обернулась, чтобы посмотреть на него. Он улыбнулся, убрал волосы, упавшие мне на лицо. Я прижалась к нему, вдыхая его запах. Его рука поднялась вдоль моей спины. Мы долго стояли обнявшись. Мне было хорошо.

Все мои сомнения улетучились. Я осторожно поцеловала его. Он обхватил ладонями мое лицо и прижался к моему лбу.

— Знаешь, я едва не повернула назад, когда шла к тебе.

— Значит, мы лишились классной возможности поругаться.

— Хочешь сказать, что пришел бы ко мне за объяснениями?

— Еще как!

Я играла пуговицей его сорочки.

— Я думала о тебе весь день.

Я подняла глаза, и он поймал и не отпускал мой взгляд.

Мне решать, как далеко мы зайдем. И тут я попросила свой мозг отключиться, чтобы всем руководило тело. Я поднялась на цыпочки.

— Я тебе доверяю, — сказала я и прильнула к его губам.

Я поцеловала его так, как, думалось мне, больше никогда и никого не поцелую. Он схватил меня за бедра и прижал к себе. Я вцепилась в его плечи. Почувствовала, как его руки пробираются под мою одежду. Вот он дотронулся до моей спины, живота, груди. Его ласки придали мне уверенности в себе. Я потянула его рубашку из джинсов, расстегнула ее — хотела коснуться его кожи, горячей, живой. Наши губы на мгновение оторвались друг от друга, когда Эдвард стаскивал с меня майку. Наши взгляды встретились. Он приподнял меня, и я обвила ногами его талию. Потом он положил меня на диван и опустился рядом. Когда наши обнаженные тела прижались друг к другу, у меня вырвался вздох удовольствия. Его щетина щекотала мою шею, и он поцеловал меня возле уха.

— Ты уверена? — прошептал он.

Я посмотрела на него, провела ладонью по его волосам, улыбнулась ему и поцеловала.

И в этот момент зарычал пес, что несколько отвлекло нас.

— Лежать, — приказал Эдвард.

Мы оба повернули к нему голову. Оскалившись и уставившись на входную дверь, он продолжал рычать. Эдвард прижал палец к моим губам, заставляя молчать. Послышался стук в дверь.

— Пойди посмотри, — прошептала я. — Может, что-то важное.

— Нам и так есть чем заняться.

Он впился в мои губы, расстегивая на мне джинсы. Желание спорить с ним пропало.

— Эдвард, я знаю, что ты дома, — крикнул женский голос за дверью.

Тон не допускал возражений. Эдвард закрыл глаза, на лице появилось ожесточение. Он начал отодвигаться. Я его удержала:

— Кто это?

— Открой! — Женщина явно теряла терпение. — Мне нужно поговорить с тобой.

Он высвободился из моих объятий, встал. Я села на диване, закрыла грудь руками и посмотрела на него. Он словно бы пытался проснуться: потер лицо, взъерошил волосы. Потом зажег сигарету и поднял с пола рубашку.

— Что происходит? — осторожно спросила я.

— Одевайся.

Его голос прозвучал словно удар кнутом. Со слезами на глазах я пошла за своей майкой и лифчиком. Когда я привела себя в порядок, он направился к двери, абсолютно не обращая на меня внимания. Замахнулся ногой на Постмена Пэта, чтобы тот убрался с дороги. Пес подбежал и уткнулся мне в ноги. Эдвард так сильно сжал ручку двери, что вздулись вены. Потом открыл. Гостью я не видела — он ее загоразживал, — но слышала весь разговор.

— Меган, — сказал он.

— Господи, как я рада тебя видеть. Я так по тебе скучала.

И она бросилась ему на шею. Какая-то скверная шутка. Я не смогла сдержаться и кашлянула. Спина Эдварда напряглась. Незнакомка подняла голову, увидела меня, отодвинулась от него.

Это была роскошная женщина: стройная, с пропорциональной фигурой и бархатными глазами. Водопад черных волос спускался на ее спину. Ее осанка, ее одежда — все несло на себе печать женственности и ухоженности. Дерзкое лицо излучало сокрушительную уверенность в себе. Она по очереди оглядела нас. Эдвард обернулся ко мне, но смотрел мимо меня, в пустоту. Он словно находился где-то в другом месте, и в этом месте ему было мучительно тяжело. Она провела ладонью по его волосам. Он не реагировал.

— Вовремя я приехала, — сказала она.

Потом направилась ко мне.

— Кем бы ты ни была, пора оставить нас.

Я проигнорировала ее и подошла к Эдварду. Попыталась взять его за руку, но он резко отстранился.

— Скажи что-нибудь. Кто она такая?

Он закатил глаза и вздохнул.

— Как кто? Я его жена, — заявила она, повиснув на его руке.

— Меган, — резко оборвал ее Эдвард.

— Извини, любимый, я знаю.

— Да что это за... бред? — взорвалась я.

Впервые после прихода женщины Эдвард посмотрел мне в глаза. Взгляд был холодным, отстраненным, передо мной стоял другой человек. Еще более пугающий, чем когда я приехала в Малларанни. Боль заставила меня отойти на несколько шагов. В этот момент мой взгляд зацепил фотографию на каминной доске, и я все поняла. Женщина на пляже — это не «никто». Какая же я идиотка! Лихо он меня провел! Я схватила сумку и куртку и покинула коттедж, не потрудившись закрыть дверь и не обернувшись.

По дороге мне пришлось остановиться, и меня вырвало. Придя домой, я дотасила до душа и стала с остервенением тереть себя мочалкой, чтобы смыть все следы этого гада со своего тела. Еще немножко — и я бы переспала с женатым мужчиной. И ведь мне даже в голову не пришло спросить, есть ли у него кто-то. Я исходила из того, что, если он нуждался во мне, значит, он свободен. На самом же деле он занялся мной от скуки. Что подумает Колен — там, где он сейчас? Хватило двух-трех улыбок и романтического уикенда, и я уже готова раздвинуть ноги. Я была себе отвратительна.

Сон не шел, и я в темноте уселась под окном в спальне, подтянула колени к подбородку и стала раскачиваться взад-вперед. В конце концов я уснула, и меня всю ночь мучили кошмары. В моих снах лица Эдварда и Колена наплывали друг на друга, объединяясь против меня.

Вот уже три дня я не выходила из дому. По ночам не смыкала глаз и заново переживала последние недели, проведенные с Эдвардом. Я хотела понять, в какой момент меня переключило, когда я предпочла заткнуть уши и закрыть глаза на все, что могло касаться гипотетической мадам Эдвард.

Я заставила себя поехать за покупками, и мне удалось проскочить незамеченной в супермаркет. Я закрывала багажник автомобиля, когда услышала голос:

— Диана!

Я узнала Джека. Сердце замерло, я быстро натянула на лицо улыбку и обернулась.

— Как дела у нашей маленькой француженки? Мы тебя давно не видели.

— Добрый день, Джек. Все в порядке, спасибо.

— Поехали к нам, Эбби будет счастлива.

Она действительно очень обрадовалась. Повисла у меня на шее. Их теплота и доброжелательность смягчили мою злость. Я успокоилась и заговорила о Кларе.

— Ты собираешься когда-нибудь вернуться во Францию? — перебила меня Эбби.

— Пока об этом не задумывалась.

— Ты не хочешь начать там жизнь заново?

— Вам нужен коттедж?

— Нет.

Так я им и поверила. Они лгут. Все ясно, француженка мешает, пора дать место Эдвардовой стерве.

Хлопнула входная дверь. Я застыла.

— Что-то ты побледнела. Как себя чувствуешь? — спросила Эбби.

— Ничего серьезного, просто минутная слабость, поеду домой.

— Попроси Эдварда, чтобы он тебя проводил.

— Только не это, — почти выкрикнула я. — Все в порядке.

Я поспешно встала и схватила свои вещи.

— До скорого, — бросила я и метнулась к двери.

У входа я встретила Эдварда. Я так и не смогла взглянуть на него. Он не пытался заговорить. Я укрылась в своей машине и упала на руль. Я испугалась — испугалась и его, и собственной реакции.

Я стояла не шевелясь у окна во всю стену и наблюдала, как Эдвард гуляет с собакой по пляжу. Рано или поздно нам придется встретиться, потому что мне необходимы объяснения. Требовались доказательства, что все это мне не приснилось.

Пора заглянуть в шкафчик в ванной комнате. Никак нельзя, чтобы он торжествовал, видя меня раздавленной. Я особенно тщательно выбрала одежду и постаралась с помощью макияжа скрыть следы бессонных ночей.

Отступить больше некуда, потому что я только что постучала в его дверь и услышала лай Постмена Пэта. Время до того, как дверь открылась, показалось мне вечностью, руки похолодели, меня трясло, в животе завязался тугий узел. Все эти симптомы исчезли, когда на пороге возник Эдвард. Ярость захлестнула меня. Мне хотелось ударить его изо всех сил. Но еще больше меня злило желание целовать его, оказаться в его объятиях. Таких эмоций я не ожидала, и моя стройная речь, отрепетированная перед зеркалом, куда-то улетучилась.

— Что тебе надо?

— Здравствуй, — запинаясь, пробормотала я.

Он вздохнул, отодвинул со лба волосы.

— Давай быстрее, у меня хватает дел.

Я выпрямилась, отвела плечи назад и храбро встретила его взгляд.

— Ты должен мне объяснить.

На его лице появилось удивление, потом злость.

— Я ничего тебе не должен.

— Тебе не противно смотреть на себя в зеркало?

Он уничтожил меня взглядом и захлопнул дверь перед моим носом. Давняя привычка.

Несмотря на низко нависшее небо и угрожающие тучи, я решила прогуляться. Больше часа я мерила шагами пляж. Подымаясь к своему коттеджу, увидела бегущего ко мне Постмена Пэта. Я погладила его и пошла дальше. Нельзя мне здесь оставаться. Перед домом Эдварда остановился автомобиль. Я повернулась и двинулась к себе, а когда проходила мимо, из него вышла жена Эдварда. Я ощутила на себе ее взгляд.

— Ты все еще здесь?

Я опустила голову и решила не отвечать.

— Я пойду к Эбби и Джеку и сделаю так, чтобы ты не путалась у нас под ногами.

Роясь в кармане в поисках сигарет, я наткнулась на ключи от машины. Они-то и были мне нужны. Но я немного опоздала.

— Эдвард, — позвала она.

— Иду, — ответил он.

Я захлопнула дверцу и рванула с места.

Больше двух часов я носилась на бешеной скорости, не отрывая ноги от педали газа.

На обратном пути я поехала медленнее. И заметила, как эта Меган выходит от Эбби и Джека. Она всюду чувствовала себя как дома. Я рассчитывала на то, что Малларанни излечит меня, но в результате это место скоро станет моей могилой.

Джудит тоже меня забыла. Не предупредила о своем приезде. И уже целый час разговаривала на пляже с Меган. Увидев, что она направляется ко мне, я быстро подхватила сумку и ключи и вышла на улицу.

— Диана, — позвала она.

— У меня нет времени.

— Что с тобой?

— Тебя это не касается.

— Погоди, — сказала она, удерживая мою руку.

— Отпусти меня.

Я высвободилась, села в машину и уехала.

Я вернулась в Малларанни, полдня проколесив по окрестностям. Раз все они у Эбби и Джека, паб будет моим. Я толкнула дверь, полная решимости основательно напиться. Забралась на табурет и заказала первую порцию виски из длинной их очереди. Ирландия превратит меня в алкоголичку.

Я переходила от смеха к слезам и обратно. Положив голову на стойку, я вперила взгляд в череду пустых стаканов. Когда я решила выйти покурить, то не смогла подняться и едва не упала. Но вместо пола свалилась на чью-то грудь.

— Спасибо, — сказала я подхватившему меня мужику, которого раньше никогда не встречала в здешних краях.

— Не за что. Могу я вам предложить сигарету?

— А ты шустрый!

Я направилась к веранде, сделав ему знак следовать за мной. Несмотря на окутавший меня туман, я знала, что он пялится на меня. Пусть получит удовольствие, мне наплевать, у меня другие заботы. Я вошла в образ легкомысленной блондинки. Смеялась как последняя идиотка над историями, которые он мне рассказывал и в которых я ни слова не понимала. Он времени зря не терял. Обнял за талию и повел к стойке. Настойчиво заглядывал в мое декольте. Я посмотрела на него. Не так уж он и плох. В конце концов, один ирландец стоит другого. Он может помочь мне избавиться от Эдварда. Я бросила на него томный взгляд и предложила выпить со мной. Он поспешил согласиться.

— Повторите, пожалуйста, — запинаясь, попросила я бармена.

— Диана, пора остановиться.

— Нет, налейте мне, я плачу. Имею полное право развлечься.

Я бросила монеты на стойку. Появился новый стакан, я выпила его одним глотком и провалилась в черную яму.

Сквозь окутавший меня туман я слышала громкие голоса:

— Не подходи к ней!

Этот голос я узнала бы среди тысячи. Эдвард. На кого он так кричит? Я открыла глаза и увидела, как он схватил какого-то типа за воротник. Тот мне кого-то напоминал.

— Постой, парень, она сама со мной заигрывала, — сообщил он, показывая на меня пальцем.

Эдвардов кулак полетел вперед, тип оказался на полу, а потом, не дожидаясь продолжения, рванул со всех ног.

— Ох... что я наделала? — пробормотала я.

— Гораздо интереснее, что ты едва не сделала, — ответила Джудит, которую я только что заметила.

— Заткнись.

На этом добром слове я попыталась развернуться, но тут перед моими глазами завертелись стены, а пол опасно закачался под ногами.

— Братец, она собирается свалиться, — предупредила Джудит Эдварда. — Подожди, Диана, мы тебя отвезем.

— Оставьте меня в покое, я и сама в состоянии вернуться домой. И не лезьте в мои дела.

Я остановилась и повернулась к ним. Если я хочу выложить ему все, что я думаю, надо сделать это прямо сейчас — лучшего момента не будет. Я попыталась сфокусировать взгляд, но видела перед собой двух Эдвардов вместо одного.

— Слушай меня внимательно, — сказала я, нацелив на него указательный палец. — Не вздумай вмешиваться в мою жизнь. Ты потерял на это право. Я могу трахаться...

— Замолчи! — приказал он. — Ты уже натворила достаточно глупостей за сегодняшний вечер.

Не давая мне ответить, он сгреб меня в охапку, оторвал от пола и водрузил на плечо, словно мешок. Я молотила его кулаками по спине и пыталась вырваться:

— Отпусти меня, урод!

Он ухватил меня покрепче и двинулся на парковку. Не говоря ни слова, запихнул меня в свой автомобиль. Я провалилась в сон.

Сознание вернулось ко мне, и я обнаружила себя в собственной постели. Кто-то раздел меня.

— Ну и набралась ты, — прозвучал голос Джудит.

— Оставь меня в покое.

— Вот уж нет!

Она натянула на меня одеяло и вышла из комнаты. Несколько минут спустя я снова услышала шаги и открыла глаза. Эдвард поставил на тумбочку стакан воды и провел рукой по моему лбу.

— Не прикасайся ко мне.

Я попыталась встать.

— Лежи.

Эдвард тихонько подтолкнул меня. У меня не было сил сопротивляться.

— Это ты во всем виноват, — плача, произнесла я. — Ты настоящий мерзавец.

— Знаю.

Я спряталась под одеялом. Услышала, как он бегом спускается по ступенькам. Потом хлопнула входная дверь.

Мне было очень плохо, все клеточки тела молили о пощаде. Каждый шаг отдавался болью в голове. Добравшись до ванной, я была вынуждена ухватиться за умывальник, чтобы не упасть. Отражение в зеркале ужаснуло меня. Лицо опухло, тушь неровными дорожками растеклась под глазами, волосы напоминали воронье гнездо. Мне было так стыдно, что я боялась даже взглянуть на свое обручальное кольцо, и уж тем более дотронуться до него. Я несколько раз почистила зубы, пытаюсь избавиться от вкуса алкоголя, обосновавшегося у меня во рту, казалось, навсегда. Решено, бросаю пить.

Джудит сидела на диване и листала журнал.

— Ты все еще здесь?

— Ну что ты заводишься?

— Вы победили! Я уберусь из вашей вонючей деревеньки. Вы тут все психи.

— О чем ты говоришь?

— Вы плевать на меня хотели с самого моего приезда.

— Да ты что? Мы все волновались за тебя вчера вечером.

— Как же, как же!

Я подняла глаза к потолку. Джудит пошла на кухню, а я свалилась в кресло.

Она вернулась через пять минут, неся блюдо.

— Поешь, а потом поговорим.

Я съела свой завтрак, обливаясь слезами. Проглотила чашку кофе, и Джудит тут же налила мне следующую. Потом она зажгла сигарету и протянула мне.

— Почему ты не предупредила меня о своем приезде? — спросила я.

— Ты же не из-за этого колобродила вчера вечером?

— Просто ты оказалась последней каплей, переполнившей чашу. Ну не чашу, стакан, какая разница. Мне показалось, я не так уж много выпила. А что, я выглядела очень жалкой?

— Лучше тебе не знать, поверь.

Она выгнула бровь, а я обхватила руками голову.

— Объясни, что происходит. С самого приезда на меня обрушился совершеннейший кошмар. Стерва вернулась, Эдвард колотит мужика, который посмел к тебе приблизиться, а ты выступаешь в пабе в роли законченной нимфоманки.

Я продолжала держаться за голову, но раздвинула пальцы, чтобы взглянуть на нее.

— А стерва — это кто?

— Меган. Кто же еще?

— Ты называешь жену своего брата стервой?

— С чего это ты взяла, что она его жена? Будь мой брат женат, мне было бы известно.

— Но она представилась его женой, а он не возразил.

— Вот кретин. Погоди... есть кое-что, чего я не могу понять. Ты была у него, когда она заявила посреди ночи?

— Да, — подтвердила я, опустив глаза.

— Вы переспали?

— Не успели.

— Черт возьми! Ну и нюх у этой дряни. А Эдвард — тряпка.

Она поднялась и начала расхаживать по комнате. У меня от нее закружилась голова. Я закурила новую сигарету, подошла к окну и стала в него глядеть. Увидела Эдварда вдалеке на пляже и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Диана!

— Что?

— Ты его любишь?

— Думаю, да... Что-то тянет меня к нему. Когда мы были вдвоем, мне было хорошо... но это ничего не меняет. Даже если они не женаты, они вместе.

— Нет, ты ошибаешься.

Джудит снова уселась на диван, закурила и, сощурившись, принялась наблюдать за мной.

— Если он узнает, что я тебе это рассказала, он меня убьет. Но плевать. Садись.

Я подчинилась.

— Знаешь, его мерзкий характер связан не только со смертью родителей. Отношения с Меган отравили всю его жизнь. Именно поэтому я примчалась как сумасшедшая после перепуганного звонка Эбби.

— А что это за девица?

— Карьеристка. Убийца. Дрянь. Она всегда стремилась многого достичь в жизни и добиться серьезного общественного положения. Любыми способами и используя всех подряд. Она начинала с нуля, сама себя создавала, вкалывала как безумная, чтобы получить то, что имеет сейчас. Теперь она хедхантер в крупнейшем рекрутинговом агентстве Дублина. Она легко предаст и продаст любого, лишь бы добиться своего. Она безжалостная, умная, порочная и, главное, талантливый манипулятор.

— И такую женщину он любит?

— Я ничего об этом не знаю, но она единственная, с кем у него были постоянные отношения.

— То есть она — любовь всей его жизни?

— В какой-то степени. И вот что тебе нужно знать: пока он не встретил ее, Эдвард избегал серьезных отношений.

— Почему?

— Он всегда считал, что стабильные отношения между мужчиной и женщиной обречены на провал. Он это представлял себе так: ты влюбляешься, а потом страдаешь, потому что тебя обязательно предадут и бросят. Поэтому он всегда выбирал приключения без будущего, и так продолжалось до тех пор, пока их пути не пересеклись. Сначала он стремился заполучить ее как охотничий трофей. Она заставила его ждать и томиться. Настоящая самка богомола. Обложила его со всех сторон и только потом сдалась. Эдварда соблазнили ее решительность, уверенность и бешеная энергия. А потом она вонзила в него нож, убаюкивая сладкими словами, изображая из себя наивную недотрогу, которая мечтает создать семью и верит в любовь...

— А ты ей не доверяла?

— Я предприняла собственное маленькое расследование. Я ее недолюбливала: она была слишком светской, слишком сладкоречивой, чтобы быть честной. Я узнала, что на самом деле она, не будучи знакома с Эдвардом, давно о нем знала и хотела завоевать. Ей нужна была его слава сумрачного и терзаемого страстями художника. Она полагала, что это скрасит ее репутацию жадной и жестокой акулы. Я все это изложила Эдварду и едва его не потеряла. Мы не разговаривали несколько месяцев.

— И чем все кончилось?

— О, это отдельная история. В то время Эдвард переживал период неверия в свое дело. Он тогда работал на один журнал, но хотел уйти на вольные хлеба. Меган яростно воспротивилась. Я полагала, что она опасается, как бы ей не пришлось отказаться от жизни на широкую ногу. Ладно, если вкратце, мой брат всегда был таким, каков он есть, но на этот раз его характер развернулся в полную силу. Он был разочарован, у него случались чудовищные приступы ярости. Находиться рядом с ними, когда они ругались, было жутковато. В то же время он нуждался в ней и в ее поддержке. Но поскольку он долго вел себя как последний идиот, то спровоцировал ее на ошибку. Сама понимаешь, много не потребовалось.

— Можно поподробнее?

— Эдвард уехал снимать репортаж. А когда вернулся, застал ее в койке с одним из своих коллег.

— Ужас!

— Он превратил лицо этого типа в кровавую кашу. Тот обязан жизнью только мольбам Меган. Потом Эдвард погрузил все свои вещи в машину. Она умоляла его остаться, клялась, что такое больше никогда не повторится, уверяла, что вдвоем они смогут все преодолеть, божилась, что любит его больше всех на свете. Как ты догадываешься, он ничего не хотел слышать.

— Но это же естественно, разве нет?

— Он собирался сделать ей предложение, как только решится проблема с работой. Можешь себе представить, в какой ад он провалился.

— И как он из него выбрался?

— Да вот так, как ты видишь. Забился в нору вместе со своим псом. Проложил путь на Аранские острова. Исчез с земной поверхности больше чем на два месяца. Никто не знал, где он скрывается. Я даже подумывала о том, чтобы подать заявление о розыске. А потом, в один прекрасный день он вынырнул здесь, чтобы забрать у Эбби и Джека ключи от дома наших родителей. И поселился в нем. Он решил, что больше не позволит ни одной женщине заставить его страдать и будет всю жизнь жить один.

— Зачем Меган сюда приехала? Чего она хочет?

— Его. На свой манер, она его любит. Никогда его не забывала. Вот уже пять лет как она делает все, чтобы его вернуть. Она даже заявила ко мне плакаться. Меган остается единственной женщиной, которую он когда-либо любил. Несмотря на то что она сделала, мне известно, что они продолжают время от времени видеться, когда он приезжает по работе в Дублин. Она как будто выслеживает его. Ей всегда известно, где он находится. И стоит им встретиться, как Эдвард перестает ночевать у меня. Как наркоман, который вроде бы завязал, но при первом искушении снова срывается.

— Как бы то ни было, она его держит.

— Если быть точнее, она его держала. Потому что приехала ты и изменила его. Не знаю, как это тебе удалось. Похоже, у тебя есть какой-то свой секрет. Еще на Рождество он тебя на дух не переносил, а потом повез в свое убежище. Для него Аранские острова — как святая земля.

— Мне от этого не легче!

Я не могла усидеть на месте. Схватила сигаретную пачку, закурила, глубоко затянулась, пытаюсь успокоиться.

— Я волнуюсь за него, — сказала Джудит. — В тот самый момент, когда он позволил себе расслабиться, попытался вместе с тобой что-то изменить в своей судьбе, заявляется Меган, клянется всеми святыми, что он единственный мужчина в ее жизни и что она готова перебраться к нему сюда. Он просто свихнется, если так пойдет.

— Стоило ей приехать, и он даже не попытался меня удержать, а когда я пришла за объяснениями, он послал меня. По мне, все очень просто: он свой выбор сделал. Она ведь живет у него?

— Нет, он отправил ее в отель. И я видела его реакцию вчера вечером: он просто обезумел, когда ему позвонил хозяин паба. И потом, когда он увидел тебя с тем мужиком... Честно говоря, я даже испугалась.

— Допустим, я тебе поверила, и что я, по-твоему, должна делать?

— Да все. Ты должна сделать все возможное и невозможное. Он тебе нужен? Да или нет?

Я повернулась к окну и поискала Эдварда взглядом. Он по-прежнему оставался на пляже — еще более одинокий и красивый, чем когда бы то ни было.

— Конечно да.

— Тогда пошевеливайся. Соблазниай его, верти перед ним попой, дай ему понять, что женщина его мечты — ты, а не эта сука. Покажи коготки. И все остальное тоже. Честная битва между тобой и ею невозможна, тут допустимы любые приемы. Тебе придется быть отважной, чтобы расколоть его панцирь. И имей в виду, что он запросто может послать вас обеих и раствориться в пространстве.

Глава девятая

Джудит ушла. Она заставила меня поклясться на Библии, что я сразу же перейду в атаку. Правда, для начала нужно было совладать с похмельем, а уж потом ввязываться в войну. Я решила, что лягу спать, как только стемнеет, но тут раздался стук в дверь. Этот паршивый день никогда не кончится! Я была на таком взводе, что едва не расхохоталась, увидев на пороге все ту же Меган. Ни секунды передышки. Она оглядела меня с головы до ног, и я воспользовалась этим, чтобы тоже рассмотреть ее. Я впервые видела ее так близко. Она отличалась холодной красотой, голова высоко поднята, взгляд гордый и острый. Любая женщина рядом с ней казалась хлипкой девчонкой, только что покинувшей школьные стены. Передо мной стояла сексуальная бизнес-леди, выехавшая на уикенд за город: роскошные джинсы, головокружительные лодочки без мельчайшего пятнышка грязи и ногти с безупречным маникюром. Нельзя не признать: мой вид на следующий день после загула делал меня неконкурентоспособной.

— Дайяна, да?

— Нет, Диана. Что тебе надо?

— Похоже, прошлой ночью Эдвард помчался тебе на помощь?

— А тебе-то что?

— Не вертись вокруг него. Он мой.

Я расхохоталась ей в лицо.

— Можешь смеяться сколько влезет, плевать. Не трать время зря. Ты не в его вкусе. Посмотри на себя...

На ее лице было написано отвращение.

— Ничего лучше не придумала? — спросила я. — Если ты полагаешь, будто я освобожу для тебя место, мне тебя жаль.

Она нехорошо ухмыльнулась.

— Ты разжалобила его своей судьбой, да? — поинтересовалась она.

У меня перехватило дыхание, ноги подкосились, слезы заволокли глаза, я вцепилась в притолоку, чтобы не упасть.

— Несчастное жалкое создание, — добавила Меган.

Сквозь шум в ушах я услышала звук мотора. Она усмехнулась:

— А вот и Эдвард, прекрасно. Ты предстанешь перед ним в самой лучшей форме.

Он вышел из машины и тут же присоединился к нам.

— Что ты тут делаешь? — обратился он к Меган.

Я нарочно держала голову опущенной.

— Я узнала о постигшем Диану несчастье и пришла выразить ей соболезнования по поводу мужа и дочери. — Она просто лучилась искренним сочувствием.

— Ты все сказала?

Тон был настолько резким, что я подняла голову и успела увидеть, как он испепелил ее взглядом. А на ее лице была теперь написана трогательная забота. Она повернулась ко мне, положила ладонь мне на плечо.

— Мне очень жаль, я вовсе не хотела беречь рану. Если что понадобится, обращай к нам, не стесняйся. И вообще, когда ты будешь себя получше чувствовать, мы с тобой выпьем вдвоем. Тебе будет полезно...

— Хватит, Меган, — перебил ее Эдвард. — Все понятно. Возьми ключи и отправляйся домой.

Она послала мне воздушный поцелуй. Поцелуй Иуды. Потом развернулась и пошла, но сразу спохватилась:

— Ты идешь, Эдвард?

— Нет, мне нужно поговорить с Дианой.

Меган выдержала удар с улыбкой. Я приободрилась. Она подошла к нему:

— Не торопись, я приготовлю нам романтический ужин.

Она встала на цыпочки и поцеловала его в уголок губ. Я увидела, как рука Эдварда ложится на ее талию. И я снова сдулась, словно проколотый воздушный шарик. Меган подмигнула мне и направилась к дому Эдварда. Я понимала, что гляжу на него глазами снулой трески, но не могла ничего поделать. Он провел рукой по волосам, стараясь не смотреть на меня. Судя по всему, он задавался вопросом, зачем остался со мной. Сейчас я ему облегчу задачу.

— Не заставляй ее ждать.

— Что на тебя вчера нашло?

— Хотела утопить свою печаль.

Мы долго смотрели друг другу в глаза.

— Чего ты ждешь от меня? — спросил он в конце концов.

— Что ты возьмешь свою жизнь в собственные руки, а еще... некоторых решений.

Он закурил и повернулся ко мне спиной:

— Это сложно. Я не готов тебе ответить, не сейчас.

И он пошел, не прибавив ни слова.

— Эдвард!

Он остановился.

— Не вычеркивай меня из своей жизни.

— Даже если захочу, не смогу.

И он ушел. Вероятно, Меган следила за нами, потому что вышла на крыльцо, стоило ему подойти. Она притянула его к себе и увлекла в дом. Война только объявлена, а у Меган уже огромное преимущество. Она прекрасно знает его и понимает, что и когда сказать. У них общее прошлое, которое она может использовать как оружие. Я же, общаясь с ним, должна все время продвигаться осторожно, словно по горячим углям. Если не считать нескольких более или менее яростных соседских ссор и перемирия длиной в несколько недель, что еще общего было у нас с Эдвардом? Обдумывая этот вопрос, я уснула.

Это ничего не значило, но Меган не провела у него ночь. Она только что приехала, а Эдвард уже довольно долго торчал на пляже с фотоаппаратом. Я рассмеялась, наблюдая, как она пытается передвигаться по песку на своих шпильках. И чуть не описалась от смеха, когда Постмен Пэт налетел на нее. Этот пес-инопланетянин определенно мой лучший друг. Он недавно искупался и вывалялся в песке, что незамедлительно отразилось на великолепном кашемировом пальто Меган. И тут словно вспыхнул свет: я в мгновение поняла, что у нас общего с Эдвардом и с чем Меган не в состоянии соперничать.

Моими козырями в деле оболыщения станут шапочка и шарф. Из чистой овечьей шерсти, естественно. Невероятно. Я зашагала к пляжу с легким сердцем, полная решимости продемонстрировать этой курице, что ей не удалось меня отодвинуть. Поскольку я подходила сзади, она меня не заметила и

продолжала разговаривать вслух сама с собой: «Невозможно гнить в этой дыре. Верну его в Дублин, и чем быстрее, тем лучше. Заодно и от этой чертовой собаки избавимся».

Ах ты, гадина!

— Привет, Меган! — сказала я, обгоняя ее.

Я засвистела. Постмен Пэт помчался ко мне. С разбега положил мне передние лапы на плечи, и я погладила его. Он запрыгал и залаял от восторга, увидев, что я подхватила палку. Я бросила ее псу, подмигнула своей сопернице и пошла дальше по пляжу. Эдвард заметил меня издалека. Я помахала ему рукой и продолжила играть с собакой. Он знает, что я здесь, и этого достаточно. Я осторожно приближалась к нему, но при этом на него не смотрела, а целиком сосредоточилась на игре с собакой.

— Диана, — услышала я его голос.

Я не без труда сдержала улыбку. Не успела я обернуться к Постмену Пэту, как тот уже помчался ко мне. Нормально — в руках я держала палку. Он сбил меня с ног, и я свалилась на песок. И тут на меня напал безумный и совершенно неконтролируемый хохот. Как раз то, чего я хотела. И мой невольный помощник внес свой вклад, подбежав и начав облизывать мое лицо. Палку вынули у меня из рук, и Постмен Пэт опять умчался. Я открыла глаза. Эдвард стоял надо мной, расставив ноги. Я заметила его заострившиеся черты и темные круги под глазами. Но он мне улыбался.

— Знала бы ты, на что сейчас похожа!

— Знал бы ты, как мне на это наплевать!

Он протянул мне руки, я ухватилась за них, и он помог мне подняться. На несколько мгновений мы так и застыли, держась за руки. Потом он смахнул большим пальцем песок с моей щеки. На его лице снова проступили следы

нежности, которую он испытывал ко мне в последнее время. Пора было действовать.

— Пройдешься со мной? — предложила я.

Его рука, задержавшаяся на моей щеке, опустилась, он бросил взгляд в сторону моря, потом посмотрел на меня.

— Я собирался вернуться, нужно печатать снимки.

Передышка окончена. Он пошел за своей аппаратурой. Я вздохнула. И тут же удивилась — он возвращался ко мне.

— Тебя по-прежнему интересуют фотографии с Аранских островов?

— Конечно.

— Тогда пойдем со мной, я тебе их отдам.

Мы прошли через весь пляж, не сказав друг другу ни слова. На какое-то время я почти забыла о Меган. Она ждала нас, облокотившись о свою машину.

— Что ты здесь делаешь? — грубо спросил Эдвард. — Ты вроде всегда ненавидела пляж.

— Хотела увидеться с тобой, поговорить о своих планах.

— У меня сейчас нет времени, нужно работать.

— Я могу подождать.

Эдвард пошел дальше, я последовала за ним, а Меган за мной. На каком языке нужно объяснить ей, что она мешает? Он открыл дверь и вошел в дом. Я осталась на крыльце. Меган оттолкнула меня, чего он не заметил, и прошла в прихожую.

— Я же тебе сказал, не сейчас, — повторил он, увидев ее.

— А что она тут делает?

— Эдвард должен отдать мне фотографии, вот и все. Потом я оставлю его в покое.

Он поднялся на второй этаж. Я закурила. Меган не сдвинулась с места. Настоящий сторожевой пес в лодочках на шпильке. Через пару минут Эдвард сбежал по ступенькам с большим конвертом в руках. Молча протянул его мне.

— Спасибо, — сказала я. — До встречи.

— Когда захочешь.

Я улыбнулась ему в последний раз и ушла к себе. Я слышала, как Меган умоляет разрешить ей остаться. Но он ее выставил.

Я подошла к своей двери.

— Эй, ты, подожди! — услышала я голос Меган.

В конце концов, я заслужила право насладиться своей сегодняшней победой. Я обернулась и улыбнулась самой своей лицемерной улыбкой. Злость уродовала ее.

— Что за фотографии?

— Эти, что ли? — Я помахала конвертом у нее перед носом.

— Прекрати свои игры!

— Это мои и Эдвардовы снимки, которые он сделал на Аранских островах.

— Врешь!

— Не веришь? Зря. Это истинная правда. А гостиница там очень милая, удобные постели, в общем, классное место для влюбленных.

— Отдай!

Она вырвала конверт у меня из рук. Я, конечно, неверующая, но сейчас я горячо молила Бога сделать так, чтобы я не переборщила. Видя лицо Меган, искажающееся под действием нарастающей ярости и ревности, я внутренне поклялась, что зажгу свечку в первой встреченной мной церкви. А Эбби мне в этом поможет.

— Это невозможно, — повторила она несколько раз.

— Отчего же?!

Если бы ее глаза были пулеметными стволами, меня бы давно изрешетило. Она швырнула снимки мне в лицо и зашагала к своей машине.

— Ты мне еще заплатишь за это!

Я взглянула на первое фото. На ее месте я бы устроила истерику. Потрясенная, я не стала ей ничего отвечать и вошла в дом, чтобы рассмотреть фотографии.

На следующий вечер я решила пойти в паб, надеясь увидеть там Эдварда. Хозяин встретил меня широкой улыбкой. Я вскарабкалась на табурет.

— Извините за прошлый раз.

— Не беспокойтесь, такое с кем угодно бывает, — ответил он, пододвигая кружку. — За счет заведения.

— Спасибо.

Он бросил взгляд на входную дверь, возвел глаза к потолку и повернулся ко мне:

— Держитесь.

— Что-что?

— Добрый вечер, Диана, — услышала я голос Меган.

Она грациозно уселась на табурет рядом со мной и заказала бокал белого вина. Если появится Эдвард, сравнение будет не в мою пользу. Хочешь не хочешь, приходилось признать, что ни один мужчина не устоит против ее чар. Она была великолепна в своем черном платье, которое не выглядело ни вульгарно, ни излишне соблазнительно. Только сексуально — классическое, открывающее ровно столько тела, сколько нужно, чтобы вызвать желание увидеть больше.

— Хочу предложить тебе сделку, — заявила она через несколько секунд.

Я повернулась к ней, более чем настороженная.

— Готова признать, что между вами что-то есть, — начала она. — Ты достойная соперница, я восхищена.

Это что-то новенькое.

— К чему ты клонишь?

— Эдвард — мой, что бы ты ни делала. Но он все время думает о тебе, и я вынуждена с этим считаться. Поэтому предлагаю тебе вот что: я исчезну на несколько дней, ты постарайся его очаровать, вы переспите. Тогда он сможет думать о другом... и в результате вернется ко мне.

— По-моему, тебе пора обратиться к врачу.

— Не разыгрывай из себя скромницу. Подозреваю, что после смерти мужа в твоей постели не было ни одного мужчины.

Я ощутила подкатившую к горлу тошноту.

— Знаешь, вернуться к радостям секса с Эдвардом — отличная штука. Так что на самом деле я тебе оказываю услугу.

Бред. Какой-то кошмарный бред! Я была не в силах произнести ни слова.

— Отказываешься? Что ж, тем хуже для тебя.

Она бросила на меня последний взгляд, после чего вынула из сумки телефон и набрала номер.

— Эдвард, это я, — закокетничала она. — Я в пабе... Я думала о тебе... Сегодня увидимся?... Нам надо поговорить...

По ходу разговора ее голос менялся, интонации становились все более сладкими, обволакивающими. Кончиками пальцев она катала воображаемую хлебную крошку.

— Извини за вчерашнее, я знаю, что для работы тебе нужно уединение.

Я не слышала ответов Эдварда, но угадывала их по тому, что произносила Меган.

— А еще, не нужно было тебя упрекать за то, что ты проводишь много времени с Дианой, — продолжала она. — Ты хороший человек, и потому помогаешь ей подняться. Я утратила право на упреки, после того что я тебе сделала.

У меня просто ехала крыша. Не может же Эдвард клюнуть на такую чушь.

— Но так тяжело видеть тебя с другой женщиной, — почти захныкала она. — Да, я отдаю себе отчет в том, как плохо с тобой поступила. Я хочу, чтобы мы снова были вместе... как раньше...

Но это же просто смешно. Такое сработать не может. Невероятно. Слишком грубая ловушка, чтобы Эдвард в нее угодил. Он не вернется в когти этой тигрицы, которая притворяется безобидной кошечкой.

— Умоляю тебя, — замурлыкала она. — Скажи да. Только на этот вечер, ну пожалуйста. Поговорим о моем переезде сюда...

Злая улыбка промелькнула на ее лице.

— Спасибо... — выдохнула она. — Жду тебя. — Голос был совсем умирающим.

Вот идиот! Эта стерва спрятала телефон, вытащила из сумки зеркальце и проверила макияж. Потом положила все обратно и повернулась ко мне:

— Эдвард никогда не изменится, и я хорошо знаю, что ему хочется услышать.

— Ты отвратительна. Как ты можешь так говорить о нем? И все это вранье?!

Взмахом руки она отмела мои возражения:

— Мой совет: не трать вечер на ожидание.

Она расхохоталась.

— Бедная моя Диана, я тебя предупредила!

Я вышла на террасу. Как безумная, затягивалась сигаретой.

Вернувшись в паб, я увидела, что пришел Эдвард. Они с Меган собирались уходить. Она обняла его за талию, он не сопротивлялся. Я сжала кулаки. Она первой заметила меня.

— Это не Диана там? — спросила она.

— Да, — ответил он, глядя на меня.

Она потянула его ко мне. Мы с ним, не отрываясь, смотрели друг на друга.

— Добрый вечер, — обратилась ко мне Меган. — Жаль, я не знала, что ты здесь. Могли бы вместе выпить и получше узнать друг друга.

Она очень любезно улыбнулась мне. Эдвард наблюдал за ней с незнакомым мне выражением лица. Потрясенная актерскими талантами Меган, я позволяла ей говорить и говорить, не в силах поставить ее на место.

— А теперь мы вынуждены тебя покинуть, я заказала столик. Но в ближайшее время мы посидим вдвоем?

Окончательно растерявшись, я глупо кивнула.

— Подожди меня в машине, — сказал ей Эдвард.

Она поцеловала его в щеку, потом сказала мне «до скорого». Я проследила за ней взглядом. Эдвард тоже. Она остановилась у двери, обернулась и помахала нам рукой.

— Ты действительно намерен провести с ней вечер?

— Нам нужно поговорить.

— Не забывай о том, что она сделала.

Взгляд Эдварда стал жестким.

— Ты ее не знаешь.

— Не позволяй ей вертеть тобой.

— Она изменилась.

Он собрался развернуться и уйти, но я придержала его за куртку:

— Ты в этом уверен?

— Хорошего тебе вечера.

Я его отпустила, он посмотрел на меня в последний раз и направился к двери.

Вернулся он не поздно. Я поняла, что он закрылся в своей фотолаборатории, когда увидела просачивающийся из-за ставен красный свет. Похоже, Меган проиграла.

На следующий день я снова пала духом. Они были вдвоем на пляже. Я следила за ними, спрятавшись за занавесками своей спальни. Она льнула к нему и, я уверена, улыбалась, хлопая ресницами. Однако он держал некоторую дистанцию. Потом они поднялись вверх в сторону коттеджей, и он проводил ее до машины. Они стояли, повернувшись друг к другу. Я различала замкнутое лицо Эдварда. Она положила ладони ему на грудь. Он покачал головой и отстранился. Меган поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. Потом села в машину и уехала. Он закурил и вошел в дом.

Через несколько часов ко мне постучали. Я открыла дверь и увидела Эдварда.

— Можно войти?

Я посторонилась, и он прошел в гостиную. Он казался взвинченным, ходил по комнате кругами.

— Ты что-то хотел мне сказать?

— Я уезжаю.

— Как это, ты уезжаешь?

Он обернулся и подошел ко мне:

— Всего на несколько дней. Хочу взглянуть на все со стороны.

— Понимаю. А Меган, что с ней?

— Она останется в отеле.

Я погладила его по заросшей щетиной щеке, провела пальцем по черным кругам под глазами. Усталость на его лице становилась все заметнее. Он был на пределе.

— Будь осторожен.

Он не сводил с меня глаз. Я этого совсем не ожидала, но он вдруг обнял меня, привлек к себе и уткнулся головой мне в шею. Я вцепилась в него и не сумела сдержать слез. Он поднял голову, поцеловал меня в висок, отпустил меня и вышел, не сказав ни слова.

Вскоре после его отъезда на меня нахлынула тоска. Я бродила по дому как неприкаянная.

Дни, похожие один на другой как две капли воды, сменяли друг друга, напряжение спадало. Я не выходила из коттеджа. Не хотела встречаться с Меган и ввязываться в очередную детскую ссору. Не удивительно, что Эдвард сбежал. Он не подавал признаков жизни, и в этом для меня не было ничего неожиданного. Часами я просиживала в кресле лицом к бухте Малларанни. Перебирала воспоминания: смерть Колена и Клары, мой приезд в Ирландию, встреча с Эдвардом.

Однажды днем зазвонил телефон. Феликс. Несколько мгновений я колебалась, отвечать ли.

— Привет!

— Еще не утонула в пиве?

— Каким же ты бываешь дураком. Что нового в Париже?

— Да ничего особенного. А у тебя?

— Тоже ничего.

— У тебя странный голос. Что-то случилось?

— Нет, нет, все в порядке.

— А что ты сейчас делаешь?

— Размышляю о своем будущем.

— Ну и?..

— Пока все в тумане, но я надеюсь вскоре найти ответы.

— Не забудь сообщить мне.

— Обещаю. Ладно, давай прощаться.

Я отключила телефон и закурила.

После отъезда Эдварда прошла неделя. И всю эту неделю я рассматривала ситуацию с разных сторон, не отвергая ни один более или менее вероятный сценарий. Когда ближе к вечеру раздался стук в дверь, я поняла, что настал момент истины.

На пороге стоял Эдвард. Его лицо было серьезным. Он заглянул мне в глаза, и я испугалась. Сердце отчаянно застучало. Не говоря ни слова, он вошел и встал перед большим окном. Я последовала за ним и остановилась на несколько шагов позади. Он потер рукой лоб и глубоко вздохнул:

— Когда приехала Меган, я растерялся. Испугался того, что на меня свалилось. А ведь уже тогда у меня имелись ответы на все вопросы, причем давно. Будь я честен с собой с самого начала, можно было бы избежать всего этого цирка.

— Что ты пытаешься мне сказать? — спросила я дрожащим голосом.

— Я попросил Меган уехать, вернуться к себе в Дублин.

— Ты уверен в своем решении?

— Она ушла из моей жизни раз и навсегда. Все кончено. Теперь мы с тобой вдвоем. Мы вдвоем, и больше никого.

Я онемела. Смотрела на него и видела, что он спокоен и расслаблен, как никогда. Он улыбнулся мне, подошел, обнял за талию. Я вцепилась в его рубашку, чтобы не упасть, — ноги меня не держали. Его взгляд был таким напряженным, что я не смогла его выдержать. Он прижался лбом к моему лбу.

— Диана... я хочу что-нибудь построить с тобой... Я тебя...

Я положила палец на его губы. Комната погрузилась в тишину, я слышала, как стучит мое сердце. Я смотрела на свои ладони на его груди, кожей ощущала его дыхание. Потом осторожно выскользнула из его объятий, сделала шаг назад и упала на диван. Он двинулся ко мне, сел на низкий столик напротив и взял меня за руки.

— Мы начнем все сначала, — сказал он. — Не паникуй.

Я заглянула ему в глаза. Нежность и любовь, которые я в них прочла, оглушили меня. Я не могла больше молчать.

— Выслушай меня, пожалуйста!

Он улыбнулся мне, я сжала его ладони. Глубоко вдохнула, прежде чем начать.

— Я не думала, что мне будет так тяжело... Пока тебя не было, я много размышляла обо всем, что с нами приключилось. Ты вошел в мою жизнь, я снова захотела бороться, смеяться, жить... Ты стал так много значить для меня, наверное, ты теперь важнее всего, что есть у меня... я в это поверила... я так в это поверила... Но на самом деле я тешила себя иллюзией, будто ты заполнишь всю пустоту внутри меня... и что я смогу... смогу снова полюбить...

Эмоции захлестнули меня. Я не пыталась сдерживать слезы. Руки дрожали, я все сильнее вцеплялась в него. В его взгляде отразилась боль, которую я ему в этот момент причиняла. Но я должна была дойти до конца.

— Только я еще не готова... за мной слишком много призраков. Я не могу отодвинуть в сторону Колена, как ты Меган. Если мы с тобой будем вместе, однажды я упрекну тебя в том, что ты — не он... что ты — это ты... А я этого не хочу. Ты не костыль и не лекарство, ты заслуживаешь того, чтобы быть любимым по-настоящему, не как средство спасения, а сам по себе. И я знаю, что... люблю тебя не так, как надо. Во всяком случае, пока. Я должна заново собрать себя по кусочкам, снова стать сильной, окрепнуть, чтобы больше не нуждаться в помощи. И только после этого я смогу снова полюбить. Безраздельно. Понимаешь?

Он отпустил мои руки, словно они жгли его, челюсти сжались, заходили желваки. Я глубоко вздохнула и отвела взгляд, перед тем как нанести последний удар:

— Я уезжаю, потому что не могу жить рядом с тобой.

Ни вдали от тебя, подумала я. Слезы текли непрерывно, мы смотрели друг другу в глаза.

— У меня уже есть билет на самолет. Через несколько дней я уеду из Малларанни и вернусь в Париж. Я должна довести до конца свое выздоровление, и мне нужно сделать это самостоятельно, без тебя.

Я попыталась взять его за руку, он отдернул ее.

— Прости меня, — прошептала я.

Он закрыл глаза, сжал кулаки, набрал побольше воздуха в легкие. Потом встал и, не взглянув на меня, направился к входной двери.

— Подожди, — умоляющим голосом сказала я и побежала за ним.

Он резко распахнул дверь, оставил ее открытой, побежал к своей машине, сел в нее и уехал. В этот миг я поняла, что никогда больше его не увижу. И мне стало больно, страшно больно.

Самое простое, что мне оставалось сделать, — это известить Феликса. Я позвонила ему.

— Опять ты! — воскликнул он.

— Ну да... Готов снова выносить меня?

— Что-о-о?

— Я возвращаюсь.

— Что-что?

— Я возвращаюсь в Париж.

— Вау! Я организую сумасшедший праздник. Ты поселишься у меня...

— Стоп! Во-первых, никакого праздника. И жить я буду в студии над «Счастливыми».

— Да ты что, это же трущоба!

— Меня устраивает. Плюс кафе будет открываться вовремя.

— То есть ты еще и собираешься работать? Да быть такого не может!

— Однако это так. До встречи в «Счастливых людях».

— Не так быстро. Для начала я приеду за тобой в аэропорт.

— Не надо, сама справлюсь. Теперь я умею это делать.

Три часа спустя с тяжелым сердцем я отправилась к Эбби и Джеку. Мне открыла Джудит.

— Откуда ты взялась? — спросила я.

Она бросилась мне на шею:

— Где мой брат? Вчера вечером я видела его стерву, она приставала в пабе ко всем подряд. Я вскочила в машину и помчалась вас поздравлять.

— Хорошо, что ты здесь, я должна поговорить со всеми вами.

— Что происходит?

— Пойдем к Эбби и Джеку.

Она пропустила меня вперед. Эбби обняла меня и назвала «моя дорогая». Похоже, Джудит рассказала им всю историю и сообщила, что у нас с Эдвардом идеальная любовь. На мои глаза набежали слезы, я встретилась взглядом с Джеком и увидела, что он с его пронизательностью все понял. Сейчас от их ликования ничего не останется.

Мы сели. Эбби и Джудит ерзали на диване. Только Джек сохранял спокойствие и наблюдал за мной.

— Ты уезжаешь, да? — спросил он.

— Да.

— Что? Да что здесь творится? — закричала Джудит.

— Моя жизнь — в Париже.

— А Эдвард?

Я опустила голову и вся сжалась.

— Я думала, ты его любишь. А ты ничем не лучше той, другой, ты тоже попользовалась им и бросила!

— Хватит, Джудит, — вмешалась Эбби.

— Когда ты уезжаешь? — спросил Джек.

— Послезавтра.

— Совсем скоро, — воскликнула Эбби.

— Так будет лучше. И вот еще что... Когда я объяснила Эдварду свое решение, он уехал, и вот уже три дня его нет дома. Я не знаю, где он... Простите меня.

— Ты не виновата, — возразил Джек.

Джудит вскочила с дивана и схватила телефон.

— Автоответчик! — простонала она. — Он снова исчез, спрятался, как дикий зверь. Один раз мы уже такое пережили, а теперь опять! Нет, это слишком! Видеть тебя не могу!

Красная от злости, она швырнула мобильник и больше не смотрела в мою сторону.

— Мне пора, — сказала я и направилась к двери.

Все трое последовали за мной. Краем глаза я увидела, как Джек обнимает жену за плечи. На их лицах проступили грусть и тревога. На пороге Эбби снова обняла меня:

— Давай о себе знать.

— Спасибо за все, — ответила я, чуть не плача.

Я сжала ее в объятиях, поцеловала Джека в щеку и повернулась к Джудит.

— Провожу тебя до машины, — бросила она, не глядя на меня.

Я открыла дверцу, положила внутрь сумку. Джудит молчала.

— Я потеряла подругу? — спросила я.

— Ты поступаешь как полная идиотка. А мне уже надоело все решать за брата...

— Ты позаботишься о нем?

— Не волнуйся, задницу я ему точно надеру.

— Не знаю, что тебе сказать. Мне хотелось бы, чтобы...

— Знаю, — оборвала она, посмотрев мне прямо в глаза. — Если захочу, можно будет приехать к тебе в гости в Париж?

— В любой момент.

Я снова заплакала и увидела, что и у Джудит глаза на мокром месте.

— А теперь давай, катись.

Я обняла ее на прощание и забралась в машину. А потом уехала, больше не оборачиваясь.

Я сделала генеральную уборку, чтобы не оставлять в доме никаких следов своего пребывания. Чемоданы были собраны и выставлены в прихожую, а затем перекочевали в автомобиль. Закрывая багажник, я бросила взгляд на соседний коттедж, безнадежно пустой. Последние часы в Ирландии я провела в полном одиночестве.

Ночь накануне отлета я просидела на диване, неведь чего ожидая. На рассвете я положила конец этой пытке. Проглотила кофе и закурила, потом в последний раз обошла свои бывшие владения.

На улице было пасмурно, шел дождь, и на меня обрушились порывы ветра. Ирландский климат не собирался оставлять меня в покое, и я еще буду по нему скучать.

Когда я запираю дверь, меня замутило. Я прислонилась лбом к косяку. Пора было ехать. Я обернулась к машине и застыла на месте. Возле нее стоял Эдвард, его лицо ничего не выражало. Я побежала и, рыдая, бросилась в его объятия. Он обнял меня, погладил по волосам. Я изо всех сил вдыхала его запах. Его губы прикоснулись к моему виску, потом крепко прижались к нему. Это придало мне храбрости, и я подняла на него глаза. Он положил на мою щеку свою большую ладонь, и я задержала ее. Я попыталась ему улыбнуться, но у меня ничего не получилось. Руки, которыми я за него цеплялась, разжались. Он впился взглядом в мои глаза, и это было в последний раз — я знала. Потом он ушел в сторону пляжа. Я села в машину и включила зажигание. Так сильно ухватила за руль, что суставы побелели. Последний взгляд в зеркало заднего вида — он стоит под дождем, лицом к морю. Слезы застилали мне глаза. Я смахнула их и тронулась с места.

Глава десятая

Я вышла из такси возле «Счастливых людей». Водитель поставил мои чемоданы на тротуар. Кафе было закрыто. Феликса не видно. Я стояла перед запертой дверью. Прильнула к стеклу витрины. Внутри было темно и пыльно —

так, во всяком случае, мне показалось. Я села на чемодан, закурила и стала глядеть по сторонам.

Итак, я вернулась на исходную позицию. Ничего не изменилось: куда-то спешат горожане, сумасшедшее дорожное движение, суета в магазинах. Я успела забыть, какими раздраженными выглядят парижане. Стоило бы включить в обязательную школьную программу стажировку в ирландской атмосфере человеческого тепла. Сейчас я искренне так думала, но твердо знала, что через пару дней у меня будет такое же бледное и не слишком доброжелательное лицо, как и у остальных.

Я торчала на тротуаре уже час. Вот вдалеке появился Феликс. И я заметила, что с ним что-то не так. Феликс жался к стенам домов, надвинув кепку, пряча лицо за воротником куртки. Когда он поравнялся со мной, я увидела его забинтованное лицо.

— Ничего не хочу слышать, — заявил он.

Я расхохоталась:

— Теперь я понимаю, почему у нас закрыто.

— Только твой приезд смог вытащить меня из дому. Черт возьми, это и впрямь ты. — Он ущипнул меня за щеку. — С ума сойти, ты будто и не уезжала.

— Знаешь, я себя как-то странно чувствую.

Накопившаяся усталость давала себя знать.

Я скользнула в его объятия и расплакалась.

— Не надо так из-за меня расстраиваться. Это всего лишь сломанный нос.

— Идиот!

Он прижимал меня к себе и тихонько баюкал. Я начала смеяться сквозь слезы:

— Ты не даешь мне вздохнуть.

— Действительно собралась жить наверху?

— Да, это то, что надо.

— Хочешь поиграть в нищую студентку? Имеешь право.

Он помог мне отнести наверх чемоданы, надавив плечом, чтобы открыть входную дверь.

— Ой, как больно!

Я хихикнула.

— Заткнись!

У входа в квартиру он протянул мне ключ.

Я открыла дверь, вошла и с удивлением увидела громоздящиеся одна на другой коробки.

— Это еще что?

— То, что я смог спасти, когда освобождали твою квартиру. Эти старики — настоящие пираньи. Я все хранил здесь в ожидании твоего возвращения.

— Спасибо.

Я безостановочно зевала, а Феликс безостановочно говорил. Потом разнообразия ради он заказал пиццу, и мы ее съели, усевшись на полу вокруг коробки, заменившей нам столик. Он в подробностях рассказал, как сломал нос, — мрачная история после вечеринки, на которой было выпито больше, чем нужно.

— Послушай, — прервала я, — у нас полно времени, я валюсь с ног, а завтра нам нужно быть в форме.

— Зачем?

— «Счастливые люди» — это тебе о чем-то говорит?

— Без дураков? Ты собираешься снова начать работать?

Я просто посмотрела на него.

— О'кей, понял.

Он встал. Я проводила его к выходу.

— Встречаемся завтра утром, чтобы все обсудить, — сказала я на прощание.

Он порылся в карманах и протянул мне связку ключей.

— На случай, если я не проснусь. — Он поцеловал меня.

— Спокойной ночи.

Он как-то странно посмотрел на меня.

— В чем дело?

— Ни в чем, потом поговорим.

Через десять минут я была в постели, но сон не шел. Я забыла шум города, гудки, сирены, голоса ночных прохожих, яркое ночное освещение. А Малларанни теперь далеко. Эдвард тоже.

Я прошла по коридору здания, чтобы попасть в кафе. Дверь заскрипела. Внутри пахло затхлостью. Я щелкнула выключателем. Половина светильников не работала. «Счастливые люди» были не в лучшем состоянии. Я шла по залу,

глядела вокруг и вспоминала, вспоминала, вспоминала. Силилась ощутить то, что чувствовала здесь раньше. Впрочем, от бывшего сохранилось немного. Я шла вдоль книжных полок, некоторые из них были пусты. На других я трогала книги. Вытаскивала томик наугад, пролистывала. Загнутые уголки, пожелтевшие страницы — почти все они были потрепаны. Я прошла за стойку, провела по ней рукой — поверхность оказалась липкой. Взглянула на посуду — бокалы и чашки со сколами и щербинками. К одному из кранов для розлива пива скотчем приклеена бумажка: сломан. Книги со счетами и заказами свалены в кучу на полу за стойкой. Лишь фотографии на задней стенке были чистыми и висели на месте. Кофемашина долго сопротивлялась, пока не выплюнула некую жидкость, по цвету смутно напоминающую кофе. Я прислонилась к стойке и проглотила ее с гримасой отвращения. Мораль: никогда и ничего не оставлять на Феликса. Чтобы выбраться, устоять на ногах, чтобы излечиться, я верну к жизни «Счастливых людей».

Я уже в третий раз промывала пол тряпкой, когда мой драгоценный компаньон соизволил явиться.

— Ты решила переквалифицироваться в уборщицу?

— Да. Впрочем, как и ты. — Я швырнула ему в лицо пару резиновых перчаток.

Провозившись с уборкой несколько часов, мы уселись на пол. Перед витриной выстроилось в ряд с десятков мешков с мусором. Зато «Счастливые люди» пахли чистотой — в отличие от нас.

— Феликс, с этой минуты ты перестаешь изображать из себя библиотекаря.

— Я стану торговать, что ли?

Я кивнула.

— И предупреди своих приятелей, что они должны платить за все, что заказывают, включая каждый стакан воды. Это понятно?

— Когда ты такая, ты меня пугаешь.

Он закрыл лицо ладонями. Я шлепнула его по рукам и встала:

— Все, можешь идти играть в песочницу.

— А что мы будем делать завтра?

— Заказы.

— Я тебе нужен?

— Подрасти немного... Успокойся, в программе поздний подъем.

Мы с Феликсом стояли по обе стороны бара, я проверяла счета, а он оформлял заказы. Давно стемнело.

— Стоп! Меня уже от всего этого тошнит, — заявил он.

Потом встал, налил нам по бокалу вина, сложил все учетные книги и уселся на стойку.

— Мадам главнокомандующая не возражает?

— Нет, я как раз хотела сказать, что на сегодня хватит.

Он засмеялся, чокнулся со мной и вытащил из-за стойки свои сигареты. Я бросила на него мрачный взгляд.

— Но послушай, кафе закрыто, я имею право курнуть. И ты долго не выдержишь. Он помахал зажженной сигаретой перед моим носом.

— Черт с тобой, кури.

Я поднесла зажигалку к своей сигарете, сделала глоток вина и посмотрела на него:

— Я изменилась?

— Даже когда Колен и Клара были еще с нами, я не замечал, чтобы ты с таким остервенением вкалывала. Но вот от чего у меня вообще крыша едет, так это от того, что ты сама со всем справляешься.

— Я верю, что благодаря «Счастливым людям» заново выстрою свою жизнь. Нам ведь повезло, что у нас есть это место?

— Ты не планируешь стать шефом-диктатором? Потому что если планируешь, то лучше я сразу уволюсь.

— Если прикинуть, что ты реально делаешь, то не велика потеря.

— А если серьезно, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ага... Пойдешь со мной в клуб сегодня вечером?

— Не хочется.

— Ты же не запрешься в своей забегаловке на всю жизнь.

— Обещаю, скоро я снова отправлюсь с тобой на вечеринку.

— Тебе нужно видеться с людьми, и потом, не знаю, как сказать... но, может, уже пора познакомиться с каким-нибудь симпатичным парнем?

Я знала, что в какой-то момент мне все равно придется во всем сознаться.

— Боюсь, я встретила его слишком рано.

Феликс вздохнул:

— Колена нет с нами уже два года.

— Знаю.

— Ты безнадежна. Кончишь одинокой старой девой, окруженной кошками.

Он спрыгнул со стойки, тряхнув головой:

— Пойду пописаю.

— Вперед! — ответила я, закуривая.

Пять, четыре, три, два, один...

— Ты кого-то встретила? — завопил он, выходя из туалета.

— Застегни брюки...

— Отвечай мне! Кто это? Где он? Я его знаю?

— Да.

— Эдвард! Ты трахалась с ирландцем! Так я и знал. И как? Давай все подробности!

— Рассказывать нечего. Сухой остаток: он сделал мне много хорошего, а я ему — много плохого. Я наверняка окончательно потеряла его, и это все.

— Ты не способна и муху обидеть, не говоря уж о парне вроде него. Так что все это ерунда.

Он обнял меня и, как всегда, прижал к себе так, что я задохнулась.

— Ну давай... рассказывай, что произошло.

— Пожалуйста, не надо, я не хочу говорить о нем.

— Почему?

— Потому что тоскую по нему.

Я еще теснее прижалась к Феликсу.

— Слава богу, ты не приволокла его сюда в одном из своих чемоданов. А то было бы совсем плохо. Мне бы все время хотелось переспать с твоим мужиком.

Я заплакала. От смеха. И от печали. Феликс долго баюкал меня в объятиях, а я все не могла успокоиться.

«Счастливые люди» были готовы. Я — чуть меньше. Не выспалась, нервничала и была взвинчена. В последний раз проверила, все ли в порядке. Все было супер: новая посуда на месте, пиво разливается как надо, кофемашина выдает кофе, достойный этого названия, бар сверкает, книги в лучшем виде расставлены на полках и ждут читателей. Мы с Феликсом решили перетряхнуть наш каталог. Я предоставила ему полную свободу — сама я слишком давно отключилась от литературной жизни, чтобы правильно сориентироваться. «Надо взять и что-нибудь погорячее, — заявил он. — У наших клиентов, знаешь ли, на это есть спрос». Я и не сомневалась, тем более что часть клиентуры пришла через него. В общем, он заказал, среди прочего, Чака Паланика, Ирвина Уэлша и последний роман неизвестного мне французского автора Лорана Беттони «Земные тела». «Ты увидишь, это как если б маркиз де Сад написал „Опасные связи“, но современным языком. Это придаст нашему заведению легкий аромат скандала, очень даже миленький». Я улыбнулась. После двух лет летаргии я чувствовала себя готовой и к нарушению общественной нравственности, и к скандалу.

Ну все, грифельная доска выставлена. Я открыла дверь, чтобы услышать колокольчик, как раньше, когда его звон так радовал Клару. Прикрыла глаза и увидела ее улыбку. И тут вошел первый клиент. Рабочий день начался.

Феликс появился к полудню, с громадным букетом роз и фрезий, похожим на тот, что Колен подарил мне много лет назад. Он неуклюже протянул его мне и отправился со своей курткой к вешалке. Я поставила цветы, подошла к нему, поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Он бы гордился тобой, — шепнул мне на ухо Феликс.

Все воскресенье я занималась обустройством квартиры. После моего возвращения прошло две недели, а я по-прежнему жила в окружении коробок и чемоданов. Квартирка была небольшая, но меня она устраивала. Здесь я чувствовала себя дома. Я прикрепила на стены несколько фотографий Колена и Клары, чтобы они были всегда рядом. Одежду — только свою — я наконец повесила в шкаф. Поставила на полки книжки, которые брала с собой в Ирландию. С огромным удовольствием установила великолепную кофеварку, подарок Колена. Великое спасибо Феликсу, который ее уберег.

Оставалось разобрать последнюю дорожную сумку. В ней я нашла фотографии Эдварда. Не в силах устоять перед искушением, я села на пол и стала их рассматривать. Когда я увидела нас обоих на глянцевой бумаге, сомнения и воспоминания снова накатили на меня. Эдвард постоянно занимал мои мысли. Я тревожилась о нем. Мне хотелось знать, как он там, что делает, что сказал бы, узнав, что я снова взялась за работу. И думает ли он обо мне. Я сложила фотографии в коробку с сувенирами, которая хранилась в самой глубине шкафа. Вздохнула, снова включила музыку и пошла в ванную. Поливала себя водой и думала о том, что завтра проснусь и начну очередную рабочую неделю. Сумею открыть глаза в половине восьмого, спущу ноги на пол, оденусь и открою «Счастливых людей». Найду в себе силы улыбаться клиентам, разговаривать с ними. Все получится, потому что выбора у меня нет.

Солнце просачивалось сквозь занавески моей спальни, хорошая погода поможет мне справиться с сегодняшней задачей. Я вернулась уже месяц назад и не собиралась сдаваться. Я спокойно готовилась к новому дню. Открыла окно и встала перед ним с чашкой кофе и первой сигаретой.

Как и каждое утро, я вошла в «Счастливых» через служебный вход. Но сегодня я повесила в витрине табличку, предупреждающую о более позднем открытии. Автопилот включился.

Я вышла из цветочного магазина с охапкой белых роз. Нервничая и дрожа от возбуждения, зашагала по аллеям.

Однако дорогу находила легко.

Перед их могилой я как следует отдышалась. Она, как и раньше, была в полном порядке. Я сбросила с мрамора несколько увядших лепестков и поставила цветы в вазу. Присела на корточки. Кончиками пальцев погладила имена.

— Привет! Любимые мои... я вернулась... я скучала без вас... В Ирландии было хорошо, но было бы еще лучше, окажись вы оба там со мной. Ох, Клара, знала бы ты: я каталась по песку с такой огромной собакой, каких ты никогда не видела... ты бы могла забраться ей на спину и погладить уши... Мне жаль, что у тебя такой не было... Мама очень любит тебя...

Я вытерла слезу, покотившуюся по щеке.

— Колен... любимый мой... я слишком люблю тебя. Когда мне удастся тебя отпустить? Вроде я к этому приблизилась, а потом, сам видишь... Думаю, Эдвард тебе бы понравился... Да что я такое болтаю? Он ведь должен понравиться мне, а не тебе.

Я огляделась вокруг, ничего не видя. Смахнула слезы. Потом снова перевела взгляд на их могилу и склонила голову набок.

— Я так люблю вас обоих... Но мне пора, Феликс ждет меня.

Я подошла к своему литературному кафе. Феликса еще не было. Нормально.

Но небо оставалось голубым, и я улыбнулась, прикрыв глаза. Теперь я обрела способность ценить маленькие простые радости. Что ж, уже хорошо. Я дотронулась до своего обручального кольца. В один прекрасный день я сниму его. Возможно, ради Эдварда. Зазвонил телефон. Время начинать работу. Перед тем как войти в кафе, я бросила взгляд на вывеску:

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ...